ISSN 2308-765X

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

ВЕСТНИК ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (46), 2026

Выходит с июня 2015 года
Издается по решению Ученого совета
Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС
Периодичность издания – 4 раза в год

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-52750
от 08 февраля 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Тлисов Азамат Борисович — кандидат экономических наук, доцент (Пятигорск)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

Volker J. Kreyher — Prof. Dr., Rector of Europa Campus, Germany
Аскеров Шахлар Гачай оглы — доктор физико-математических наук, профессор (Азербайджан, г. Баку)
Белокрылова Ольга Спиридоновна — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Ростов-на-Дону)
Бураканова Галия Масыгутовна — доктор социологических наук, профессор (Казахстан, г. Астана)
Гапуров Шахрудин Айдиевич — доктор исторических наук, профессор, академик АН ЧР (г. Грозный)
Дзамихов Касболат Фицевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики и Республики Адыгея (г. Нальчик)
Клюковская Ирина Николаевна — доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь)
Липина Светлана Артуровна — доктор экономических наук, профессор (г. Москва)
Навасардова Элеонора Сергеевна — доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь)
Рогачев Алексей Фруминович — доктор технических наук, профессор (г. Волгоград)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Киселева Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Алиева Светлана Викторовна — доктор социологических наук, доцент

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Агеева Екатерина Александровна — кандидат политических наук, доцент
Акопян Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент
Кулиев Фарман Мурувват оглы — доктор исторических наук, доцент
Медяник Наталья Витальевна — доктор экономических наук, доцент
Мулляр Лилия Анатольевна — доктор философских наук, доцент
Ступникова Оксана Емельяновна — кандидат экономических наук, доцент
Григошина Лариса Юрьевна — кандидат философских наук, ответственный секретарь
Кочесокова Марьяна Каральбиевна — технический секретарь

Учредитель (адрес): федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1)

Адрес редакции, издательства: 357502, Ставропольский край, г. о. город-курорт Пятигорск, город Пятигорск, улица Дунаевского, д. 5а

Тел.: 8(8793) 33-26-21, e-mail: vestnik-ski@ranepa.ru
Наш адрес в Internet: http://www.ski.ranepa.ru

© «Вестник экспертного совета», 2026
© Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ф. Ахмедова, Н. Шаумарова
РОЛЬ УЗБЕКСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ 3

Л. Мулляр
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИКСТЕР КАК ТРАНСЛЯТОР
СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИРОНИИ 16

О. Сорокина, В. Киреева
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДА-КУРОРТА ПЯТИГОРСКА) 27

МЕНЕДЖМЕНТ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

С. Алиева
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ОРГАНИЗАЦИИ:
ОТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО HR-МЕНЕДЖМЕНТА К «ЖИВЫМ ЭКОСИСТЕМАМ» 37

И.В. Долгова, А.А. Жамборов
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 46

М. Овсянникова
ЦИФРОВИЗАЦИЯ АУДИТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 55

ИСТОРИЯ, ПРАВО, ОБРАЗОВАНИЕ

М. Арутюнова, Д. Стрельцова
ИНСТИТУТ БРАКА КАК ОСНОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ:
ВЛИЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА СОЗДАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ СЕМЬИ 67

И. Иванова
ПОКОЛЕНИЕ Z В ВУЗОВСКОМ СПОРТЕ: ЗАПРОСЫ И ФОРМАТ ЗАНЯТИЙ 75

М. Маргушева
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА 84

Г. Севумян
КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 90

Ю. Слепенок
ПРАВОВОЙ СТАТУС ВРАЧА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 97

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

А. Андреев
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА 104

М.-А. Тлисов
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 112

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 118

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 316.346.32-053.6+316.35

РОЛЬ УЗБЕКСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Феруза Ахмедова,
Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан
Нигора Шаумарова,
Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Рассматривается социальная консолидация как социологический феномен в современном узбекском контексте. Исследование опирается на теорию солидарности Э. Дюркгейма, различение общности и общества Ф. Тённиса и концепции социальной сплоченности и социального капитала; методы – опрос 1200 респондентов в четырёх регионах Узбекистана (2024–2025 гг.) и экспертные интервью (n = 17). Выявлены ценностные ориентации молодежи, ведущая роль цифровых каналов в получении духовно-просветительской информации и разрыв между высокой значимостью махалли (64,8%) и регулярным участием в её деятельности (31,2%). Результаты могут быть использованы при адаптации работы с молодёжью к цифровой среде, интерактивным и волонтёрским форматам на уровне махалли.

Ключевые слова: социальная консолидация, социальная сплочённость, социальная солидарность, ценности, молодежь, духовно-просветительская работа, махалля, социальный капитал, участие.

THE ROLE OF YOUTH IN UZBEKISTAN IN SOCIAL CONSOLIDATION

Akhmedova F., Shaumarova N.

Abstract. The article examines social consolidation as a sociological phenomenon in the contemporary Uzbek context. The study draws on Durkheim's theory of solidarity, Tönnies's Gemeinschaft–Gesellschaft distinction and the concepts of social cohesion and social capital; the methods are a survey of 1,200 respondents in four regions of Uzbekistan (2024–2025) and expert interviews (n = 17). The article identifies the value orientations of youth, the leading role of digital channels in obtaining spiritual-educational information, and a gap between the high importance attributed to the mahalla (64.8%) and regular participation in its activities (31.2%). The results can be used to adapt youth work to the digital environment and to interactive and volunteer-based formats at the mahalla level.

Keywords: social consolidation, social cohesion, social solidarity, values, youth, spiritual-educational work, mahalla, social capital, participation.

Введение. Махалля – это традиционная территориальная община в Узбекистане: жители одного квартала или села, объединённые соседскими связями, общими обычаями и взаимопомощью. Слово арабского происхождения и означает «район» или «квартал». Это самоуправляемое сообщество из нескольких сотен семей. Обычно она охватывает один квартал в городе или небольшое село. Её возглавляет председатель (раис), которого избирают жители. У него есть помощники и советники, например, по работе с молодёжью, женщинами и семьями. Махалля работает на двух уровнях. Это низовая форма местного самоуправления, но она тесно связана с государством: получает бюджетное финансирование и задачи сверху.

Чем занимается махалля? Помогает нуждающимся семьям: малообеспеченным, пожилым, одиноким, многодетным. Организует и поддерживает праздники и обряды: свадьбы, поминки, общие работы (хашар). Разбирает конфликты между соседями и в семьях, ведёт профилактику правонарушений. Занимается благоустройством территории и, как отмечено в настоящей статье, духовно-просветительской (ma'naviy-ma'rifiy) работой.

По данным Организации Объединённых Наций, в 2024 г. около 56% населения мира проживало в городах, а к 2050 г. эта доля, по прогнозам, достигнет 68% [1]. Быстрая урбанизация и миграция могут ослаблять традиционные социальные связи и усиливать тенденции к индивидуализации. Именно в этих условиях социальная консолидация – осознанное объединение членов общества вокруг общих целей, ценностей и интересов – становится значимой исследовательской проблемой социологии. Исследование Pew Research Center 2024 г. показывает, что в 24 странах 64% опрошенных считают, что доверие между людьми в их обществе за последние двадцать лет снизилось [2], что еще больше повышает значимость изучения внутренних связей, скрепляющих общество. В Узбекистане укрепление социальной консолидации и формирование духовно-просветительской среды объявлены приоритетными направлениями государственной политики [3], а 2026 год объявлен «Годом развития махалли и возвышения общества». Эти ориентиры государственной политики образуют институциональный контекст настоящего исследования и рассматриваются именно как контекст, а не как результаты собственного исследования авторов.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является социальная консолидация в современном узбекском обществе; предметом – ценностные ориентации и практики участия молодежи, а также роль махалли и цифровых каналов коммуникации в процессах консолидации.

Проблема исследования. Проблема состоит в противоречии между устойчиво высокой символической значимостью махалли и традиционных ценностей для молодежи Узбекистана и сравнительно низким уровнем практического участия молодых людей в деятельности махалли. Дополнительное измерение проблемы – перенос значительной части социализации молодежи и ценностной коммуникации в цифровую среду, к которой традиционные формы духовно-просветительской (ma'naviy-ma'rifiy) работы пока адаптированы не полностью.

Цель и вопросы исследования. Цель исследования – выявить специфику ценностных ориентаций и практик участия молодежи в современном Узбекистане и определить место махалли и цифровых каналов коммуникации в процессах социальной консолидации. Исследование направлено на решение четырех задач, сформулированных в виде исследовательских вопросов (ИВ):

ИВ1. Какие ценности занимают приоритетное место в структуре ориентаций современной узбекской молодежи?

ИВ2. Какие институты и информационные каналы служат основными источниками ценностной и духовно-просветительской информации для молодых людей?

ИВ3. Как молодые люди оценивают роль махалли в своей жизни и насколько активно они участвуют в ее деятельности?

ИВ4. Какие формы работы с молодежью в наибольшей степени соответствуют интересам и коммуникативным практикам молодых людей?

Гипотезы. С учетом преимущественно описательного характера данных сформулированы три непосредственно проверяемых предположения:

Г1. Высокая субъективная значимость махалли для молодых людей необязательно сопровождается регулярным участием в ее мероприятиях.

Г2. Цифровые платформы чаще служат источником духовно-просветительской информации для молодежи, чем традиционные институциональные каналы.

Г3. Молодежь предпочитает интерактивные и волонтерские форматы традиционным мероприятиям лекционного типа.

Научная новизна. Новизна исследования состоит в эмпирическом описании и интер-

претации разрыва между символическим признанием махалли как значимого социального института и реальным участием молодежи в ее деятельности, а также в уточнении роли цифровых каналов коммуникации в трансформации механизмов социальной консолидации в современном Узбекистане.

Теоретические основы. В настоящем исследовании социальная консолидация понимается как процесс и результирующее состояние, при котором члены сообщества согласуют свои ценностные ориентации, формируют чувство принадлежности и демонстрируют готовность к совместным действиям в рамках общих институтов. Определенная таким образом консолидация аналитически отличается от ряда смежных понятий. Социальная солидарность в понимании Э. Дюркгейма характеризует тип связи (механическая или органическая), скрепляющей общество; социальная интеграция означает включение индивидов и групп в единый институциональный порядок; социальная сплоченность в трактовке Дж. Чана, Х.-П. То и Э. Чана – это состояние горизонтальных и вертикальных отношений, характеризующееся доверием, чувством принадлежности и готовностью к участию [4]; социальная стабильность – устойчивость социального порядка во времени; социальный капитал [5, 6, 7] – ресурсы, заложенные в социальных сетях и отношениях доверия. В принятой здесь рамке общие ценности рассматриваются как условие и компонент консолидации, а не как ее автоматический результат: ценностное согласие делает возможными согласованные действия, но само по себе не гарантирует участия.

Вместо исчерпывающего обзора истории понятия в статье используются три взаимодополняющих подхода, наиболее значимых для ее объекта. Во-первых, различение Э. Дюркгеймом механической солидарности (основанной на общих верованиях и сильном коллективном сознании) и органической солидарности (основанной на разделении труда и функциональной взаимозависимости) описывает сосуществование традиционных и современных связей в быстро модернизирующемся обществе; понятие аномии обозначает ослабление общих норм как аналитическую противоположность консолидации [8]. Во-вторых, различение Ф. Тённисом общности (Gemeinschaft), основанной на родстве, соседстве и общих ценностях, и общества (Gesellschaft), основанного на рациональных интересах и договорных отношениях, образует центральную оптику статьи: махаллю можно интерпретировать как современную форму солидарности типа Gemeinschaft, функционирующую в обществе типа Gesellschaft [9]. В-третьих, теория социального капитала и современные концепции социальной сплоченности связывают эти классические различения с измеримыми показателями – доверием, принадлежностью и участием.

Интерпретация махалли как современной общности, однако, не должна ограничиваться ее интегративным потенциалом. Современные исследования подчеркивают, что те же черты, которые порождают сплоченность, могут создавать и ограничения: неформальный социальный контроль, возрастные и гендерные иерархии, давление в сторону конформизма и исключение лиц или групп, не соответствующих господствующим ожиданиям [10, 11, 12]. Учет этих ограничений предостерегает от чисто нормативного изображения традиционных институтов как безусловно консолидирующих и помогает интерпретировать разрыв между символической значимостью махалли и уровнем участия молодежи.

В качестве иллюстрации системного места этих институтов можно привести схему AGIL Т. Парсонса [13], в которой интеграция и сохранение ценностей отнесены к числу функциональных императивов любой социальной системы. На рисунке 1 представлена авторская интерпретация этой схемы, в которой функция интеграции соотнесена именно с махаллей; она предлагается как аналитическая иллюстрация, а не как эмпирический результат.

A – Адаптация (экономическая система) Приспособление к среде	G – Достижение цели (политическая система) Достижение общественных целей
L – Латентность (духовно-культурная система: семья, образование) Сохранение и передача ценностей	I – Интеграция (общинная система: махалля) Обеспечение внутреннего единства общества

Рисунок 1. Авторская интерпретация модели AGIL Т. Парсонса

Источник: составлено авторами на основе [13].

В соответствии с принятым определением консолидация понимается не как диффузное свойство общества в целом, а через набор измеримых проявлений: ценностное согласие, чувство принадлежности, готовность к коллективным действиям, участие в деятельности махалли и отношение к духовно-просветительским программам. Соответствие этих измерений показателям опроса приведено в таблице 1.

Таблица 1. Измерения социальной консолидации и их эмпирические показатели в настоящем исследовании

Измерение социальной консолидации	Эмпирический показатель
Ценностное согласие	Приоритетные ценностные ориентации молодежи (опрос)
Чувство принадлежности	Субъективная значимость махалли
Готовность к коллективным действиям	Заявленная готовность участвовать в волонтерской и общественной деятельности
Фактическое участие	Регулярность участия в мероприятиях махалли
Каналы ценностной коммуникации	Названные источники духовно-просветительской (ma'naviy-ma'rifiy) информации

Источник: составлено авторами.

Обзор литературы. Современные социологические исследования того, что скрепляет общество, развиваются вокруг близких понятий социальной сплоченности и социального капитала. Р. Патнэм зафиксировал упадок ассоциативной жизни и гражданской активности и связал социальный капитал с доверием и участием [7], а Дж. Чан, Х.-П. То и Э. Чан предложили влиятельное определение социальной сплоченности, построенное на доверии, чувстве принадлежности и готовности к участию, с разграничением горизонтальных и вертикальных отношений [4]. Последующие обзоры и работы по измерению уточнили эти измерения и их показатели [14, 15]. Эта литература задает понятийный аппарат, в терминах которого в настоящем исследовании операционализируется консолидация.

Отдельный и непосредственно значимый корпус работ посвящен махалле. Историко-этнографические исследования прослеживают ее трансформацию в дореволюционный, советский и постсоветский периоды [10, 16], более поздние работы анализируют махаллю как форму социального капитала и как гибридный институт, расположенный между государством и обществом и формируемый как привязанностью к сообществу, так и инструментализацией со стороны государства [11, 17]. Р. Уринбоев и С. Эралиев интерпретируют махалли как неформальные гражданские инициативы в незападном контексте [12]. В совокупности эта литература предостерегает от восприятия махалли как однозначно консолидирующего института и представляет ее как институт спорный и адаптивный.

Третье направление касается ценностей молодежи, гражданского участия и цифровой социализации в Центральной Азии. Региональные аналитические работы описывают смещение молодежи от традиционных форм институционального участия к цифровым формам гражданского самовыражения [18]. Более широкие обзоры положения молодежи

в регионе фиксируют демографический вес молодых людей и стоящие перед ними проблемы в сфере образования, экономического участия и гражданской активности [19, 20]. Определенный интерес представляют и национальные исследования ценностей: работы о роли культурно-нравственных ценностей в демократизации общества [21] и о трансформации махалли из традиционной общности в социальный институт [22].

Пробел в исследованиях. Несмотря на богатство литературы, сравнительно мало рецензируемых эмпирических работ объединяет эти направления применительно к Узбекистану, совместно рассматривая ценностные ориентации молодежи, отношение к махалле и участие в ее деятельности, а также роль цифровых каналов в рамках одного исследования. В частности, разрыв между символическим признанием махалли и реальным участием молодых людей редко фиксировался и интерпретировался на основе данных опроса. Настоящее исследование восполняет этот пробел.

Институциональный контекст. Современная работа с молодежью в Узбекистане осуществляется в рамках государственной политики, ориентированной на укрепление социальной стабильности, гражданской ответственности, патриотизма и участие молодых людей в жизни местных сообществ. Особое место в реализации этих задач отводится институту махалли и системе духовно-просветительской (ma'naviy-ma'rifiy) работы. Для характеристики институционального контекста были рассмотрены основные государственные программы, нормативные документы и официальные материалы, определяющие цели и формы взаимодействия с молодежью. Этот материал представлен как обзор институционального и программного контекста, а не как результат формального контент-анализа.

Институциональная и нормативная основа работы с молодежью задается, в частности, двумя документами. Указом Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № УП-158 «Об утверждении Стратегии «Узбекистан – 2030»» определены стратегические приоритеты страны, включая развитие человеческого капитала, образования и поддержку молодежи, и тем самым задаются общие цели, в рамках которых организуется духовно-просветительская работа [23]. Постановление Президента от 16 августа 2022 г. № ПП-353 «О мерах по усилению роли института махалли в жизни общества и дальнейшему расширению его финансовых возможностей» закрепляет за махаллей статус основного общинного института, его функции и финансовые ресурсы и упрочивает законодательную основу реализации этих задач [24]. В совокупности эти акты помещают махаллю и систему ma'naviy-ma'rifiy работы в центр официально предусмотренных механизмов вовлечения молодежи в жизнь сообщества.

Методы. Эмпирическая база исследования состоит из двух компонентов: количественного социологического опроса и качественных экспертных интервью. Обзор государственных документов (см. подраздел «Институциональный контекст») характеризует национальный институциональный контекст, а рассмотрение зарубежных практик (см. раздел «Результаты») поддерживает практико-ориентированную часть статьи; ни то, ни другое не рассматривается как самостоятельная эмпирическая процедура.

Социологический опрос, составивший эмпирическую основу исследования, проведен в 2024–2025 гг. в четырех регионах Республики Узбекистан – городе Ташкенте, Самаркандской, Ферганской и Кашкадарьинской областях. Регионы отбирались по следующим критериям: географический – охват центральной, восточной, западной и южной частей республики; урбанизационный – включение респондентов из крупного города (Ташкент), областных центров и сельской местности; демографический – отбор регионов, различающихся численностью населения, возрастным составом и этнокультурными характеристиками; экономический – охват регионов с разным уровнем экономического развития.

Объем выборки составил 1200 респондентов, что позволяет репрезентативно охарактеризовать общественное сознание населения при доверительной вероятности 95% и предельной ошибке ±2,8%.

Объем выборки определялся по формуле:

$$n = Z^2 \cdot p \cdot (1 - p) / e^2$$

где n – объем выборки, Z – доверительный коэффициент (1,96 для 95%), p – ожидаемая доля (0,5), e – предельная ошибка (0,028). Расчет по этой формуле дал минимальный объем выборки 1225 человек. Полученная в опросе выборка в 1200 респондентов обеспечивает статистическую надежность. Территориальное и социально-демографическое распределение респондентов представлено в таблице 2.

Таблица 2. Территориальное и социально-демографическое распределение респондентов опроса

Регион	Город	Село	Всего	%
Город Ташкент	400	–	400	33,3
Самаркандская область	150	120	270	22,5
Ферганская область	150	130	280	23,3
Кашкадарьинская область	120	130	250	20,8
Итого	820	380	1200	100

Источник: данные опроса авторов.

Распределение по полу: мужчины – 49,2% (590 человек), женщины – 50,8% (610 человек), что соответствует естественному половому составу населения страны. Распределение по образованию: высшее – 38%, среднее специальное – 27%, среднее – 32%, ниже среднего – 3%. По занятости: работающие – 64%, студенты и школьники – 14%, незанятые – 8%, пенсионеры – 14%.

Важно определить, в какой мере результаты опроса могут характеризовать молодежь Узбекистана в целом. Выборка охватывает четыре региона, поэтому выводы формулируются с учетом ее фактического территориального и социального охвата и рассматриваются как характеризующие обследованную группу, а не молодежь страны в целом. Это ограничение учтено в формулировках раздела «Результаты».

Экспертные интервью. Результаты экспертных интервью, проведенных в рамках исследования, дали ясный ответ на вопрос о том, какие возможности цифровая среда создает для духовно-просветительских (ma'naviy-ma'rifiy) программ. Все 17 экспертов оценивали этот вопрос с позиций собственного профессионального опыта, а их ответы обрабатывались в программе NVivo 12 методом тематического контент-анализа. В результате были выделены пять основных возможностей цифровой среды, каждая из которых имеет собственное социологическое и методологическое значение. Состав выборки экспертов представлен в таблице 3.

Таблица 3. Состав выборки экспертных интервью (n = 17)

№	Категория экспертов	Число	%
1	Председатели махалли и пропагандисты духовности (ma'naviyat)	5	29,4
2	Специалисты в области социологии и философии	4	23,5
3	Специалисты по делам молодежи	3	17,6
4	Работники СМИ и журналисты	2	11,8
5	Сотрудники духовно-просветительских центров и министерства	2	11,8
6	Представители религиозных общин и имам-хатибы	1	5,9
	Итого	17	100,0

Источник: данные исследования авторов.

Ограничения. Исследование имеет ряд ограничений. Оно основано на поперечном опросе и потому устанавливает распространенность ориентаций в один момент времени, но не позволяет делать причинные выводы об источниках этих ориентаций. Ценностные ори-

ентации измеряются по самоотчетам, которым присущи эффекты социальной желательности. Репрезентативность выборки ограничена ее фактическим территориальным и социальным охватом. Эти ограничения учтены при формулировании результатов и выводов.

Результаты. Результаты организованы вокруг исследовательских вопросов и ограничены данными, полученными непосредственно в ходе опроса и экспертных интервью; их интерпретация приведена ниже, в подразделе «Обсуждение».

Ценностные приоритеты молодежи (ИВ1). Среди респондентов в возрасте 18–29 лет преобладают следующие ценностные ориентации: семья и семейные отношения – 81,3%; личностное развитие и профессиональный рост – 73,8%; любовь к Родине и национальная гордость – 69,4%; материальное благополучие и экономическая независимость – 67,2%; знания и просвещение – 64,8%; дружба и социальные связи – 61,5%; религиозные и нравственные ценности – 56,3% (рисунок 2). Эти показатели характеризуют обследованную группу 18–29-летних; поскольку другие возрастные группы по данному вопросу не анализировались, межвозрастные сопоставления не проводятся.

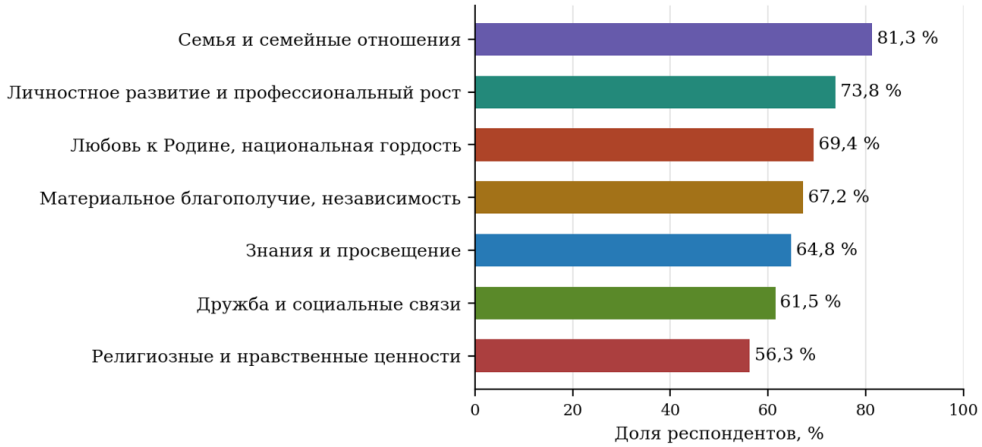

Рисунок 2. Ценностные ориентации обследованной молодежи

Источник: данные опроса авторов.

Источники духовно-просветительской информации (ИВ2). Названные респондентами источники духовно-просветительской (ma'naviy-ma'rifiy) информации показаны в таблице 4. Социальные сети – наиболее часто называемый источник (78,4%), с большим отрывом от образовательных учреждений (58,7%), пропагандистов махалли по вопросам духовности (41,5%), телевидения и радио (38,9%) и религиозных институтов (28,1%).

Таблица 4. Источники духовно-просветительской информации среди молодежи (n = 1200)

№	Источник информации	Доля,%
1	Социальные сети (Telegram, Instagram, TikTok, YouTube)	78,4
2	Члены семьи и близкие родственники	63,2
3	Образовательные учреждения (школа, колледж, университет)	58,7
4	Пропагандисты духовности (ma'naviyat) махалли	41,5
5	Телевидение и радио	38,9
6	Друзья и сверстники	36,4
7	Религиозные институты и имам-хатибы	28,1
8	Печатные СМИ (газеты, журналы)	12,7

Источник: данные опроса авторов.

Отношение к махалле и участие в ее деятельности (ИВ3). Отношения молодых людей с махаллей характеризуются заметным расхождением. С одной стороны, 64,8% респондентов согласились с утверждением «махалля занимает важное место в моей жизни»; с другой – лишь 31,2% сообщили, что регулярно участвуют в мероприятиях махалли. Этот разрыв между субъективной значимостью института и уровнем регулярного участия является центральным эмпирическим результатом исследования.

Предпочитаемые формы работы с молодежью (ИВ4). Респонденты выразили явное предпочтение интерактивным форматам (дебаты, дискуссии, тренинги, мастер-классы) перед традиционными собраниями лекционного типа. Привлекательными форматами названы также сочетание духовно-просветительской деятельности со спортивными и творческими соревнованиями и опора на пример успешных молодых лидеров.

Готовность к волонтерской и общественной деятельности. В анкете два пункта касаются волонтерства, и формулировки их различаются. На пункт «Я хотел(а) бы участвовать в волонтерской деятельности в моей махалле» утвердительный вариант выбрали 64,8%; на отдельный пункт об общей готовности участвовать в волонтерской деятельности такую готовность подтвердили 58,7%. Поскольку эти два показателя получены в ответ на вопросы разной формулировки, они приводятся раздельно и не рассматриваются как измерения одной и той же величины.

Ценностные ориентации, связанные с духовно-просветительскими программами. В опросе также зафиксирована распространенность нескольких ценностных ориентаций, которые государственные духовно-просветительские программы стремятся укреплять: национальная идентичность и гордость – 84,6%; обучение и знания как непрерывный процесс – 82,7%; патриотизм (любовь к Родине как базовая ценность) – 76,3%; трудовые и профессиональные ценности (честный труд как условие успеха) – 73,5%; социальная ответственность (готовность вносить вклад в развитие общества) – 64,2% (рисунок 3). Эти показатели описывают распространенность соответствующих ориентаций среди респондентов; поперечный дизайн не позволяет заключить, что они сформированы именно благодаря программам. Данные согласуются с ценностными ориентациями, продвигаемыми государственными программами, но сами по себе не доказывают причинного эффекта.

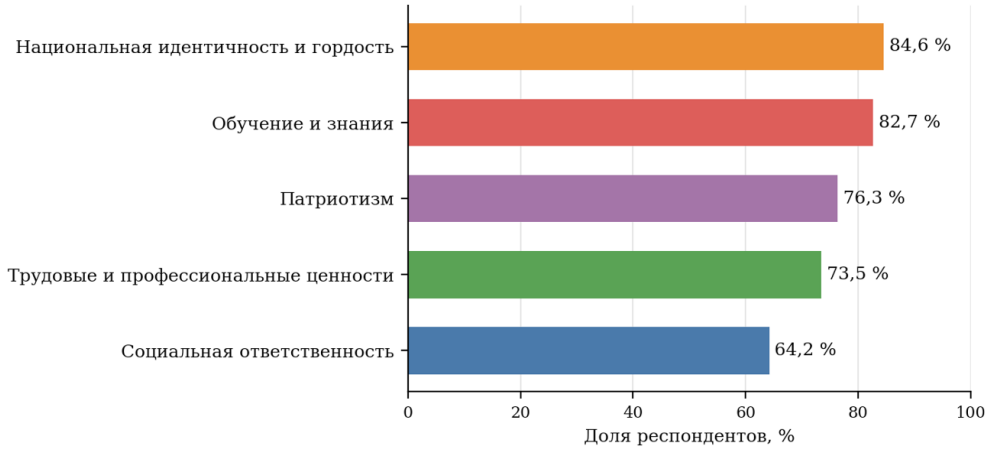

Рисунок 3. Распространенность отдельных ценностных ориентаций среди респондентов (n = 1200,%)

Источник: данные опроса авторов.

Позиции экспертов. Экспертные интервью сходятся во мнении, что мероприятия на уровне махалли по форме и содержанию ориентированы на старших жителей и не в полной мере отвечают интересам и потребностям молодежи, и что необходимы специально раз-

работанные мероприятия современного формата для молодежи. Эта позиция приводится как аналитическая тенденция.

Обсуждение. Полученные данные позволяют предположить, что современная узбекская молодежь сочетает традиционные и современные ценностные ориентации: семейные и национальные ценности соседствуют с выраженным акцентом на личностном развитии, знаниях и материальной независимости. В терминах принятой рамки этот синтез согласуется с сосуществованием связей типа Gemeinschaft и Gesellschaft по Ф. Тённису и с ожиданием Э. Дюркгейма, что в модернизирующемся обществе консолидация опирается не столько на механическое воспроизводство унаследованных норм, сколько на активную интеграцию общих ценностей в новых условиях.

Центральный результат – разрыв между высокой символической значимостью махалли (64,8%) и низким уровнем регулярного участия (31,2%) – подтверждает гипотезу Г1. Возможны несколько взаимодополняющих объяснений. Во-первых, как показывают экспертные интервью, содержание мероприятий махалли ориентировано на старшие поколения и не содержит интерактивных форматов. Во-вторых, коммуникативные практики молодежи сместились в сторону цифровых каналов: социальные сети – ведущий источник духовно-просветительской информации (78,4%), с большим отрывом от институциональных каналов, что согласуется с Г2 и с региональными данными о цифровом образе опосредованной гражданской активности молодежи Центральной Азии [18]. В-третьих, те же черты, которые придают махалле интегративную способность, – неформальный контроль и возрастные иерархии – могут снижать ее привлекательность для молодых жителей [11, 12]. Предпочтение интерактивных и волонтерских форматов (Г3) указывает в том же направлении.

Эти интерпретации следует читать с учетом ограничений исследования. Дизайн поперечный, а измерения основаны на самоотчетах; охват выборки ограничивает обобщаемость выводов; наблюдаемые связи не устанавливают причинных зависимостей. Альтернативные объяснения – например, эффекты жизненного цикла, при которых участие в делах махалли растет с возрастом и созданием семьи, – на имеющихся данных исключить нельзя, и они требуют лонгитюдного изучения.

Зарубежные практики вовлечения молодежи. Чтобы наметить возможные направления совершенствования работы с молодёжью, целесообразно рассмотреть зарубежные программы, основанные на волонтёрстве, гражданском участии и общественной деятельности. Практики Южной Кореи, Сингапура и Японии рассматриваются не как строго сопоставимые национальные случаи, а как отдельные примеры институционализированных форм участия молодёжи, элементы которых могут быть значимы для Узбекистана.

В Южной Корее молодёжная деятельность (cheongsonyeon hwaldong) координируется Министерством по гендерному равенству и делам семьи в рамках законодательной основы и аналитически поддерживается Национальным институтом молодёжной политики; она ориентирована на подростков и молодых взрослых и сочетает культурные, практико-ориентированные и гражданские формы активности, включая молодёжные советы участия, доносящие мнение молодых людей до политиков [25, 26]. В Сингапуре Youth Corps Singapore, запущенный в 2014 г. при Национальном молодёжном совете, вовлекает молодых людей в возрасте 15–35 лет в устойчивое проектное волонтёрство, направленное на формирование активной гражданской позиции и более сплоченного общества [27]. В Японии общинная молодёжная деятельность реализуется через Национальный институт молодёжного образования, который управляет общенациональной сетью центров, содействующих самостоятельности молодёжи посредством практико-ориентированной деятельности, в рамках политического документа Кабинета министров – Национальной политики развития молодежи [28, 29].

Вместе с тем непосредственный перенос этих практик ограничен институциональными, культурными и организационными различиями – например, различиями в роли местного самоуправления, во взаимоотношениях

государства и гражданского общества и в организационной инфраструктуре, доступной для работы с молодёжью. Рассмотренные после результатов собственного исследования, эти примеры служат материалом для практических рекомендаций, а не самостоятельной эмпирической базой.

Заключение. Исследование было направлено на выявление ценностных ориентаций и практик участия молодёжи в современном Узбекистане и определение места махалли и цифровых каналов в процессах социальной консолидации. Отвечая на исследовательские вопросы, можно сказать, что опрошенные молодые люди сочетают традиционные и современные ценности, среди приоритетов – семья, личностное развитие и национальная идентичность (ИВ1); социальные сети – ведущий источник духовно-просветительской информации, опережающий институциональные каналы (ИВ2); махалля широко воспринимается как важный институт, но регулярное участие в её деятельности принимает лишь меньшинство (ИВ3); интерактивные и волонтерские форматы явно предпочитаются традиционным мероприятиям лекционного типа (ИВ4).

Наиболее значимым результатом является разрыв между символической значимостью махалли и уровнем регулярного участия молодёжи. В теоретическом плане этот разрыв иллюстрирует сосуществование связей типа Gemeinschaft и Gesellschaft и пределы чисто нормативного взгляда на традиционные институты как на безусловно консолидирующие. В практическом плане результаты позволяют предположить, что работу с молодёжью можно усилить за счёт более широкого использования интерактивных и цифровых форматов, распространения содержательного контента в социальных сетях, вовлечения молодых людей в волонтерскую деятельность и адаптации мероприятий махалли к интересам молодого поколения; релевантный международный опыт может служить ориентиром для этих усилий, но не должен переноситься механически.

Эти выводы имеют ограничения, отмеченные выше: охват выборки, опора на самоотчеты, поперечный дизайн и невозможность установить причинный эффект государственных программ на ценности молодежи. Дальнейшие исследования могут использовать лонгитюдные и, по возможности, национально репрезентативные дизайны, сочетать данные опроса с систематическим анализом цифровой коммуникации и напрямую изучать условия, при которых символическая значимость махалли переходит в участие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. World Urbanization Prospects: The 2024 Revision / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2024.
2. Pew Research Center. Global Attitudes Survey: Trust in Society Report. – Washington, DC: Pew Research Center, 2024.
3. Mirziyoyev, Sh.M. Yangi O’zbekistonda erkin va farovon yashaylik / Sh. M. Mirziyoyev. – Tashkent: O’zbekiston, 2023.
4. Chan, J. Reconsidering social cohesion: developing a definition and analytical framework for empirical research / J. Chan, H.-P. To, E. Chan. // Social Indicators Research. – 2006. – Vol. 75, no. 2. – P. 273–302.
5. Bourdieu, P. The forms of capital / P. Bourdieu. // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
6. Coleman, J.S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman. // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. S95–S120.
7. Putnam, R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / R.D. Putnam. – New York: Simon & Schuster, 2000.
8. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон, 1996.

9. Тённис, Ф. Общность и общество (Gemeinschaft und Gesellschaft) / Ф. Тённис; пер. с нем. Д.В. Скляднева. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002.
10. Sievers, E.W. Uzbekistan's mahalla: from Soviet to absolutist residential community associations / E.W. Sievers. // Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent. – 2002. – Vol. 2. – P. 91–158.
11. Dadabaev, T. Community life, memory and a changing nature of mahalla identity in Uzbekistan / T. Dadabaev. // Journal of Eurasian Studies. – 2013. – Vol. 4, No. 2. – P. 181–196.
12. Urinboyev, R. Informal civil society initiatives in non-Western societies: mahallas in Uzbekistan / R. Urinboyev, S. Eraliev // Central Asian Survey. – 2022. – Vol. 41, no. 3. – P. 477–497.
13. Parsons, T. The Social System / T. Parsons. – Glencoe: The Free Press, 1951.
14. Schiefer, D. The essentials of social cohesion: a literature review / D. Schiefer, J. van der Noll. // Social Indicators Research. – 2017. – Vol. 132, No. 2. – P. 579–603.
15. Aruqaj, B. An integrated approach to the conceptualisation and measurement of social cohesion / B. Aruqaj. // Social Indicators Research. – 2023. DOI: 10.1007/s11205-023-03110-z.
16. Geiss, P. Mahallah and kinship relations: a study on residential communal commitment structures in Central Asia of the 19th century / P. Geiss // Central Asian Survey. – 2001. – Vol. 20, no. 1. – P. 97–106.
17. Dadabaev, T. Between state and society: the position of the mahalla in Uzbekistan / T. Dadabaev. – Текст: непосредственный // Social Capital Construction and Governance in Central Asia / T. Dadabaev, M. Ismailov, Y. Tsujinaka (eds). – New York: Palgrave Macmillan, 2017.
18. Civic Participation of Youth in the Digital World: Europe and Central Asia / United Nations Development Programme. – [S. l]: UNDP, 2021.
19. Youth of Central Asia: Challenges for Peacebuilding – A Comprehensive Research Review / UNESCO. – Paris: UNESCO, 2021.
20. Worldviews of Youth: Central Asia, Mongolia, the Caucasus, and Afghanistan / ed. by S.F. Starr. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2024.
21. Холбеков, А.Ж. Ўзбекистонда жамиятни демократлаштиришда маданий-ахлоқий кадриятларнинг ўрни / А.Ж. Холбеков, Ш. Тўрайев, Ф. Азимова [и др.]. – Тошкент: Муҳаррир, 2018.
22. Zaitov, E. Mahalla transformation: from a traditional community to a social institution / E. Zaitov. // Gumilyov Journal of Sociology. – 2025. – Vol. 152, no. 3. – P. 54–63.
23. Об утверждении Стратегии «Узбекистан – 2030»: Указ Президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 г. № УП-158.
24. О мерах по усилению роли института махалли в жизни общества и дальнейшему расширению его финансовых возможностей: Постановление Президента Республики Узбекистан от 16 августа 2022 г. № ПП-353.
25. Youth Activity Policy / Ministry of Gender Equality and Family. – Seoul: Government of the Republic of Korea, [б. г.]. – URL: https://www.mogef.go.kr/eng/am/eng_am_f007.do (дата обращения: 04.08.2026).
26. About NYPI / National Youth Policy Institute. – Seoul: NYPI, [б. г.]. – URL: https://www.nypi.re.kr (дата обращения: 04.08.2026).
27. Youth Corps Singapore / National Youth Council Singapore. – Singapore: National Youth Council, [б. г.]. – URL: https://youthcorps.nyc.gov.sg/ (дата обращения: 04.08.2026).
28. National Youth Development Policy (Seishonen Ikusei Shisaku Taiko) / Cabinet Office, Government of Japan. – Tokyo: Cabinet Office, 2008. – URL: https://www8.cao.go.jp/youth/english/ (дата обращения: 04.08.2026).
29. About NIYE: youth development through experiential activities / National Institution for Youth Education. – Tokyo: NIYE, [б. г.]. – URL: https://www.niye.go.jp/english/ (дата обращения: 04.08.2026).

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs (2024) World Urbanization Prospects: The 2024 Revision. New York: United Nations.
2. Pew Research Center (2024) Global Attitudes Survey: Trust in Society Report. Washington, DC: Pew Research Center.
3. Mirziyoyev, Sh.M. (2023) Yangi O'zbekistonda erkin va farovon yashaylik [Let us live freely and prosperously in New Uzbekistan]. Tashkent: O'zbekiston. (In Uzbek).
4. Chan, J., To, H.-P. and Chan, E. (2006) 'Reconsidering social cohesion: developing a definition and analytical framework for empirical research', Social Indicators Research, 75(2). P. 273–302.
5. Bourdieu, P. (1986) 'The forms of capital', in Richardson, J. G. (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood. P. 241–258.
6. Coleman, J.S. (1988) 'Social capital in the creation of human capital', American Journal of Sociology, 94. P. S95–S120.
7. Putnam, R.D. (2000) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.
8. Durkheim, E. (1996) O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon. (In Russian).
9. Tönnies, F. (2002) Obshchnost' i obshchestvo (Gemeinschaft und Gesellschaft) [Community and Society]. Translated from German by D. V. Sklyadnev. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).
10. Sievers, E.W. (2002) 'Uzbekistan's mahalla: from Soviet to absolutist residential community associations', Journal of International and Comparative Law at Chicago-Kent, 2. P. 91–158.
11. Dadabaev, T. (2013) Community life, memory and a changing nature of mahalla identity in Uzbekistan, Journal of Eurasian Studies, 4(2). P. 181–196.
12. Urinboyev, R. and Eraliev, S. (2022) 'Informal civil society initiatives in non-Western societies: mahallas in Uzbekistan', Central Asian Survey, 41(3). P. 477–497.
13. Parsons, T. (1951) The Social System. Glencoe: The Free Press.
14. Schiefer, D. and van der Noll, J. (2017) 'The essentials of social cohesion: a literature review', Social Indicators Research, 132(2). P. 579–603.
15. Aruqaj, B. (2023) 'An integrated approach to the conceptualisation and measurement of social cohesion', Social Indicators Research. doi:10.1007/s11205-023-03110-z.
16. Geiss, P. (2001) 'Mahallah and kinship relations: a study on residential communal commitment structures in Central Asia of the 19th century', Central Asian Survey, 20(1). P. 97–106.
17. Dadabaev, T. (2017) 'Between state and society: the position of the mahalla in Uzbekistan', in Dadabaev, T., Ismailov, M. and Tsujinaka, Y. (eds) Social Capital Construction and Governance in Central Asia. New York: Palgrave Macmillan.
18. UNDP (2021) Civic Participation of Youth in the Digital World: Europe and Central Asia. United Nations Development Programme.
19. UNESCO (2021) Youth of Central Asia: Challenges for Peacebuilding – A Comprehensive Research Review. Paris: UNESCO.
20. Starr, S.F. (ed.) (2024) Worldviews of Youth: Central Asia, Mongolia, the Caucasus, and Afghanistan. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
21. Kholbekov, A.J., Turayev, Sh., Azimova, F. et al. (2018) O'zbekistonda jamiyatni demokratlashtirishda madaniy-axloqiy qadriyatlarning o'rni [The role of cultural and moral values in the democratisation of society in Uzbekistan]. Tashkent: Muharrir. (In Uzbek).
22. Zaitov, E. (2025) 'Mahalla transformation: from a traditional community to a social institution', Gumilyov Journal of Sociology, 152(3). P. 54–63.
23. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of 11 September 2023 No. PF-158 'On the Uzbekistan – 2030 Strategy' (2023). (In Uzbek).
24. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan of 16 August 2022 No. PQ-353 'On

measures to strengthen the role of the mahalla institution in the life of society and to further expand its financial capacity' (2022). (In Uzbek).
25. Ministry of Gender Equality and Family (no date) Youth Activity Policy. Seoul: Government of the Republic of Korea. Available at: https://www.mogef.go.kr/eng/am/eng_am_f007.do
26. National Youth Policy Institute (no date) About NYPI. Seoul: NYPI. Available at: https://www.nypi.re.kr
27. National Youth Council Singapore (no date) Youth Corps Singapore. Singapore: National Youth Council. Available at: https://youthcorps.nyc.gov.sg/
28. Cabinet Office, Government of Japan (2008) National Youth Development Policy (Seishônen Ikusei Shisaku Taikô). Tokyo: Cabinet Office. Available at: https://www8.cao.go.jp/youth/english/
29. National Institution for Youth Education (no date) About NIYE: youth development through experiential activities. Tokyo: NIYE. Available at: https://www.niye.go.jp/english/

Ахмедова Феруза Медетовна, доктор философии (PhD), доцент, факультет социальных наук, Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан, e-mail: farihon72@mail.ru

Feruza Akhmedova, PhD, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan, e-mail: farihon72@mail.ru

Шаумарова Нигора Камиловна, соискатель степени PhD, независимый исследователь, Национальный университет Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан, e-mail: nsaumarova@gmail.com

Nigora Shaumarova, PhD candidate, independent researcher, National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan, e-mail: nsaumarova@gmail.com

УДК 14:93/94

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИКСТЕР КАК ТРАНСЛЯТОР СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИРОНИИ

Лилия Мулляр, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена концептуализации феномена политического Трикстера как транслятора социально-управленческой иронии в условиях кризиса традиционных институтов власти, роста популизма и тотальной медиатизации публичного пространства. В теоретическом плане исследование интегрирует три концептуальных уровня: архетипическую основу трикстера (К.Г. Юнг), карнавальную природу иронической коммуникации (М.М. Бахтин) и политический стиль популизма (Б. Моффитт). Особое внимание уделяется авторскому понятию «инверсированного карнавала» – режима перманентной дестабилизации, при котором власть сама использует механизмы гротеска, абсурда и юмора для саморепрезентации, удержания контроля и ухода от ответственности через формулу «это была лишь шутка». Автор приходит к выводу, что трикстеризм следует рассматривать не как сбой системы, а как её защитный элемент, позволяющий абсорбировать риски, зондировать общественные настроения и сохранять институциональную стабильность в условиях высокой неопределённости.

Ключевые слова: политический Трикстер, социально-управленческая ирония, инверсированный карнавал, популизм, политический перформанс.

POLITICAL TRICKSTER AS A TRANSLATOR OF SOCIO-MANAGERIAL IRONY

Mullyar L.

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of the phenomenon of the political Trickster as a transmitter of socio-managerial irony in the context of the crisis of traditional institutions of power, the rise of populism, and the total mediatization of public space. From a theoretical perspective, the study integrates three conceptual levels: the archetypal basis of the trickster (C.G. Jung), the carnivalesque nature of ironic communication (M. M. Bakhtin), and the political style of populism (B. Moffitt). Special attention is paid to the author's concept of the «inverted carnival» – a regime of permanent destabilization in which the authorities themselves use the mechanisms of grotesque, absurdity, and humour for self-representation, maintaining control, and avoiding responsibility through the formula "it was just a joke." The author concludes that tricksterism should be viewed not as a system failure, but as its protective element, which makes it possible to absorb risks, gauge public sentiment, and maintain institutional stability in conditions of high uncertainty.

Keywords: political trickster, socio-managerial irony, inverted carnival, populism, political performance.

Введение. Трикстер (англ. trickster – плут, обманщик, ловкач) – один из наиболее значимых образов, присутствующий в различных манифестациях в мифологии, фольклоре, религии, искусстве, политике на всех этапах развития социокультурной реальности: божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или не подчиняющееся общепринятым нормам поведения. Авторский подход предполагает изучение политического Трикстера не как маргинальной фигуры, но как полноценного агента политической динамики, использующего иронию для управления социальными процессами и легитимации своей власти в условиях турбулентности. В концептуальном пространстве темы «Политический Трикстер как транслятор социально-управленческой иронии» объект нашего исследовательского внимания – трикстеризм как

феномен современной публичной политики и социально-управленческих практик. Предмет изучения фокусируется на иронии как важнейшей характеристике, отличающей Трикстера от других типов политических акторов, и представляет собой механизмы, форматы и социальные функции управленческой иронии, транслируемой политическим Трикстером.

Исследовательская актуальность темы «Политический Трикстер как транслятор социально-управленческой иронии» весьма высока в связи с вызовами современности: теоретическая многозначность данного социокультурного явления, а также кризис традиционных институтов власти превращают фигуру Трикстера (политика, разрушающего правила, использующего гротеск, абсурд и юмор) в ключевой элемент как научного внимания, так и коммуникации между государством и обществом. Социальная актуальность темы определяется тем, что:

– традиционный политический язык («язык официоза») перестает работать, социум обнаруживает в нем фальшь, что провоцирует кризис доверия и легитимности и формирует запрос на искренность; Трикстер через социально-управленческую иронию разрушает барьеры, сокращает дистанцию между властью и гражданами, высмеивая бюрократию, создавая иллюзию «своего парня» во власти, что помогает удерживать лояльность аудитории в условиях кризиса;

– наблюдается смена медиапотребления и «геймификация» политики, когда клиповое мышление превращает политический процесс в перформанс, а серьезный политический контент – в развлекательное политическое шоу; Трикстер идеально вписывается в алгоритмы СМИ, упаковывая сложные социально-управленческие проблемы в формат мем-коммуникации, делая их общедоступными;

– в условиях неопределенности ирония становится для граждан способом адаптации к стрессу и сброса социального напряжения (катарсиса) посредством «легального бунта» – осмеяния системных ошибок управления; Трикстер как клапан для протеста при помощи иронии и сатиры канализирует общественное недовольство, позволяет обществу «выпустить пар» без перехода к реальным протестным действиям;

– существует потребность в переформатировании смыслов и легитимизации непопулярных решений; Трикстер, используя иронию, шутку и гротеск, может озвучить радикальные или жесткие управленческие шаги, проверяя реакцию общества, десакрализовать и высмеять критиков власти, переводя серьезную дискуссию в плоскость абсурда.

Научная актуальность изучения политического Трикстера, по нашему мнению, связана с обеспечением новых концептуальных потенциалов для блока социально-политических наук и междисциплинарной гуманитарной теории:

– возможность теоретического расширения концепта «трикстер» с выходом за рамки антропологии: традиционно Трикстер (обманщик, плут) изучался в мифологии и фольклористике (К. Леви-Стросс [1], К.Г. Юнг [2]); в современной политологии существует дефицит концептуализации трикстеризма как системного, а не случайного элемента социально-политической власти – деструктивного по своей природе мифологического архетипа, ставшего легитимным инструментом политического позиционирования и государственного управления;

– возможность восполнить дефицит исследований «социально-управленческой иронии» как нового типа политического дискурса: в научном обороте хорошо изучены понятия «политическая сатира» и «черный пиар», однако социально-управленческая ирония не как стилистический прием, а как прагматический инструмент управления массами в условиях постправды и как осознанная стратегия власти, направленная на десакрализацию управленческих промахов или тестирование непопулярных реформ, концептуализирована слабо;

– возможность развития концепции «карнавализации» политики: классическая теория карнавала предполагала временное переворачивание иерархий «снизу вверх» (народ высмеивает власть), а изучение современного политического трикстеризма – «карнавала сверху», когда сама власть использует ме-

ханизмы гротеска для саморепрезентации и удержания контроля, – открывает перспективу модернизации теории М. Бахтина [3] сообразно требованиям социального времени;

– возможность смягчить кризис рациональных моделей политического анализа, ограниченного классическим институционализмом: традиционные подходы (теория рационального выбора, структурный функционализм) не всегда способны объяснить феномен электорального успеха политиков-эксцентриков, в то время как данная тема открывает путь для переосмысления и трансформации харизматического типа легитимности, адаптируя его к эпохе медиатизации, где харизма заменяется «перформативным эпатажем»;

– возможность междисциплинарного синтеза в связи с высоким интегративным потенциалом темы: она объединяет политическую социологию (изучение реакции масс на ироничный контент), теорию государственного управления (анализ трикстеризма как технологии снижения рисков); медиафилософию (исследование функционирования сетевых мемов и вирусных политических перформансов).

Таким образом, современный политический трикстеризм представляется нам не примитивным деструктивным сбоем системы, а инновационным агентом её социокультурной адаптации. В условиях кризиса традиционных институтов легитимности и тотальной медиатизации публичного пространства, социально-управленческая ирония Трикстера выступает в роли стабилизирующего буфера, способного поглощать коммуникативные риски и солидаризировать социум, легитимизировать непопулярные решения и снижать уровень эскалации социального напряжения. Данный подход позволяет избежать содержательного упрощения и выйти за рамки банальной констатации свойств и качеств Трикстера, а сосредоточить аналитические усилия на обосновании функционирования политического Трикстера не как «разрушителя» или «аномалии», а как необходимого защитного элемента, помогающего политической системе адаптироваться к изменяющейся реальности.

Накопленное в науке «предпосылочное знание» свидетельствует, что феномен Трикстера привлекал внимание многих мыслителей – первоначально в рамках мифологии и антропологии, а позже был переосмыслен как устойчивый архетип в современной публичной политике. Классическая антропология содержит работы К. Леви-Стросса [1], П. Радина [4] и К.Г. Юнга [2], в которых Трикстер определяется как пограничный персонаж, нарушающий табу, разрушающий бинарные оппозиции и обнажающий скрытые противоречия социокультурной реальности. Ключевые теоретические работы принадлежат таким авторам, как А. Хорват [5] и А. Сакольцаи [6]: они развивают понятие «трикстер-логики» и связывают её с современными феноменами, такими как эпоха «пост-правды». Их работы закладывают основу для понимания того, как ироничные и обманные практики пронизывают политическую, экономическую и социальную сферы современного мира. Современный исследователь Б. Томазен [7] переносит архетип Трикстер в политологию и доказывает, что в эпохи кризисов, идеологического вакуума или «транзитных периодов» этот архетип выходит на авансцену власти и демонстрирует политическую лиминальность, превращая хаос в политический капитал. Философские основания иронии в политике заложены трудами Р. Рорти [8] (концепция «либеральной иронии») и П. Слотердайка [9] (анализ современного цинизма), предъявляющими иронию как политическое действие, дистанцированное от догм официальной идеологии. Концепция карнавализации политики в теоретической системе М.М. Бахтина [3] о карнавальной культуре позволяет рассматривать иронию в контексте государственного управления не просто как комический прием, а как инструмент деконструкции официального дискурса. Трикстер, в этом ракурсе, выступает пользователем иронии для временного «переворачивания» иерархий, обнажая уязвимость и ритуализированность существующего управленческого аппарата. Несомненный интерес представляют исследования Дж. Александера [10] по социальной и политической перформативности, в которых Трикстер легитимизирует себя через театрализованные действия, где управлен-

ческие неудачи высмеиваются или упаковываются в ироничную форму. В эпоху цифровых коммуникаций нельзя не отметить труды, в которых с учетом медиатизации и растущего популизма социально-управленческая ирония Трикстера масштабируется за счет медиа, в частности, исследования сетевой культуры (Дж. Донат [11], Э. Коултри [12]) с ее постправдой и мем-политикой, где политический Трикстер коммуницирует через иронию, метаиронию и мемы, что позволяет ему уходить от прямой юридической или политической ответственности за свои слова («это была всего лишь шутка»); работы Б. Моффитта [13] о глобальном росте популизма как среды обитания современного политического Трикстера – лидера, целенаправленно использующего грубое, ироничное или неконвенциональное поведение (политический «моветон») для разрушения технократического пафоса традиционных элит. Правомерно констатировать, что усилиями современных исследователей создана научно-теоретическая база, но, несмотря на наличие как теоретических, так и эмпирических работ, тема изучена далеко не в полной мере. В частности, функция иронии как инструмента Трикстера признается, но процесс ее «трансляции» в широкие массы и механизмы социально-управленческого воздействия изучен фрагментарно. Кроме того, существующие исследования часто разрозненны и относятся либо к антропологии, либо к социологии, либо к политологии конкретных стран. Усилия по систематизации научной информации могли бы способствовать формированию комплексной концептуальной модели политического Трикстера в разных контекстах.

Анализ научных источников позволил обнаружить проблему, которая заключается в концептуальной неопределенности механизмов транслирования и превращения социально-управленческой иронии политического Трикстера в действенный инструмент политического влияния. В современном научном пространстве прочно установлен онтологический статус Трикстера как лиминального актора, игнорирующего официальную нормативность, однако остаются нераскрытыми операциональные аспекты его активности: отсутствует теоретическая модель преодоления ироничным посылом когнитивных фильтров аудитории, трансформирования образа власти. Это порождает разрыв между богатой антропологической и культурологической базой и фрагментарными политологическими кейсами; препятствует построению универсальной объяснительной конструкции, применимой к различным политическим режимам и медиасредам. Данное исследование призвано сократить дискурсивный разрыв, способствуя заполнению концептуальной лакуны на стыке социогуманитарной теории и политической философии.

Цель статьи состоит в концептуализации механизмов трансляции социально-управленческой иронии политическим Трикстером и осмыслении преобразования ироничных коммуникативных практик Трикстера в инструмент социально-политического управления. Конкретизация исследовательских усилий предусматривает постановку ряда аналитических задач:

– сформировать устойчивое понимание «механизма трансляции» социально-управленческой иронии;

– обосновать статус политического Трикстера как сложного «коммуникативного узла», использующий трюк (иронию) для превращения хаоса в социальный порядок (управленческое решение);

– предложить единую теоретическую рамку/концептуальную модель, которая бы «склеила» разрозненные подходы – архетип Юнга, карнавал Бахтина и популизм Моффитта (антропология, культурология, политология) – в целостную когнитивную схему;

– эксплицировать эмпирические кейсы как прецеденты ироничного сообщения и его индоктринирования (кризис элит, рост популизма).

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем:

– представлено и обосновано авторское понимание «механизма трансляции» социально-управленческой иронии;

– акцентировано своеобразие деятельности политического Трикстера как инверсиро-

ванного карнавала, использующего смех для уничтожения нормы, дискредитирования оппонентов и избегания ответственности («это была шутка»);

– предложен прецедент преодоления политологического редукционизма: изучение популизма Моффиттом как инструмента (набор медиа-технологий) дополнено антропологической укорененностью (посредством концепции Юнга) и переосмыслением карнавала (временным праздником по Бахтину) как перманентного состояния (в когнитивной матрице «Трикстер на карнавале» грубость, скандалы, глупость, нарушение табу и эксцентричность не уничтожают рейтинги политиков-популистов, а являются главным источником легитимности);

– истолковано значение эмпирических конфигурантов политического Трикстера как фактора формирования нарративов массового сознания.

Для исследования политического Трикстера как транслятора социально-управленческой иронии привлечен разноаспектный методологический инструментарий. Поскольку предмет изучения находится на пересечении философии, политологии, семиотики и фольклористики, то учитывалось требование триангуляции – комбинация различных методов для получения объемного и достоверного знания. Междисциплинарный дискурс-анализ открывает возможность рассматривать тему в процессуальной активности, формирующей особую когнитивную оптику для понимания того, что Трикстер не сводится только к «критике общества», что ирония Трикстера амбивалентна (он может высмеивать и бунтаря, и консерватора). Применяя методологию радикальной междисциплинарной контекстуализации, можно обнаружить один и тот же акт Трикстера то, как разрушительную иронию, то, как оскорбление.

Базовыми теоретическими опорами, которые обеспечивают и глубину, и операционализацию, были избраны работы М. Бахтина [3] (карнавал как институция иронии), К.Г. Юнга [2] (трикстер как архетип), Б. Моффитта [13] (глобальный рост популизма); теория Дж. Остина [14] (ирония как укрепление нормы через ее нарушение); социологические концепции И. Гоффмана [15] и П. Бергера [16].

Методы. Методологически исследовательский дискурс обеспечен социокультурным, герменевтическим, семиотическим подходами; диалектическими принципами репрезентативности, системности, многофакторности, дополнительности; элементами структурно-функционального, компаративного и историко-критического анализа.

Результаты. Трикстер позиционируется как маркер социальной критики и нормативной двусмысленности, когда ироничное трюкачество используется для «обнуления» установленных регламентов. Особенно ярко это проявляется в политико-управленческих отношениях, что может быть представлено в ряде результирующих обобщений.

1. Технологии трикстерства в политическом процессе показывают, что использование этого архетипа является осознанной тактикой в контексте социального управления. Трикстер – это не просто разрушитель правил, а механизм обратной связи, он переводит системные ошибки и скрытые проблемы на язык иронии, делая их видимыми для общества и власти.

Трикстер действует как «предохранительный клапан» и зеркало системы: Трикстер буквально выполняет глупые или избыточные управленческие приказы, что доводит ситуацию до абсурда и показывает некомпетентность решений. Он высмеивает излишний пафос, бюрократию и «священные коровы» управления. Через шутку и иронию Трикстер говорит то, о чем подчинённые или граждане молчат из-за страха или субординации.

Социально-управленческая ирония Трикстера включает три ключевых этапа: входной сигнал при появлении неэффективного закона, глупого регламента или заносчивого руководителя; процесс перевода проблемы в плоскость юмора, сатиры, пародии или гротеска; выходной сигнал как демонстрация обществу и власти чёткого понимания, что «так управлять нельзя». В контексте нашего исследования актуальным технологическим инструментом политического Трикстера правомерно обозначить феномен «инверсированный карнавал». Опираясь на работы А. Хорват [5] и

А. Саколцаи [6] (содержат понятие «трикстер-логика» в эпоху постправды, где смех служит не освобождению, а дезориентации) и П. Слотердайка [9] (представление о «циническом разуме», знающем о фальши мира, но продолжающем в ней участвовать, иронично дистанцируясь), правомерно утверждать, что Трикстер в инверсированном карнавале – это и есть проводник всепроникающего цинизма, когда наглое, вызывающее поведение становится главным политическим капиталом, активность которого можно обнаружить в следующих аспектах:

– легитимация через иронию, когда Трикстер выступает как «шут», который может говорить правду или критиковать, но поскольку он это делает в перманентном режиме, его слова не воспринимаются всерьез. Однако в инверсированном варианте он использует эту привилегию не для освобождения общества, а для навязывания своей воли под видом безобидного троллинга. В современных условиях эмпирический кейс Дональда Трампа, чьи действия и стиль соответствуют архетипу Трикстера, рассматривается как гибридная фигура «короля-шута», который использует карнавальную логику, интернет-мемы и троллинг для формирования своей политической силы, делая традиционную сатиру против себя неэффективной;

– постправда и уход от ответственности по правилу инверсированного карнавала – «логика здесь не работает». Граждане (особенно молодое поколение) неохотно воспринимают сухой язык официальных пресс-релизов и отчетов. Возникает информационный разрыв между властью и обществом. В этих условиях Трикстер «переводит» непопулярные или рутинные государственные задачи на понятный язык сетевой культуры (мемы, перформансы, ирония), адаптируя коммуникационную модель системы под запросы клипового мышления аудитории, удерживая ее внимание и лояльность. Кроме того, Трикстер производит абсурдный контент, а когда его уличают во лжи, отмахивается: «Вы шуток не понимаете?», что лишает оппонентов возможности вести рациональный диалог;

– управление через хаос: если классический карнавал переворачивает иерархию временно, чтобы затем собрать мир заново, то инверсированный карнавал разрушает иерархии навсегда, оставляя общество в состоянии «вялотекущего балагана». Если система слишком жесткая, общественное недовольство накапливается и ведет к радикализации. Внедряя элементы карнавала и контролируемого хаоса в публичное поле, Трикстер канализирует протестные настроения. Социально-управленческая ирония позволяет обществу смеяться над властью вместе с самой властью (например, в лице Трикстера-Жириновского). Происходит «выпуск пара», что стабилизирует систему и сохраняет ее базовую структуру. Трикстеру выгодно, чтобы элиты были десакрализованы, а обыватель пребывал в латентном для него когнитивном диссонансе – это облегчает управление.

Наличие в теоретическом политологическом аппарате понятия «инверсированный карнавал» позволяет акцентировать идею о том, что: политический Трикстер работает не как народный шут, обновляющий социум, а как агент перманентной дестабилизации, который использует социально-управленческую иронию для того, чтобы сделать хаос управляемым, а себя – незаменимым «хозяином» этого хаоса. Трикстер – это инструмент саморегуляции системы. Социально-управленческая ирония, которую он транслирует, необходима власти. Без этой иронии система костенеет, теряет связь с реальностью и в итоге погибает под грузом собственного абсурда. Трикстер «лечит» управление через смех.

2. Политический Трикстер – это динамический «коммуникативный узел», который связывает между собой разные уровни общества и власти. В теории коммуникации узлом называют точку, где пересекаются, фильтруются и перераспределяются информационные потоки. Трикстер становится таким узлом, потому что он одновременно находится внутри и снаружи политической системы. В качестве точки пересечения дискурсов он связывает официальный («парадный») язык власти с неформальным («низовым») языком масс. В качестве катализатора обратной связи Трикстер аккумулирует скрытое недовольс-

тво общества, которое система игнорирует, и возвращает его власти в концентрированном виде. В качестве проводника табуированной информации Трикстер проводит в легальное поле смыслы, которые напрямую высказать невозможно. Политический Трикстер необходим для эволюции управления. Без его иронических трюков хаос разрешался бы исключительно через насилие и разрушение. Трикстер же превращает энергию разрушения в энергию институционального обновления.

Тезис «трикстеризм – это способ адаптации политической системы» позволяет усилить научную позицию по политической коммуникативности за счет привлечения структурного функционализма, когда явление оценивается с точки зрения его полезности для выживания системы. Трикстеризм способствует поглощению или минимизации рисков в условиях высокой степени неопределенности, хаоса и постоянных кризисов современной политической среды: классическая бюрократическая система коммуникативно неповоротлива и не успевает реагировать на вызовы, в то время как Трикстер обладает гибкостью и действует вне рамок протокола; используя управленческую иронию, он «легализует» ошибки системы, превращая управленческие промахи в абсурд. Таким образом, система не ломается под грузом собственной неэффективности, а амортизирует удары.

Значимой коммуникационной функцией Трикстера можно считать зондирование социальных настроений и своеобразное тестирование управленческих начинаний/реформ. Поскольку прямое провозглашение жестких инициатив власти может вызвать социальное напряжение или взрыв, то посредством иронии, гротеска или абсурдных заявлений Трикстера в публичное поле вбрасываются радикальные идеи, а система оценивает реакцию общества. Если возмущение слишком велико, заявление списывается на «специфический юмор» или «личное мнение» эксцентричного политика. Если общество «проглотило» контент – запускается реальный управленческий механизм.

3. Авторский концепт об интеграции антропологического, культурологического и политологического репрезентирован моделью, которая рассматривает Трикстера как динамический макро-механизм трансформации. Она способна связать глубинную психическую потребность (Юнг) через культурно-коммуникативную активность (Бахтин) с прагматическим политическим процессом (Моффитт). Архитектура интеграции может выглядеть следующим образом:

– антропология / К.Г. Юнг рассматривает архетип как импульс, отвечает на вопрос «почему это происходит?». Архетип Трикстер, по Юнгу, – это коллективное бессознательное, требующее выхода, когда официальная система становится избыточно стерильной, жесткой и оторванной от жизни. Это энергия психического компенсирования;

– культурология / М. Бахтин предъявляет карнавал как пространство и процесс, отвечает на вопрос «где и в какой форме это происходит?». Карнавальная культура – это операционная система Трикстера, которая легитимизирует «мир наизнанку», превращает иерархию в игру, амбивалентно сочетает хулу и хвалу, создавая безопасную зону для деконструкции смыслов;

– политология / Б. Моффитт заявляет популизм как технологию и перформанс, отвечает на вопрос «как это упаковано в политике, и к какому результату ведет?». Моффитт рассматривает популизм как политический стиль, стержнем которого является перформанс кризиса, «плохое поведение» и апелляция к «народу» против «элиты». Популист Моффитта – это Трикстер, облекший карнавал в форму электоральной технологии.

Общий контур показывает, что политический популизм (по Моффитту) – это современная технологическая проекция архаического архетипа Трикстера (по Юнгу), оперирующая в медиа-пространстве по вечным законам карнавала (по Бахтину). Ирония и трюк здесь выступают как алгоритм сжатия информации: вместо сотен страниц аналитических отчетов о кризисе системы, Трикстер выдает один ироничный перформанс, который мгновенно улавливается коллективным бессознательным общества и вынуждает власть реагировать.

4. Эмпирические кейсы в качестве преце-

дентов ироничного сообщения и его индоктринирования демонстрируют политико-управленческую «живучесть» и транскультурный потенциал трикстеризма.

Кейс № 1. Йон Гнарр и «Лучшая партия» в Исландии как анархо-сюрреалистический ответ муниципального менеджмента на кризис и полное банкротство исландской банковской системы и традиционных партий в результате финансового кризиса 2008 года.

Ироничное сообщение (трюк): известный комик Йон Гнарр создал «Лучшую партию» Исландии как сатиру на политические обещания, доведя популизм до абсолютного абсурда. Он открыто обещал: «быть коррумпированными», «не выполнять обещания», «посадить белого медведя в зоопарк Рейкьявика» и «бесплатные полотенца в бассейнах». Гнарр использовал бахтинский площадной смех, чтобы показать, что «серьезные» политики врут с умным видом и ведут страну к экономическому и политическому дефолту.

Индоктринирование (управленческий исход): разочарованные и разгневанные горожане восприняли ироничное сообщение как единственно возможное. Гнарр выиграл выборы и стал мэром Рейкьявика (2010–2014). На этом этапе ироничный трюк индоктринировался в муниципальный менеджмент. Вступив в коалицию с серьезной социал-демократической партией, Трикстер Гнарр реструктурировал долги энергетической компании, провел глубокую школьную реформу, развивал городскую инфраструктуру и повысил туристическую привлекательность города. Ирония пересобрала городской хаос в стабильный социальный порядок.

Кейс № 2. Владимир Жириновский как институциональный Трикстер эпохи транзита власти в условиях идеологического вакуума после распада СССР, шоковой терапии, паралича институтов власти в 1990-е годы.

Ироничное сообщение (трюк): Жириновский − классический системный Трикстер, ставший связующим звеном между травмированным обществом и растерянной постсоветской властью. Его трюк – политический гротеск, эпатаж и управляемый скандал (обливание соком Бориса Немцова в прямом эфире, драки в Государственной Думе, лозунг «каждой бабе по мужику», публичный скандал с Аллой Пугачевой). Он использовал язык бахтинской площади (фамильярность, брань, преувеличение), разрушая сухой советский номенклатурный этикет. В его абсурдных выступлениях транслировались скрытые страхи и имперские сантименты масс.

Индоктринирование (управленческий исход): карнавальный стиль Жириновского выполнял важнейшую функцию для партийно-политической системы – он канализировал протестный потенциал, не давая хаосу вылиться в реальный уличный протест. За 30 лет этот трикстерский перформанс полностью индоктринировался в российскую государственную модель: ЛДПР стала устойчивым парламентским институтом, а сам Жириновский − вице-спикером Госдумы. Более того, многие его геополитические прогнозы и риторические приемы стали официальным внешнеполитическим нарративом и нормой российского государственного управления.

Кейс № 3. Беппе Грилло и «Движение 5 звезд» в направлении от стендап-комика до правящей коалиции в ситуации хронической коррупции итальянской партийной системы, экономической стагнации, глухоты технократов.

Ироничное сообщение (трюк): итальянский профессиональный комик Беппе Грилло использовал сатиру как главный таран против политических элит. В 2007 году он организовал национальный карнавал − «День посылания к черту»: миллионы людей вышли высмеивать коррумпированных политиков. Грилло доводил до абсурда сухие экономические отчеты правительства, переводя их на язык понятного, едкого стендапа. Его «трюк» заключался в полном отказе от традиционной партийной эстетики.

Индоктринирование (управленческий исход): карнавальная волна трансформировалась в создание партии «Движение 5 звезд». Трикстер Грилло соединил популистский стиль перформанса с технологиями прямой цифровой демократии. В итоге ироничный протест индоктринировался в государственную систему: партия выиграла парламентские выборы,

вошла в правительственную коалицию, а ее лидеры заняли посты министров. Посылание элит «к черту» превратилось в официальные законопроекты о базовом доходе и реформе судов.

Кейс № 4. Дональд Трамп и его мем-дипломатия на фоне закостенелости вашингтонского истеблишмента и стерильного политкорректного дискурса.

Ироничное сообщение (трюк): Трамп ворвался в политику не как классический республиканец, а как медиа-трикстер. Он использовал «плохие манеры»: давал лидерам элит обидные клички, публиковал двусмысленные мемы (лягушонок Пепе в образе Трампа), общался капслоком в Twitter, объявил себя величайшим в истории США президентом. Истеблишмент воспринимал это как «клоунаду», не замечая, что Трамп запустил бахтинский карнавал, десакрализирующий институты власти.

Индоктринирование (управленческий исход): ирония и мемы быстро переросли стадию шутки. Карнавал легитимизировал право на агрессивный антиглобалистский дискурс. То, что начиналось как сетевой троллинг, кристаллизовалось в идеологию MAGA (Make America Great Again). Ироничный стиль Трикстера превратился в жесткую политическую доктрину: произошла реструктуризация Республиканской партии, а «язык мемов» стал официальным инструментом Белого дома и вынужденно признанным форматом мировой дипломатии.

Заключение. На основе проведенного исследования правомерно сделать следующие аналитические выводы:

1. Трикстер суть системный инструмент, а не маргинальное явление. Трикстер в современном политико-управленческом процессе перестает быть просто фольклорным персонажем или «клоуном». Он превращается в осознанную управленческую технологию и механизм обратной связи между властью и обществом. Его главная функция – не разрушение ради разрушения, а перевод системных ошибок, скрытых конфликтов и абсурдных регламентов на язык иронии, что делает их видимыми и доступными для массового сознания.

2. Концепт «инверсированного карнавала» приобретает статус ключевой инновации. Мы настаиваем на важности различий между классическим (бахтинским) карнавалом и «инверсированным карнавалом»: если классический карнавал временно переворачивает иерархию, чтобы затем восстановить ее, то инверсированный карнавал разрушает иерархии перманентно, создавая состояние «вялотекущего балагана», который становится новой нормой. В этом пространстве Трикстер действует не как народный освободитель, а как агент управляемого хаоса, который стабилизирует систему за счет контролируемого выпуска протестной энергии.

3. Трикстер суть «коммуникативный узел». Политический Трикстер фокусирует разные дискурсы: связывает официальный язык власти и неформальный язык масс; аккумулирует скрытое недовольство и возвращает его власти в концентрированном виде; легализует табуированные смыслы, которые невозможно высказать прямо. Благодаря этому он становится катализатором эволюции управления, предотвращая переход социального напряжения в открытое насилие.

4. Адаптивная и амортизационная функция трикстеризма в условиях высокой неопределенности и кризисов обеспечивает «легализацию» ошибок политической системы через абсурд, не давая ей разрушиться под грузом собственной неэффективности; тестирование общественной реакции на радикальные идеи, позволяя власти оценивать риски без прямой конфронтации.

5. Авторская интегративная теоретическая модель позиционируется как трехкомпонентная: Юнг (антропология) − Трикстер удовлетворяет архетипическую потребность в компенсации жесткой системы; Бахтин (культурология) − Трикстер устраивает политический карнавал как операционную систему деконструкции; Моффитт (политология) − Трикстер использует популизм как перформанс и политико-управленческую технологию. В итоге популизм трактуется как современная проекция архаического архетипа Трикстера, действующего по законам карнавала в медийном пропагандистском пространстве.

6. Эмпирическое подтверждение транскультурной универсальности осуществляется прецедентными кейсами (Исландия, Россия, Италия, США), которые показывают, что трикстерская логика работает в разных политических и культурных контекстах: везде ироничное сообщение начинается как маргинальная шутка или сатира; на этапе индоктринирования оно институционализируется − комик становится мэром, скандалист − вице-спикером, а сетевой тролль − президентом; ирония перерастает в реальные управленческие практики (реформы, законопроекты, внешнеполитические нарративы).

Политический Трикстер − это не аномалия, а необходимая саморегуляционная подсистема современного управления. Он позволяет системе «смеяться над собой», чтобы не погибнуть от собственной косности. Его ироничные трюки служат механизмом сжатой диагностики общественных процессов, а в условиях постправды и клипового мышления становятся даже более эффективными, чем традиционные аналитические отчеты. Однако в инверсированном карнавале этот механизм работает не на обновление, а на перманентную управляемую дестабилизацию, где Трикстер закрепляется как «хозяин хаоса» − незаменимый посредник между элитами и массами. Управленческая грамотность во многом определяется пониманием данной диспозиции и умением использовать ее потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука», 1983. – 536 с.
2. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2019. – 496 с.
3. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965. – 527 с.
4. Радин, П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999. – 286 с.
5. Хорват, А. Политическая социология и антропология зла: «Трикстерология». – Лондон: Рутледж, 2020. – 224 с.
6. Сакольцаи, А. Политическая социология и антропология зла: «Трикстерология». – Лондон: Рутледж, 2020. – 224 с.
7. Томазен, Б. Введение в политическую антропологию: границы, ритуалы и лиминальность // Политическая антропология сегодня: сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С. 44–71.
8. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность. – М.: Хранитель, 2025. – 315 с.
9. Слотердайк, П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 584 с.
10. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. – М.: Праксис, 2013. – 279 с.
11. Донат, Дж. Идентичность и обман в виртуальном сообществе. – Лондон: Рутледж, 1999. – С. 29–59.
12. Коултри, Э. Медиа-ритуалы: критический подход. – Лондон; Нью-Йорк: Рутледж, 2003. – 173 с.
13. Моффит, Б. Глобальный подъем популизма: перформанс, политический стиль и репрезентация. – Стэнфорд: Стэнфорд Юниверсити Пресс, 2016. – 240 с.
14. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов // Слово как действие. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
15. Гоффман, И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.
16. Бергер, П. Десекуляризация мира: глобальный вызов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30, № 2. – С. 290–305.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Levi-Strauss, C. Structural Anthropology. – Moscow: Main Editorial Board of Oriental Literature (MEBL) of the Nauka publishing house, 1983. – 536 p.
2. Jung, C. G. Archetypes and the Collective Unconscious. – Moscow: AST, 2019. – 496 p.
3. Bakhtin, M. The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1965. – 527 p.
4. Radin, P. The Trickster. A Study of the Myths of the North American Indians, with Commentaries by C.G. Jung and C. Kerényi. – St. Petersburg: Eurasia, 1999. – 286 p.
5. Horváth, A. Political Sociology and the Anthropology of Evil: Tricksterology. – London: Routledge, 2020. – 224 p.
6. Sakolczai, A. Political Sociology and the Anthropology of Evil: Tricksterology. – London: Routledge, 2020. – 224 p.
7. Thomassen, B. Introduction to Political Anthropology: Boundaries, Rituals, and Liminality // Political Anthropology Today: A Collection of Scientific Works. – Moscow: INION RAS, 2019. – P. 44 –71.
8. Rorty, R. Chance, Irony, and Solidarity. – Moscow: Khranitel, 2025. – 315 p.
9. Sloterdijk, P. Critique of Cynical Reason. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2001. – 584 p.
10. Alexander, J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. – Moscow: Praxis, 2013. – 279 p.
11. Donath, J. Identity and Deception in the Virtual Community. – London: Routledge, 1999. – P. 29–59.
12. Coulthry, E. Media Rituals: A Critical Approach. – London; New York: Routledge, 2003. – 173 p.
13. Moffitt, B. The Global Rise of Populism: Performance, Political Style and Representation. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 240 p.
14. Austin, J. How to Do Things with Words // The Word as Action. – Moscow: Progress, 1986. – P. 22–130.
15. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life. – Moscow: Kanon-Press-C: Kuchkovo Pole, 2000. – 304 p.
16. Berger, P. Desecularization of the World: A Global Challenge // State, Religion, and Church in Russia and Abroad. – 2012. – Vol. 30, No. 2. – P. 290–305.

Мулляр Лилия Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: mullyar@mail.ru

Liliya Mullyar, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Law and Humanitarian Disciplines at the North Caucasus Institute-Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: mullyar@mail.ru

УДК 336.14:352

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА-КУРОРТА ПЯТИГОРСКА)

Оксана Сорокина,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация
Влада Киреева,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты реализации инициативного бюджетирования (ИБ) на муниципальном уровне. На примере города-курорта Пятигорска проведён анализ практики инициативного бюджетирования, выявлены системные ограничения и предложены направления совершенствования механизма ИБ с учётом курортной специфики территории. Эмпирическую базу составили данные о 9 реализованных проектах, объёмах финансирования, структуре софинансирования и количестве благополучателей. Обоснована структурно-функциональная модель механизма реализации ИБ, включающая институциональный, финансовый, пространственно-отраслевой и организационный блоки. Разработан комплекс мер по повышению эффективности ИБ, включающий совершенствование нормативной базы, создание института муниципальных модераторов, информационно-коммуникационное сопровождение и развитие специализированных практик (молодёжное, школьное, курортное ИБ, цифровизация).

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, муниципальное управление, город-курорт Пятигорск, общественный контроль, софинансирование, курортная специфика, бюджетная эффективность.

IMPROVING THE MECHANISMS OF INITIATIVE BUDGETING IN THE MUNICIPAL MANAGEMENT SYSTEM (USING THE EXAMPLE OF THE RESORT CITY OF PYATIGORSK)

Sorokina O., Kireeva V.

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of implementing participatory budgeting (PB) at the municipal level. Using the resort city of Pyatigorsk as an example, the practice of participatory budgeting is analysed, systemic limitations are identified, and directions for improving the PB mechanism are proposed, taking into account the resort-specific features of the territory. The empirical base consists of data on 9 implemented projects, the volume of funding, the structure of co-financing, and the number of beneficiaries. A structural and functional model of the PB implementation mechanism is substantiated, including institutional, financial, spatial-sectoral, and organisational blocks. A set of measures has been developed to improve the effectiveness of information security, including the improvement of the regulatory framework, the establishment of an institute of municipal moderators, information and communication support, and the development of specialized practices (youth, school, and resort information security, digitalization).

Keywords: participatory budgeting, municipal governance, the resort town of Pyatigorsk, participatory budgeting, public oversight, co-financing, resort-specific features, digitalization, budgetary efficiency.

Введение. Тема исследования обладает высокой актуальностью, поскольку требует проработки способов повышения гражданской вовлечённости в процессы распоряжения публичными финансами на уровне муниципалитетов – это направление закреплено в числе ключевых векторов государственного курса России. При дефиците бюджетных средств особую ценность получают инструменты партисипаторного управления: они помогают соотнести потребности местного населения с реальными финансовыми возможностями территории.

По информации, опубликованной Научно-исследовательским финансовым институтом при Министерстве финансов РФ, к 2025 году инструменты инициативного бюджетирования внедрены и функционируют в 81 регионе Российской Федерации. Накопленный за время реализации практический опыт характеризуется следующими количественными параметрами: общее число доведённых до стадии реализации проектов превысило 37 тысяч единиц, а суммарный объём их финансирования за счёт всех уровней бюджетной системы оценивается более чем в 56 миллиардов рублей [1, 2].

Однако при всей позитивной природе отмеченных количественных сдвигов, изучение сложившейся муниципальной практики позволяет зафиксировать наличие целого ряда проблем системного характера, требующих углублённого научного анализа. В частности, до настоящего времени не получила решения задача трансформации совокупности отдельных, не связанных между собой инициатив в полноценный и стабильно воспроизводящийся институт соучаствующего управления на местах. Указанная проблематика отличается особой остротой применительно к городам-курортам, поскольку здесь привычный набор задач муниципального управления дополняется потребностью в согласовании управленческих решений с интересами туристско-рекреационного сектора. Это, в свою очередь, ужесточает требования, предъявляемые к прозрачности бюджетных процедур и результативности использования финансовых ресурсов.

Цель исследования состоит в выработке теоретически обоснованных положений и практических рекомендаций, направленных на оптимизацию механизмов инициативного бюджетирования в рамках системы муниципального управления.

Методы. Методологической базой исследования являются теоретические положения, представленные в работах отечественных и зарубежных учёных в области изучения проблем реализации механизма инициативного бюджетирования (В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова, Ф.А. Казин, Н.В. Гаврилова и др.). В исследовании использованы методы системного, сравнительного, статистического анализа, а также эмпирические методы (анализ документов, вторичный анализ социологических данных, расчёт бюджетной эффективности).

В основу информационной базы исследования легли разнообразные источники: официальные интернет-ресурсы администрации Пятигорска (города-курорта), материалы Губернаторской программы Ставропольского края, ориентированной на поддержку местных инициатив, годовые отчёты главы города за период с 2022 по 2025 год. Дополнительно были задействованы статистические данные Управления Росстата по Северо-Кавказскому федеральному округу, а также научные публикации и действующие нормативно-правовые документы.

Результаты. В современном научном обороте нет устоявшегося определения термина «инициативное бюджетирование». Формирование отечественной модели инициативного бюджетирования в его современной институциональной форме восходит к итогам круглого стола «Гражданские инициативы и вовлеченность граждан в открытый бюджет», организованного Министерством финансов Российской Федерации в Правительстве РФ 9 сентября 2014 года [3]. Именно в ходе данного мероприятия термин «инициативное бюджетирование» (далее – ИБ) был впервые легитимирован как обозначение самостоятельной версии партисипаторного бюджетирования, ориентированной на прямое участие граждан в определении направлений расходования

бюджетных средств. С указанного периода данное понятие последовательно внедряется в официальный дискурс органов публичной власти, плановую документацию различных уровней и практику муниципального управления.

По мере институционализации механизма ИБ его положения начинают фигурировать в документах федерального стратегического планирования. Вместе с тем характерной особенностью данного этапа стало преимущественно рамочное, декларативное упоминание инструментов ИБ в контексте задачи обеспечения открытости (транспарентности) бюджетного процесса, без детализации содержания и алгоритмов реализации инициативных проектов.

В современных условиях очевидна потребность в систематизации на федеральном уровне имеющихся практик вовлечения граждан в бюджетный процесс в порядке гражданской инициативы. Необходимым условием такой систематизации выступает выработка единого понятийно-категориального аппарата, позволяющего устранить нормативную неопределенность и обеспечить сопоставимость результатов реализации инициативных проектов в разных муниципальных образованиях.

Широкое распространение и разнообразие инструментов инициативного бюджетирования на региональном и особенно муниципальном уровнях предопределяют научно-практическую значимость анализа накопленного нормативного и правоприменительного опыта [4, 5, 6, 7]. Муниципальный уровень (городские и сельские поселения, муниципальные районы, городские округа) выступает основной «площадкой» апробации моделей ИБ, где в наибольшей степени проявляются как сильные стороны механизма (оперативное решение локальных проблем, софинансирование, гражданский контроль), так и системные ограничения (недостаток ресурсов, низкая правовая защищенность инициативных групп, отсутствие четких критериев оценки эффективности). В связи с этим в данной статье предложена следующая трактовка категории: «инициативное бюджетирование на муниципальном уровне – институционально оформленный механизм прямого участия граждан в распределении части местного бюджета через конкурсный отбор, софинансирование и общественный контроль проектов локальной инфраструктуры и социальных услуг, интегрирующий принципы бюджетной эффективности и партисипативного управления публичными финансами на низовом уровне территориальной организации власти».

На основе предложенного определения представляется возможным идентифицировать признаки и принципы инициативного бюджетирования, реализуемого на муниципальном уровне. Признаками инициативного бюджетирования, реализуемого на муниципальном уровне, являются:

1. Локальная пространственная привязка: предполагается, что реализация проектов происходит в границах конкретного муниципального образования (село, посёлок, городской округ, внутригородской район), что обеспечивает адресность бюджетных расходов и учёт специфических потребностей местного сообщества.

2. Ограниченность ресурса и установление лимита муниципальных средств, выделяемых на ИБ, что создаёт соревновательный эффект между проектными заявками и требует приоритезации на основе прозрачных критериев (эффективность, число благополучателей, доля софинансирования).

3. Сетевая конфигурация взаимодействия в институте ИБ на муниципальном уровне проявляется в выстраивании горизонтальных связей между тремя основными участниками: местная администрация (как формальный распорядитель бюджета), население (как инициатор и контролёр), локальный бизнес (как софинансирующий партнёр). Это отличает ИБ от традиционных иерархических бюджетных процедур.

Указанные принципы не только закрепляют «правила игры», но и выполняют важную теоретико-методологическую функцию, выступая критериями отнесения тех или иных практик к категории инициативного бюджетирования реализуемых на муниципальном уровне (рисунок 1).

Непосредственное участие граждан на всех этапах

- в отличие от представительной демократии, ИБ на муниципальном уровне предполагает прямое (неопосредованное) включение жителей в выдвижение инициатив, их обсуждение на собраниях или онлайн-платформах, голосование за приоритетные проекты и контроль за их реализацией (включая приёмку работ и финансовую проверку).

Обязательное софинансирование (долевое участие)

- институциональное правило, согласно которому муниципальные средства выделяются только при условии вклада населения (денежного, трудового, материального) и/или местных предпринимателей. Это формирует чувство собственности и ответственности за реализуемый проект.

Партисипативный мониторинг и контроль

- институционализированное участие граждан и их уполномоченных представителей (инициативных групп, общественных комиссий) в проверке целевого расходования средств, соответствия выполненных работ проектной документации и срокам реализации.

Ориентация на интеграцию двух целевых функций:

- *Эффективность* – достижение измеримых результатов (построенные объекты, оказанные услуги) при минимальных бюджетных затратах;
- *Соучастие* – формирование социального капитала, доверия к муниципальной власти и компетенций гражданского контроля.

Рисунок 1. Принципы инициативного бюджетирования как института на муниципальном уровне

Данные принципы находятся в системном единстве. Несоблюдение хотя бы одного из этих условий способно разрушить целостность всей модели. Так, если не предусмотрено софинансирование, у участников снижается уровень ответственности за результат. Недостаточная прозрачность процессов неизбежно формирует атмосферу недоверия среди граждан. А проведение конкурса по формальным критериям подрывает саму суть общественного участия, обесценивая саму идею вовлечённости.

Пятигорск, являясь административным центром Северо-Кавказского федерального округа, одновременно выполняет функцию крупнейшего бальнеологического курорта федерального уровня. Оценка текущего состояния муниципальной инфраструктуры и анализ запросов местного населения позволили выделить ряд ключевых направлений развития: рост качества жизни и экологической обстановки; модернизация транспортной сети; обустройство общественных зон, обладающих рекреационной и культурно-исторической ценностью; укрепление социальной сферы; расширение туристско-рекреационных возможностей территории.

Эмпирический анализ данных показал, что за период 2022–2025 годов в Пятигорске реализовано 9 инициативных проектов [8]. Структура и распределение финансирования проектов по направлениям представлены в таблице 1.

Таблица 1. Структура и распределение финансирования проектов инициативного бюджетирования в городе-курорте Пятигорске за 2022–2025 гг. [9, 10, 11, 12]

Направление проектов	Количество проектов	Доля,%	Средний объем финансирования, руб.
Благоустройство общественных пространств (парки, скверы)	2	22,2	6 487 572
Детские и спортивные площадки	5	55,6	2 972 856,44
Иные проекты (уличное освещение)	2	22,2	383 550,65
Всего	9	100	9 843 979,09

Составлено авторами самостоятельно по результатам исследования.

Данные таблицы 1 показывают явный дисбаланс между популярностью инициатив и их финансированием. Наибольшее число заявок (5 из 9) подано на создание детских и спортивных площадок, но их доля в бюджете составляет всего 30,2%. При этом 65,9% всех средств сконцентрировано всего на двух проектах благоустройства скверов и парков. Оставшиеся 3,9% приходятся на два проекта уличного освещения. Средний объём финансирования существенно дифференцирован: максимальные значения характерны для проектов благоустройства общественных пространств (6,49 млн рублей), минимальные – для проектов уличного освещения (0,38 млн рублей).

На рисунке 2 показан объём финансирования проектов инициативного бюджетирования в Пятигорске за 2022–2025 гг., который демонстрирует положительную динамику.

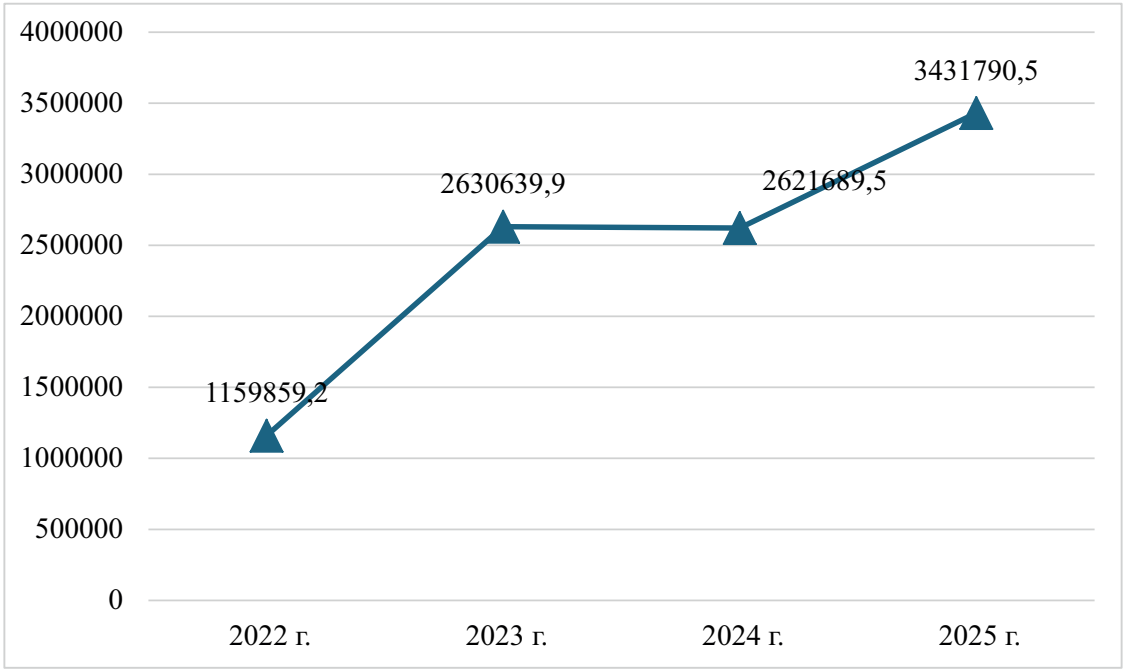

Рисунок 2. Динамика общего объема финансирования проектов инициативного бюджетирования в городе-курорте Пятигорске за 2022–2025 гг., руб. [9, 10, 11, 12]

Вместе с тем наблюдаются позитивные изменения в структуре источников финансирования: доля софинансирования со стороны граждан и организаций устойчиво возрастает – с 13% в 2022 году до 47,8% в 2025 году (рисунок 3).

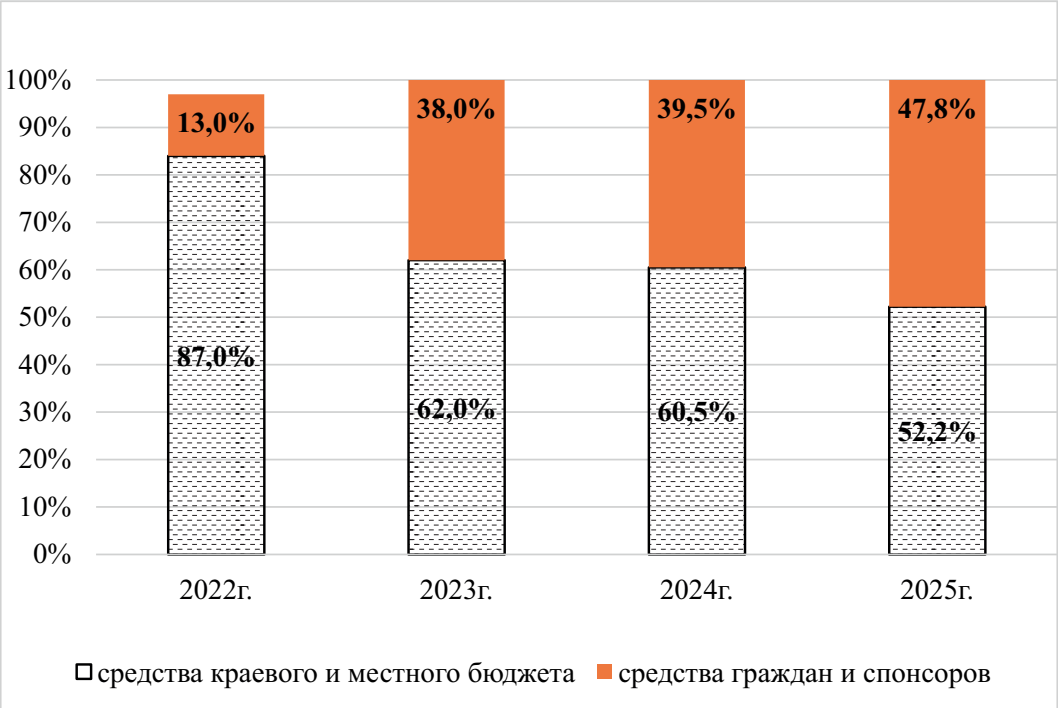

Рисунок 3. Динамика софинансирования проектов инициативного бюджетирования со стороны граждан и организаций за 2022–2025 гг, % [9, 10, 11, 12]

Численность получателей выгод от реализации инициативных проектов ежегодно колеблется в пределах от 44 до 54 тысяч граждан, что соответствует примерно пятой части (20–25%) от совокупного населения муниципального образования. Удельные расходы в расчёте на одного благополучателя составляют от 20 до 25 рублей [8]. Столь невысокое значение наглядно свидетельствует о том, что масштаб воплощаемых инициатив остаётся весьма скромным.

Проведённый анализ позволил выявить и упорядочить круг проблем, сопровождающих процесс становления инициативного бюджетирования в Пятигорске. Указанные проблемы были сгруппированы в четыре укрупнённые категории.

Первая группа – барьеры информационно-коммуникационного характера. Они проявляются в недостаточной осведомлённости горожан и их слабой гражданской активности. Ситуация усугубляется тем, что сведения на официальном сайте администрации размещены бессистемно и разрозненно, что порождает информационное неравенство.

Вторая группа – ограничения процедурно-трансакционного свойства. К ним относятся: существенные издержки, которые вынуждены нести инициаторы при подготовке заявок; недостаточная открытость конкурсных процедур, связанных с отбором проектов; а также растянутость проектных циклов во времени.

Третья группа – пространственно-территориальные диспропорции. Неравномерность территориального охвата, концентрация проектов в отдельных микрорайонах (мкр. Бештау, пос. Горячеводск, с. Золотушка). Отсутствие проектов в центральной части города и на территориях, требующих комплексного благоустройства.

Четвертая группа – институционально-управленческие дефициты: отсутствие специализированного структурного подразделения – проектного офиса; дефицит системной работы с инициативными группами; недостаточная квалификация муниципальных служащих в вопросах сопровождения инициативных проектов.

На основании фактологической базы исследования разработана структурно-функциональная модель механизма реализации инициативного бюджетирования, адаптированная к условиям города-курорта Пятигорска (рисунок 4).

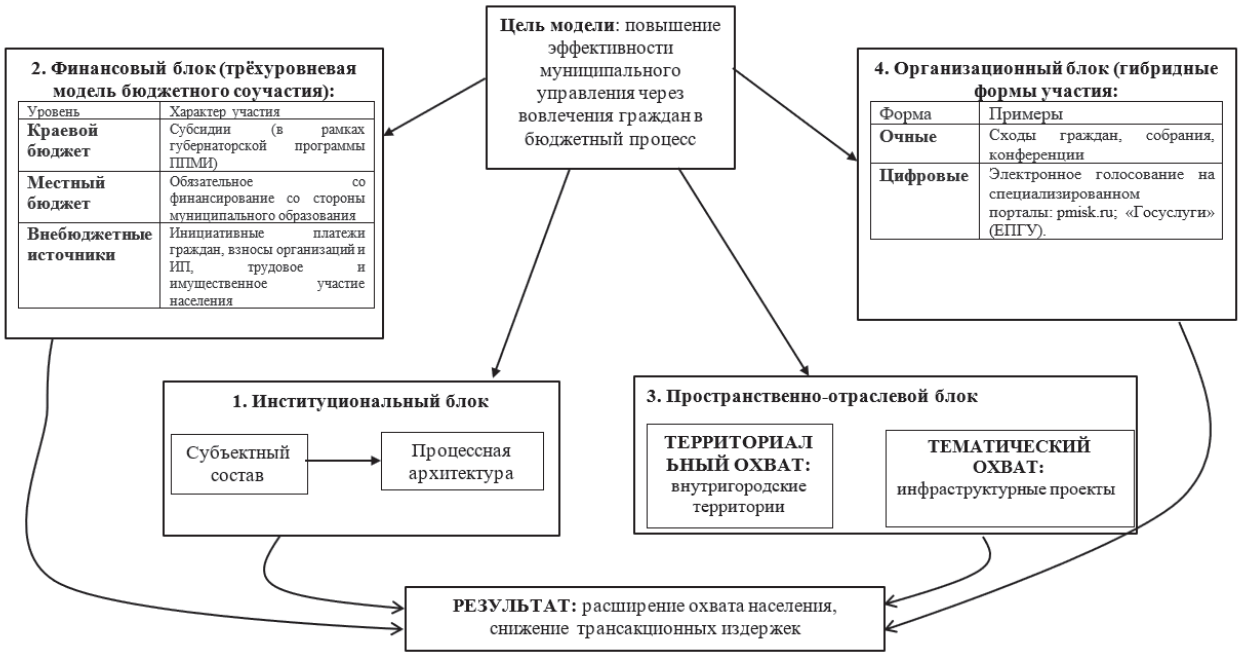

Рисунок 4. Модель организационно-функционального устройства механизма инициативного бюджетирования, адаптированная к условиям города-курорта Пятигорска

Модель разработана авторами самостоятельно.

Внедрение указанной модели создаёт предпосылки для расширения круга участвующих граждан и снижения издержек трансакционного характера. Финансовый блок модели опирается на многоуровневый механизм ресурсного обеспечения, в основе которого лежат три канала поступления средств:

– ассигнования из регионального бюджета, выделяемые в виде субсидий в рамках губернаторской программы, направленной на поддержку местных инициатив;

– поступления из бюджета муниципального образования, предполагающие обязательное участие со стороны органов местного самоуправления в софинансировании проектов;

– средства, привлекаемые из внебюджетных источников, которые аккумулируются за счёт добровольных платежей жителей, взносов хозяйствующих субъектов (в том числе индивидуальных предпринимателей), а также неденежного вклада населения, выраженного в трудовом участии или предоставлении имущества.

Для совершенствования механизма инициативного бюджетирования в городе-курорте Пятигорске, предложены следующие рекомендации:

1. Совершенствование муниципальной нормативной базы. В качестве первоочередной меры предлагается более детально прописать критерии, по которым проводится конкурсный отбор, зафиксировав при этом измеримые показатели и систему оценки в баллах. Наряду с этим целесообразно ввести повышающие коэффициенты для проектов, заявляемых на территориях с удалённым расположением и малой численностью жителей. Чтобы облегчить процедуру подачи заявок, имеет смысл разработать унифицированные формы документов, создать цифровой «конструктор проектов», а также обеспечить возможность направления документов в электронном виде.

2. Усиление информационно-коммуникационной работы. Данное направление предполагает целый комплекс мер по обновлению официального интернет-ресурса: упрощение навигации, внедрение интерактивной карты реализуемых проектов, публикацию обучающих видеоматериалов и организацию консультационной поддержки в режиме онлайн. Помимо этого, планируется создать отдельное тематическое сообщество в социальной сети «ВКонтакте», обеспечить его регулярное наполнение согласно контент-плану, задейство-

вать механизмы таргетированной рекламы, а также проводить прямые трансляции на постоянной основе.

3. Совершенствование отдельных направлений инициативного бюджетирования с учётом курортного профиля территории:

– обновление традиционной модели, действующей в границах губернаторской программы, ориентированной на поддержку инициатив местных сообществ (ППМИ);

– распространение практик инициативного бюджетирования среди молодёжи и школьников с опорой на возможности Центра знаний «Машук» и с использованием подходов, апробированных в петербургском проекте «Твой бюджет в школах»;

– закрепление «курортной составляющей» в качестве самостоятельного направления, предполагающего реализацию проектов туристско-рекреационной направленности и привлечение санаторно-курортных организаций к участию в софинансировании;

– перевод процедур выдвижения, обсуждения, голосования и последующего контроля инициативных проектов в цифровой формат.

Заключение. Результаты выполненного исследования дают основания утверждать, что инициативное бюджетирование располагает существенным ресурсом для роста результативности муниципального управления, наращивания социального капитала и становления партисипативной культуры среди населения. Однако раскрытие данного ресурса невозможно без устранения целого комплекса ограничений системного свойства – институциональных, процедурных, информационно-коммуникационных и пространственных.

Апробация разработанных рекомендаций в практике администрации города-курорта Пятигорска позволит повысить уровень информированности и вовлечённости населения в процессы инициативного бюджетирования, снизить трансакционные издержки для инициаторов проектов, увеличить количество и качество выдвигаемых инициатив, обеспечить более равномерный территориальный охват проектами, а также интегрировать курортную специфику в систему приоритетов бюджетных расходов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях – Москва, 2025. – URL: http://ppmi24.ru/uploads/Docs/1757583598-KUxZGb.pdf (дата обращения 28.08.2026)
2. Официальный сайт Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации – URL: https://www.nifi.ru/ru/initisiativnoe-byudzhetirovanie (дата обращения 2.09.2026)
3. Материалы Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию «Инициативное бюджетирование» – М.: 2015. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/11/02/1362805183/Конфа.pdf (дата обращения 29.08.2026)
4. Инициативное бюджетирование. Российский опыт в области участия граждан в решении вопросов местного значения / под ред. В.В. Вагина. – М.: НИФИ, 2022. – 280 с.
5. Шаповалова, Н.А. Муниципальные практики инициативного бюджетирования: характеристика и механизмы поддержки / Н.А. Шаповалова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020. – № 4(35). – С. 33–41.
6. Казин, Ф.А. Практика инициативного бюджетирования как инструмент повышения эффективности проектной деятельности в школе / Ф.А. Казин // Непрерывное образование. 2023. – № 1(43). – С. 102–110.
7. Гаврилова, Н.В. Практики инициативного бюджетирования в российских регионах / Н.В. Гаврилова // Вопросы экономики. 2020. – № 7. – С. 145–158.
8. Официальный сайт Губернаторской программы поддержки местных инициатив Ставропольского края – URL: https://pmisk.ru/projects-map (дата обращения 22.08.2026)

9. Отчет главы города Пятигорска о результатах его деятельности и деятельности администрации города Пятигорска за 2022 год. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/191/1736/3.pdf (дата обращения 28.08.2026)
10. Отчет главы города Пятигорска о результатах его деятельности и деятельности администрации города Пятигорска за 2023 год. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/189/1741/proekt_17.pdf. (дата обращения 20.08.2026)
11. Отчет главы города Пятигорска о результатах его деятельности и деятельности администрации города Пятигорска за 2024 год. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/819/3767/Otchet_glavy_o_ego_deyatel_nosti_i_deyatel_nosti_administratsii_Pyatigorska_za_2024.pdf. (дата обращения 26.08.2026)
12. Отчет главы города Пятигорска о результатах его деятельности и деятельности администрации города Пятигорска за 2025 год. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/789/3704/NOVAYa_BROShYuRA_otchet_za_2025_g.pdf(дата обращения 24.08.2026)

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Report on Best Practices for the Development of Participatory Budgeting in the Subjects of the Russian Federation and Municipalities – Moscow, 2025. URL: http://ppmi24.ru/uploads/Docs/1757583598-KUxZGb.pdf (Accessed: August 28, 2026)
2. Official Website of the Financial Research Institute (NIFI) of the Ministry of Finance of the Russian Federation – URL: https://www.nifi.ru/ru/initisiativnoe-byudzhetirovanie (Accessed: September 2, 2026)
3. Materials from the All-Russian Conference on Participatory Budgeting – Moscow, 2015. URL: https://www.hse.ru/data/2020/11/02/1362805183/Конфа.pdf (Accessed: August 29, 2026)
4. Participatory Budgeting: The Russian Experience of Citizen Participation in Addressing Local Issues / Ed. by V. V. Vagin. – Moscow: NIFI, 2022. – 280 p.
5. Shapovalova, N.A. Municipal Practices of Participatory Budgeting: Characteristics and Support Mechanisms / N.A. Shapovalova // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. 2020. – No. 4(35). – P. 33–41.
6. Kazin, F.A. The Practice of Participatory Budgeting as a Tool for Enhancing the Efficiency of Project-Based Activities in Schools / F. A. Kazin // Lifelong Education. 2023. – No. 1(43). – P. 102–110.
7. Gavrilova, N. V. Participatory Budgeting Practices in Russian Regions / N.V. Gavrilova // Voprosy Ekonomiki (Economic Issues). – 2020. – No. 7. – P. 145–158.
8. Official website of the Governor's Program for Supporting Local Initiatives in the Stavropol Territory [Electronic resource]. – URL: https://pmisk.ru/projects-map
9. Report by the Head of the City of Pyatigorsk on the results of his activities and the activities of the Pyatigorsk City Administration for 2022. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/191/1736/3.pdf (Accessed: 28.08.2026)
10. Report by the Head of the City of Pyatigorsk on the results of his activities and the activities of the Pyatigorsk City Administration for 2023. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/189/1741/proekt_17.pdf (Accessed: 20.08.2026)
11. Report by the Head of the City of Pyatigorsk on the results of his activities and the activities of the Pyatigorsk City Administration for 2024. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/819/3767/Otchet_glavy_o_ego_deyatel_nosti_i_deyatel_nosti_administratsii_Pyatigorska_za_2024.pdf (Accessed: 26.08.2026)
12. Report by the Head of the City of Pyatigorsk on the results of his activities and the activities of the Pyatigorsk City Administration for 2025. – URL: https://pyatigorsk.gosuslugi.ru/netcat_files/789/3704/NOVAYa_BROShYuRA_otchet_za_2025_g.pdf (Accessed: 24.08.2026)

Сорокина Оксана Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансового права, Северо-Кавказский институт − филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: oksana_vs@inbox.ru

Oksana Sorokina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: oksana_vs@inbox.ru

Киреева Влада Дмитриевна, магистрант направления подготовки 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление», Северо-Кавказский институт − филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: vlada.kireeva.02@bk.ru

Vlada Kireeva, Master's degree in the field of study 38.04.04 Public and Municipal Administration, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: vlada.kireeva.02@bk.ru

МЕНЕДЖМЕНТ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

УДК 316.354

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ОРГАНИЗАЦИИ: ОТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО HR-МЕНЕДЖМЕНТА К «ЖИВЫМ ЭКОСИСТЕМАМ»

Светлана Алиева,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются условия и факторы трансформации социального ландшафта организации. Автор обосновывает несостоятельность жестких бюрократических методов HR-менеджмента, которые приводят к сбоям в работе современных организаций, подверженных разнонаправленному и асинхронному влиянию внешней среды. Цифровизация и смена управленческой парадигмы послужили предпосылкой внедрения методологии Agile, дающей возможность организации гибко реагировать на изменения и перестраивать процессы в зависимости от ситуации. При этом, как подчеркивается в статье, более высокая степень свободы порождает парадокс полной автономии подразделений: с одной стороны, гибкость обеспечивает высокую скорость принятия решений, с другой – порождает центробежные силы, разрушающие корпоративную идентичность. В качестве решения актуализируется необходимость изучения архитектуры социального ландшафта современной организации и целенаправленной ее трансформации в «живую экосистему». Такой подход позволяет создать динамичную социальную систему, отражающую реальные модели поведения акторов, и существенно повысить общую эффективность HR-менеджмента.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, социальный ландшафт организации, «живая экосистема», гибкие подходы, корпоративная идентичность, HR-менеджмент.

TRANSFORMING THE ORGANIZATIONAL SOCIAL LANDSCAPE: FROM BUREAUCRATIC HR MANAGEMENT TO LIVING ECOSYSTEMS

Alieva S.

Abstract. This article examines the conditions and factors driving the transformation of an organization's social landscape. The author argues against the viability of rigid bureaucratic HR management methods, which lead to operational failures in modern organizations subject to the multidirectional and asynchronous influences of the external environment. Digitalization and a shift in management paradigms have paved the way for the adoption of Agile methodologies, enabling organizations to respond flexibly to change and reconfigure processes based on the situation. However, as the article highlights, this increased freedom gives rise to a paradox regarding unit autonomy: while flexibility ensures rapid decision-making, it also generates centrifugal forces that erode corporate identity. To address this, the article emphasizes the need to study the social landscape architecture of the modern organization and purposefully transform it into a «living ecosystem». Such an approach fosters a dynamic social system that reflects the actual behavioral patterns of actors and significantly enhances overall HR management effectiveness.

Keywords: human resource management, organizational social landscape, «living ecosystem», agile approaches, corporate identity, HR management.

Введение. Высокая турбулентность внешней среды, изменение взглядов на персонал в контексте гуманистической парадигмы, цифровизация кадровых процессов, развитие теории поколений оказали значительное влияние на управление человеческими ресурсами. Доминирование жестких подходов в HR-менеджменте, основанных на бюрократических методах, в современных условиях стало давать частые сбои. Поэтому устранять барьеры, которые парализуют работу организации, возможно только на основе понимания реальных процессов, а не жестко регламентированных конструкциях. Это объясняет появление интереса к изучению сущности социального ландшафта организации, меняющего представления о современном менеджменте, и обоснования необходимости внедрения гибких подходов к управлению.

Произошли кардинальные изменения в бизнесе: старые жесткие иерархии с начальниками и подчиненными уходят в прошлое. Им на смену приходят гибкие, сетевые команды. Меняются запросы на труд со стороны работников, а работодателям приходится учитывать современные тренды на рынке труда, обусловленные, в том числе присутствием разных поколений. В условиях постоянных кризисов и нестабильности децентрализация – это уже не модное слово, а единственный способ выжить.

Переход на дистанционный формат работы, гибридный график, Agile-подходы и продуктовые команды создали совершенно другую рабочую среду, в которой формальные отчеты значат меньше, чем живое общение и проектные связи. На первый план вышли социально-психологические методы управления, сменив административную парадигму. Современная организация стала не просто строгой схемой на бумаге, а живой социальной системой, состоящей из неформальных контактов, обмена знаниями и культурными нормами. Офис перестал быть главным местом встреч, а право принимать решения перешло к автономным командам, которые реагируют на проблемы мгновенно.

Вместе с тем появилась обратная сторона децентрализации. Обретение командами полной автономии привело к опасному парадоксу: бизнес начинал разрушаться. Свобода породила центробежную силу, которая разрушает корпоративную идентичность. Сотрудники перестают чувствовать себя частью одной большой компании (теряется то самое ощущение «Мы»). Если раньше корпоративная культура была главным «социальным клеем», объединяющим персонал вокруг общей миссии, ценностей и бренда, то сегодня сотрудник, работающий из дома, общается только с ограниченным числом коллег из своей узкой группы. В итоге коллектив распадается на части: вместо единой компании возникает множество изолированных субкультур, которые живут своей жизнью и упускают из виду общие цели бизнеса. В связи с этим актуализируется проблема создания динамичной социальной системы, отражающей реальное социально-ролевое взаимодействие акторов и способной объединить разрозненные команды вокруг единого стратегического ориентира. Такой живой системой становится социальный ландшафт организации, а трансформация его архитектуры позволит повысить эффективность HR-менеджмента.

Методы. Многомерный характер объекта исследования предполагает использование методологических подходов, как классической, так и неоклассической социологических парадигм: системный, структурно-функциональный, поколенческий и экосистемный, позволяющие интерпретировать социальный ландшафт организации как динамическую социальную систему. В качестве методов исследования применялись компаративный метод, качественный анализ управленческих кейсов, метод социологического моделирования.

Результаты. В настоящее время в организационной теории отсутствует единое универсальное определение социального ландшафта. Вместе с тем анализ взаимодополняющих теоретических концепций из сферы социологии, социальной географии и урбанистики открывает возможности для его понимания.

В условиях ускоренной урбанизации, цифровизации и глобальных миграционных сдвигов понимание структуры социального ландшафта становится критически важным с

социологической точки зрения не только для городского планирования, региональной политики, но и для современной организации. Многие специалисты, главным образом представители естественных наук, предпочитают рассматривать ландшафт как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов и элементов природно-социальной среды, а также ландшафтных комплексов более низкого ранга, функционирующую и развивающуюся под воздействием одного или группы ведущих факторов [1].

В современном гуманитарном знании понятие «социальный ландшафт» выходит далеко за рамки чисто географического описания местности. Теоретический инструментарий, который необходим в обсуждении заявленной темы, включает дефиниции понятий «социальная среда», «социальное пространство» и «социальный ландшафт». В качестве основы для анализа перечисленных понятий нами выбраны труды классиков в области социологии.

Впервые социальная среда стала предметом рассмотрения в работах К. Левина. В частности, разработанная им теория поля позволила рассматривать социальную среду не как статичную структуру, а как пространство взаимодействующих сил, интересов и отношений [2].

Данную теорию развивает известный французский социолог П. Бурдье, который приходит к выводу, что социальное пространство представляет собой совокупность социальных полей. При этом он считает, что социальное пространство не является абсолютно самостоятельной формой бытия, прежде всего, оно представляет собой совокупность социальных позиций [3].

В определении П. Сорокина присутствует аналогичное суждение о том, что социальное пространство представляет собой совокупность социальных групп, их внутренних и внешних связей. По его мнению, оно представляет собой социальную вселенную и существует там, где есть люди. [4].

Новый вектор исследования структуры социального пространства был задан Дж. Морено. В частности, благодаря его социометрической концепции, стало возможным измерять социальные отношения внутри групп и выявлять предпочтения участников относительно установления неформальных и формальных связей с отдельными участниками [5].

Развитие темы социальных связей в структуре социального пространства продолжил социолог М. Крозье. В частности, он отмечает не столько их наличие, сколько распределение властных ресурсов для достижения целей за счет кооперации на основе организованного социального взаимодействия акторов [6, 36]. В этом он видит смысл построения такой структуры социальных связей, которые обеспечат жизнеспособность организации в изменяющихся условиях. Экстраполируя данную логику на систему управления организацией, можно добиться построения оптимального социально-ролевого взаимодействия и установления иерархии властных отношений. Во многом эта точка зрения совпадает с упомянутой ранее методологией Пьера Бурдьё, согласно которой социальная структура детерминирована неравенством позиций акторов и объемом находящихся в их распоряжении ресурсов [7].

Анализ перечисленных подходов позволяет выявить существенные признаки социального пространства – социальные связи и социальные отношения, которые обнаруживаются в пределах границ различной локализации, в том числе и на микроуровне, т. е. в отдельно взятой организации. Совокупность таких связей выступает средой, контекстом, в котором реализуются социальные процессы. Перенос этих признаков на внутрифирменный уровень неизбежно приводит к тому, что в структуре социального пространства необходимо учитывать должностной статус работника, его профессиональный авторитет, степень информированности, накопленный социальный капитал и репутацию. Отсюда вывод, что социальное пространство многомерно и обусловлено возможностью существования динамики социальных связей и отношений, что приводит к неизбежному расхождению между формальной структурой организации и ее фактической социальной архитектоникой.

Рассмотренные концепции создают ме-

тодологическую основу для определения понятия «социальный ландшафт». Теоретическая рефлексия различных определений позволила сделать вывод, что по отношению к социальному пространству социальный ландшафт выступает способом его оформления. Такого мнения придерживаются авторы И.А. Скалабан, Т.Д. Алексеев, П.Е. Лаврусевич, Е.И. Уфимцева, Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина.

Социальный ландшафт, в отличие от природно-географического, подвержен влиянию различных факторов и поэтому не может быть статичным. Следовательно, для поддержания определенного порядка необходимо предпринимать усилия, что потребует разработки различных компромиссных вариантов в каждой конкретной ситуации на основе сравнения параметров различных объектов любой природы [8].

По мнению Е.И. Уфимцевой, для социального ландшафта той или иной общности необходимо рассматривать границы, в которых она существует. Это дает возможность определить, кто внутри этой общности, а кто находится за пределами, а также оценить ее культурный и социальный капитал [9].

Такой же позиции придерживаются авторы Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина. Но в их определении содержится важное дополнение характеристик социального ландшафта: «общественная структура, специфическая по происхождению и по организации, локализованная на определенной территории, которая отличается наличием присущих только ей социальных групп, а также специфических законов, регулирующих права и обязанности этих групп» [10].

В данной статье мы разделяем точку зрения Д.О. Труфанова [11], согласно которой социальный ландшафт конкретного социального пространства составляют социальные акторы, способы их взаимодействия, а также ценности и нормы, которые эти взаимодействия регулируют и направляют. В отличие от социального пространства, которое представляет собой совокупность социальных связей между акторами в конкретной локации, социальный ландшафт обусловлен характером ценностей и норм, актуальных в данной локации в данное время и задающих формы, способы, особенности социальных связей. В соответствии с таким пониманием социальный ландшафт организации предстает как многомерное поле, позиции участников в котором обусловлены объемом и структурой их индивидуального капитала.

Изучение социального ландшафта организации позволяет получить ценную информацию о ее формальных и неформальных связях внутри организации, о том, какими властными и репутационными ресурсами обладает каждый ее участник, какие социокультурные ценности ей присущи. Социальный ландшафт организации представляет собой систему взаимосвязанных элементов: социально-демографическая подсистема; организационная культура и ценности; коммуникационная и сетевая подсистема; психологический климат и благополучие; пространственная архитектоника; подсистема управления и развития (Рисунок 1).

Современный социальный ландшафт характеризуется динамичностью и сложностью. В условиях турбулентности его вклад в достижение успеха организации возрастает. Это связано с тем, что социально-экономическая турбулентность вызывает двойное изменение: с одной стороны, трансформируется среда функционирования организации и требования к эффективности ее системы менеджмента, с другой стороны, происходят существенные изменения самих человеческих ресурсов. Это требует динамической гармонизации, согласования их изменяющихся характеристик и целей и задач функционирования и развития организаций. В этой связи появляется необходимость изменения традиционного подхода, что требует разработки и использования инновационных HR-технологий. При этом организационная структура компаний постепенно становится всё более плотной и гибкой. Традиционные вертикальные иерархии уступают место матричным системам, а затем и кросс-функциональным командам (Agile).

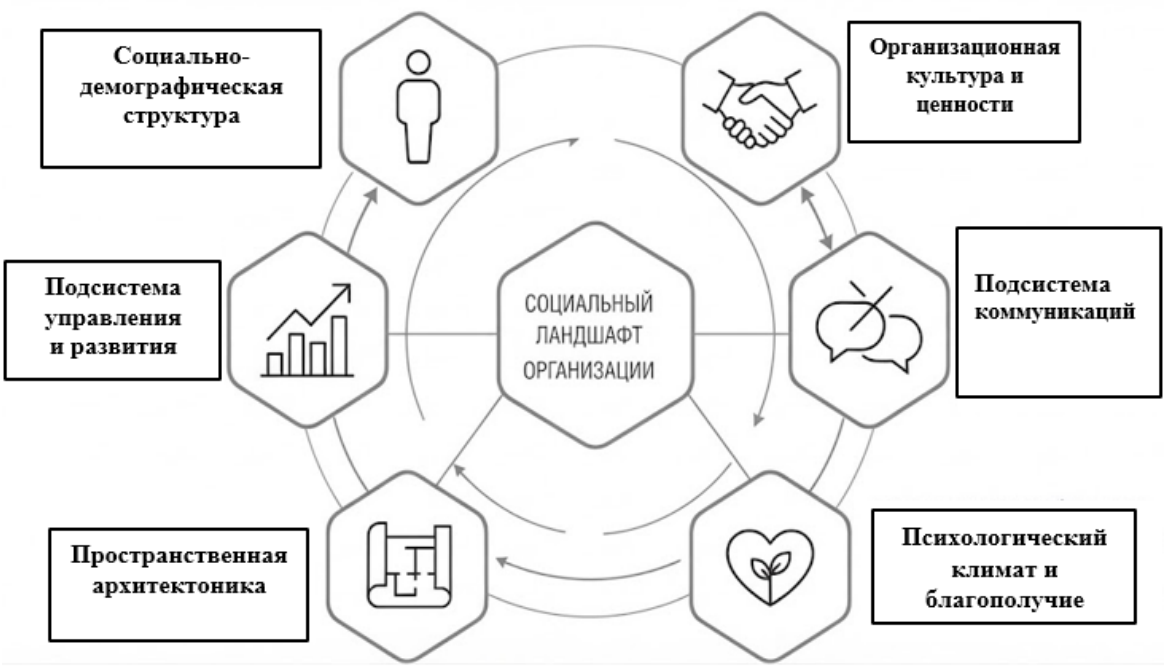

Рисунок 1. Архитектура социального ландшафта

Одной из особенностей гибкого управления является возможность быстрого реагирования на вызовы внешней среды. Оно также проявляется в предоставлении более высокой степени свободы команде проекта, снижении значимости приказов при выполнении заданий и развитии горизонтальных связей в организации. Это обусловлено тем, что руководители структурных подразделений на всех уровнях управления должны молниеносно реагировать на воздействующие как внешние, так и внутренние факторы на местах, преодолевать неожиданные сложности и использовать благоприятные возможности для компании [12]. Благодаря гибкому управлению они могут перестраивать процессы, изменять стратегии и организационную структуру в зависимости от ситуации.

Более высокая степень свободы позволяет подразделениям реализовать собственные цели, применять различные подходы к управлению, которые не всегда соответствуют общей стратегии организации. Поэтому, несмотря на очевидные управленческие выгоды, подобная трансформация несет в себе скрытый разрушительный потенциал. Как следствие, обратной стороной глубокой автономии становится фрагментация бизнеса. В отсутствие жесткого повседневного контроля сверху команды склонны замыкаться на собственных задачах. Возникает так называемый эффект «колодцев» или информационных бункеров. Внутри таких структур снижается качество кросс-функционального взаимодействия (команды перестают делиться экспертизой друг с другом, воспринимая соседей скорее как конкурентов за ресурсы); дублируются функции и изобретаются «велосипеды» (одна команда может тратить месяцы на решение задачи, которую соседнее подразделение уже давно решило); происходит расфокусировка стратегических целей (локальные KPI начинают превалировать над глобальной миссией компании или ведомства).

Все это приводит к тому, что формируется феномен внутрикорпоративного трайбализма. Специалист может быть бесконечно предан своей команде и её локальным задачам, но при этом испытывать абсолютное равнодушие к макроцелям всей организации. Если такой сотрудник принимает решение об увольнении, он уходит не из компании (с которой у него больше нет эмоциональной связи), он уходит из-за распада своей локальной команды. Од-

новременно централизованные каналы коммуникации ослабевают, и нарушается трансляция глобальных смыслов. Корпоративные ценности, спущенные сверху, начинают интерпретироваться на местах в зависимости от личных убеждений локальных руководителей. В результате возникает разрыв между декларируемой культурой и реальной практикой. Топ-менеджмент может заявлять о клиентоцентричности и открытости, но, если автономная продуктовая команда выстраивает свою внутреннюю работу на принципах жесткой внутренней конкуренции и закрытости, рядовой сотрудник усвоит именно эти негласные правила. Глобальные ценности превращаются в «мертвый текст» на корпоративном портале.

Возникшее противоречие можно выразить краткой формулой «контроль-хаос». С одной стороны, жесткий контроль упорядочивает все HR-процессы, делая их предсказуемыми, а с другой – ограничивает инициативу и творчество персонала, порождает стрессовые состояния из-за боязни административных санкций. В то же время, как было отмечено выше, чрезмерная гибкость приводит к размыванию ответственности, спонтанной импровизации и в целом к потере управляемости. Возникает проблема соблюдения баланса между сохранением гибкости и управляемостью. Для ее решения необходимо разработать программу преодоления противоречий.

Сравнение двух типов социальных ландшафтов, присущих традиционным моделям управления («жестким») и гибким, будем вести по следующим критериям: пространство, иерархия, границы и связующий элемент. Для жесткой модели управления характерны следующие признаки социального ландшафта: пространство – физический офис; иерархия – жесткая вертикаль «начальник – подчиненный»; границы – четкое разделение «работа» и «личная жизнь»; связующий элемент – корпоративные правила и регламенты. Для гибкой системы управления социальный ландшафт имеет следующие характеристики: пространство: офис+коворкинг+дом; иерархия – горизонтальные связи; границы – интеграция работы в жизнь; связующий элемент – общие ценности, культура и смыслы.

Описанные характеристики позволяют сравнить основные параметры двух типов ландшафтов и разработать мероприятия по совершенствованию корпоративного управления. Вместе с тем переход от традиционного к современному социальному ландшафту – это глубокая трансформация, которая затрагивает не просто регламенты, а мышление людей и корпоративную культуру. Этот процесс невозможно запустить за один день: он требует последовательных шагов на стыке менеджмента, HR и IT. Стратегию масштабной трансформации можно представить в виде следующих шагов: перестройка мышления руководителей; создание цифровой экосистемы; изменение организационной структуры; совершенствование HR-процессов, обеспечивающих вовлеченность персонала; формирование благоприятного климата и совершенствование организационной культуры.

Преодоление противоречия «контроль» – «свобода» возможно через внедрение концепции динамического равновесия, суть которой заключается в перераспределении контроля и гибкости в зависимости от решаемых задач. Зафиксировать этот баланс, можно разделив по уровням и элементам, представляющим собой набор «красных линий»: ценности и этика, процессы и управление временем (Рисунок 2). Вполне очевидно, что там, где следует бескомпромиссно соблюдать правила безопасности, законы и внутренние этические нормы, нужен жесткий контроль. Если стиль общения не разрушает ценности, то можно предоставить свободу в выборе стиля общения. Что касается финансового учета, соблюдения базовых регламентов и правил безопасности, то, безусловно, жесткий контроль не просто нужен, он даже необходим. Гибкий подход будет целесообразен при поиске новых подходов к организации финансового учета и оптимизации рутины. Аналогично обстоит дело и с управлением временем. В ряде случаев необходимо соблюдать дедлайн и обязательства перед клиентами, а в других случаях вполне уместно будет предоставлять работнику гибкий график и удаленную работу.

Рисунок 2. Баланс контроля и гибкости в архитектуре социального ландшафта

Трансформацию социального ландшафта можно представить в виде следующих шагов:

– Проведение регулярного организационно-сетевого анализа (ONA). Необходимо осуществлять аудит скрытых социальных связей, выявлять реальных неформальных лидеров и центры экспертизы, а не опираться только на формальную штатную структуру.

– Внедрение гибридных ритуалов синхронизации. Для снижения центробежных сил удаленных команд следует зафиксировать обязательные сквозные форматы взаимодействия (например, стратегические сессии), укрепляющие единую корпоративную идентичность.

– Замена избыточного бюрократического контроля четкими и понятными ценностными ориентирами, которые служат «клеем» для автономных подразделений.

– Функционал HR-менеджера должен сместиться от администрирования процессов к роли архитектора и фасилитатора социального пространства компании, проектирующего экосистему.

Заключение. Нестабильность внешней среды, стремительная цифровизация и смена управленческой парадигмы обозначили новые перспективы внедрения современных технологий в менеджмент организации. Произошедшее осмысление неизбежности появления сбоев в динамичных бизнес-структурах в результате применения бюрократических барьеров привело к внедрению гибких форм управления, основанных на Agile. Одновременно чрезмерная гибкость и децентрализация в управлении организацией привели к такому парадоксу, как эффект информационных колодцев.

Стремление к максимальной скорости принятия решений через децентрализацию порождает опасные центробежные силы, способные фрагментировать организационную культуру и разрушить единую корпоративную идентичность. В качестве эффективного ответа на этот вызов в статье актуализирован и обоснован подход, основанный на детальном изучении трансформации архитектуры социального ландшафта организации, целью которой является преодоление указанного противоречия и создание «живой экосистемы» организации. Фокусирование внимания на реальных моделях поведения акторов и живых связях между ними позволяет спроектировать гибкую, адаптивную и устойчивую социальную систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багана Ж., Таранова Е.Н., Таранов А.О. Из истории становления термина «ландшафт» и особенности его использования в специальной литературе// Научная мысль Кавказа. 2014. – № 2. – С. 138–143.
2. Левин К. Теория поля в социальных науках [Текст] / Курт Левин; [пер. Е. Сурпина]. – Санкт-Петербург: Речь, 2000. – 364 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Морено, Якоб Леви. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Якоб Леви Морено; [пер. с англ. А. Боковикова]. – Москва: Академ. Проект, 2004. – 315 с.
6. Бахмарова В.Н. Социологическая концепция управления М. Крозье: к вопросу о роли социальных акторов // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. – № 2. – С. 31–37.
7. Бурдьё П. О символической власти/ П. Бурдьё; пер. с франц. Н.А. Шматко // Бурдье П. Социология социального пространства / Под ред. Н.А. Шматко. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии. 2005. – С. 87–96.
8. Скалабан И.А., Алексеев Т.Д., Лаврусевич П.Е. Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости // Мир России. 2024. – Т. 33. № 1. – С. 115–143.
9. Уфимцева Е.И. Социальный ландшафт религиозной социализации старшего поколения / Е.И. Уфимцева // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам VI Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ» (19–20 сент. 2016 г.). – С. 205–211
10. Шумкин Г.Н. Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века / Г.Н. Шумкин, Т.Г. Шумкина // Вопросы всеобщей истории. 2017. – № 19. – С. 312–322.
11. Труфанов Д.О. Сопротивление социального ландшафта: «варварство» и «цивилизация» в социальном пространстве / Д.О. Труфанов // Siberian Socium. 2020. – Том 4. № 1 (11). – С. 8–22.
12. Шестакова Е.В., Ситжанова А.М., Прытков Р.М. Гибкие технологии управления: инновационный дискурс классификационных признаков // Экономические науки. 2020. – № 7. – С. 99–106.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Bagana Zh., Taranova E.N., Taranov A.O. On the History of the Term «Landscape» and Specifics of Its Use in Specialized Literature // Scientific Thought of the Caucasus. 2014. – No. 2. – P. 138–143.
2. Lewin K. Field Theory in Social Sciences [Text] / Kurt Lewin; [trans. E. Surpina]. – Saint Petersburg: Rech, 2000. – 364 p.
3. Bourdieu P. Sociology of Social Space / P. Bourdieu; trans. from French, ed. N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2007. – 288 p.
4. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / P.A. Sorokin; ed., comp., and preface by A.Yu. Sogomonov; trans. from English. – Moscow: Politizdat, 1992. – 543 p.
5. Moreno, Jacob Levy. Sociometry: Experimental Method and the Science of Society / Jacob Levy Moreno; [trans. from English by A. Bokovikov]. – Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2004. – 315 p.
6. Bakhmarova V.N. M. Crozier’s Sociological Concept of Management: On the Role of Social Actors // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2011. – No. 2. – P. 31–37.
7. Bourdieu P. On Symbolic Power / P. Bourdieu; trans. from French. N.A. Shmatko // Bourdieu P.

Sociology of Social Space / Ed. by N. A. Shmatko. St. Petersburg; Moscow: Aletheia; Institute of Experimental Sociology, 2005. – P. 87–96.
8. Skalaban I.A., Alekseev T.D., Lavrusevich P.E. Social Worlds of the Karakan Pine Forest: Perspectives for Convergence and Imperatives of Justice // Universe of Russia (Mir Rossii). 2024. – Vol. 33, No. 1. – P. 115–143.
9. Ufimtseva E.I. The Social Landscape of Religious Socialization Among the Older Generation // Sociology of Religion in Late Modern Society: Collection of Articles from the 6th International Scientific Conference, NRU "BelSU" (Sept. 19–20, 2016). – P. 205–211.
10. Shumkin G.N., Shumkina T. G. Social Landscapes of the Russian Empire in the Mid-19th Century // Issues in General History (Voprosy vseobshchey istorii). 2017. – No. 19. – P. 312–322.
11. Trufanov D.O. Resistance of the Social Landscape: «Barbarism» and «Civilization» in Social Space // Siberian Socium 2020. – Vol. 4, No. 1 (11). – P. 8–22.
12. Shestakova E.V., Sitzhanova A.M., Prytkov R.M. Flexible Management Technologies: An Innovative Discourse on Classification Criteria // Economic Sciences (Ekonomicheskie nauki). 2020. – No. 7. – P. 99–106.

Алиева Светлана Викторовна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и предпринимательского права, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: svet_al55@ mail.ru

Svetlana Alieva, Doctor of Social Science, Professor, Head of the Department of Management and Business Law, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: svet_al55@mail.ru

УДК 331.5:004.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Долгова Ирина Владимировна,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация
Жамборов Анзор Анатольевич,
Кавказский институт МВД России, г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования современных информационных технологий для решения актуальной проблемы, связанной с высоким уровнем текучести кадров в органах внутренних дел. Рассмотрены подходы к понятию «текучесть кадров», представлена специфика определения данного понятия применительно к правоохранительной сфере. Отражен системный характер факторов текучести персонала и обоснована необходимость применения комплексного подхода на основе предиктивных моделей HR-аналитики для ее прогнозирования.

Ключевые слова: текучесть кадров, органы внутренних дел, искусственный интеллект, HR-аналитика, предиктивные модели.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PREDICTING STAFF TURNOVER IN THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Dolgova I., Zhamborov A.

Abstract. The article addresses the application of modern information technologies to solve the urgent problem of high staff turnover in the bodies of internal affairs. It examines various approaches to the concept of «staff turnover» and presents the specific features of this concept in the law enforcement context. The systemic nature of personnel turnover factors is highlighted, and the necessity of a comprehensive approach based on predictive HR-analytics models for forecasting it is substantiated.

Keywords: staff turnover, bodies of internal affairs, artificial intelligence, HR analytics, predictive models

Введение. Актуальность исследования обусловлена современными вызовами, детерминирующими роль кадрового потенциала в работе органов внутренних дел, главная задача которых – обеспечивать национальную безопасность и поддержание общественного порядка. Оперативная деятельность сотрудников органов внутренних дел связана с высоким уровнем психофизиологической нагрузки, постоянным взаимодействием с населением, требованиями быстрого реагирования на различные формы правонарушений, в том числе на киберпреступления и гибридные угрозы, направленные на подрыв стабильности и безопасности страны. Очевидно, что в таких условиях текучесть кадров – это не только кадровая проблема, но и фактор, оказывающий влияние на качество работы органов внутренних дел и на уровень доверия граждан к государственным институтам.

Эффективность традиционных подходов к управлению персоналом, основанных на историческом анализе и мерах быстрого реагирования (разовые премии и социальные льготы, меры административного характера и др.), достаточно ограничена. Такие подходы не позволяют оперативно обнаруживать скрытые риски увольнения и делать прогноз дальнейшего развития ситуации на индивидуальном и организационном уровнях. В результате происходит снижение мотивации сотрудников, их профессиональное выгорание и уход квалифицированных специалистов, что не может не отражаться на оперативной готовности подразделений.

В условиях цифровизации внедрение но-

вых технологий в деятельность российских органов государственной власти и управления осуществляется в рамках национальных проектов и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, при этом особая роль отводится технологиям предиктивной аналитики. Искусственный интеллект (ИИ) дает возможность на основе больших данных формировать модели вероятности текучести и разрабатывать персонализированные программы удержания персонала. Использование алгоритмов машинного обучения в сфере HR-аналитики подтвердило свою эффективность в коммерческих и отдельных государственных структурах зарубежных стран, однако его теоретическое обоснование и адаптация к специфике органов внутренних дел Российской Федерации остаются недостаточно изученными.

Вопросы текучести кадров в органах внутренних дел получили отражение в работах отечественных исследователей Н.В. Фатиховой, М.С. Шуклина, А.Я. Кибанова и др., где акцент делается на социологических, психологических и организационных аспектах явления. Зарубежные и российские исследования по предиктивной HR-аналитике, такие как: Джеймс С. Сесил, Мартин Р. Эдвардс, Л. Смайерс, А.Н. Козинец, Н.С. Пискарёв и др. подтверждают высокую прогностическую силу моделей на базе машинного обучения. Вместе с тем, комплексного теоретического анализа возможностей искусственного интеллекта именно для прогнозирования текучести в органах внутренних дел с учётом ведомственных нормативных, этических и технических ограничений в научной литературе практически не представлено.

Объектом исследования выступает процесс управления кадровыми ресурсами в органах внутренних дел.

Предмет исследования – теоретические и методологические аспекты применения искусственного интеллекта для прогнозирования текучести кадров в ОВД.

Цель статьи состоит в представлении теоретического обоснования возможностей использования искусственного интеллекта в прогнозировании текучести кадров в органах внутренних дел.

Достижение поставленной цели осуществляется последовательным решением ряда задач:

– уточняется понятие «текучесть кадров» и раскрываются особенности данного термина применительно к специфике органов внутренних дел;

– отмечаются результаты текучести кадров в правоохранительной сфере;

– анализируются возможности использования искусственного интеллекта в HR-аналитике;

– обобщаются факторы текучести кадров;

– исследуются методы разработки предиктивных моделей и рассматриваются ограничения их использования в системе Министерства внутренних дел.

Методы. В основу исследования положены как общенаучные методы (анализа, синтеза, обобщения и классификации), так и методы сравнительно-правового и системно-структурного анализа.

Научная новизна исследования состоит в следующем: представлено комплексное теоретическое обоснование возможностей предиктивной HR-аналитики на основе искусственного интеллекта для использования в деятельности органов внутренних дел с учетом существующих нормативных ограничений.

Результаты. Понятие «текучесть кадров» является одним из ключевых в теории управления человеческими ресурсами. Оно отражает динамику движения рабочей силы и служит индикатором эффективности кадровой политики организации. В современной научной литературе не существует единого определения данного понятия, что связано с его междисциплинарным характером, включающим экономические, социологические, психологические и организационные аспекты.

Наиболее системную классификацию определений текучести кадров, позволяющих комплексно анализировать данное явление, выявлять причины, оценивать масштабы и разрабатывать управленческие меры, представила А.А. Кондакова. Опираясь на работы различных авторов, она выделила три основных

подхода к понятию «текучесть кадров» – как процесс, как фактор и как показатель [1].

1. Текучесть кадров как процесс предполагает движение работников относительно места работы и характеризует изменения в их составе и структуре. Аналогичный взгляд демонстрирует ряд авторов. Так, Р. Беннетт под текучестью рабочей силы понимает «движение работников в/из штата компании», которое фиксируется путем регистрации увольняющихся и предполагаемой заменой новым работником [2]. Схожей точки зрения придерживается А.Г. Новицкий, рассматривающий текучесть кадров как «форму перераспределения рабочей силы», включающую «все виды перемещения работников относительно места работы» [3] (в т. ч. увольнения по собственному желанию и за нарушение трудовой дисциплины). В.М. Анисимов интерпретирует её как «процесс, характеризующийся неплановым, неорганизованным и часто непредвиденным перемещением работников из одного учреждения, предприятия, фирмы в другое» [4]. Н.В. Кожухова рассматривает проблему регулирования процесса текучести как инструмент управления персоналом [5].

2. Текучесть кадров как фактор обусловлена внутренними или внешними причинами, которые приводят к увольнениям. Как правило, возникающий дисбаланс между ожиданиями работника и возможностями организации влечет за собой снижение удовлетворенности работника и способствует его увольнению. Такое понимание текучести кадров видим у А.Я. Кибанова: «движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворенностью работника рабочим местом (условиями труда, быта и т. д.) и неудовлетворенностью организации данным работником» [6]. С данным автором соглашаются Л.П. Салазкина и С.Е. Олишевский. Аналогичного взгляда придерживается Е.А. Плебух, рассматривая влияние текучести кадров на численность и укомплектованность организации и характеризуя это явление как «фактор финансовых потерь, снижения продуктивности и имиджа организации» [7]. Ю.В. Филимонова акцентирует внимание на том, что «при анализе текучести кадров ... нужно ориентироваться на категории работников ... и учитывать отраслевые особенности» [8].

3. Текучесть кадров как показатель. Этот подход основан на необходимости определения количественного уровня текучести с целью оценки последствий для деятельности организации. Текучесть кадров как показатель является предметом внимания Л. Никифоровой, которая определяет ее как «отношение количества работников, ушедших из компании, к среднесписочному числу работников» [9]. Дж. Линд понимает её как «изменения в составе членов организации, в ходе которых одни сотрудники увольняются, а их должности занимают новые люди» [10].

Многие современные авторы (А. Коломиец, Н. Одегов и др.) сходятся в том, что текучесть – это интенсивность, с которой сотрудники покидают организацию по любой причине (собственное желание, инициатива работодателя, внешние обстоятельства), выраженная в процентах к среднесписочной численности.

В правоохранительной сфере понятие «текучесть кадров» приобретает дополнительные социальные и служебные оттенки: высокая текучесть рассматривается не только как кадровая проблема, но и как угроза общественной безопасности, преемственности опыта и оперативной эффективности. В частности, Н. В. Фатихова адаптирует общее определение к практике органов внутренних дел: «текучесть кадров – это движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворительностью работника рабочим местом или неудовлетворительностью организации конкретным работником, вызывающее излишнюю сменяемость работников, что наносит экономический и социальный ущерб организации» [11]. Автор акцентирует внимание на устойчивости данного явления, обусловленной воздействием объективных и субъективных факторов, и обращает внимание на сложившуюся критическую ситуацию среди молодых специалистов: в этой категории увольнение по собственному желанию достигает 69,5%.

М. С. Шуклин формулирует понятие текучести кадров применительно к молодым кадрам ОВД, отмечая, что «текучесть кадров выпускников высших ведомственных образо-

вательных учреждений, в ее активной форме, выступает одним из неорганизованных каналов движения трудовых ресурсов и заключается в индивидуальных перемещениях представителей указанной категории сотрудников между сферами трудовой занятости» [12].

Таким образом, применительно к органам внутренних дел текучесть кадров наиболее часто рассматривается как оценочный показатель качества профессиональной адаптации, социально-психологического климата и престижа службы [13].

Представленные подходы демонстрируют эволюцию понятия от чисто экономического (движение рабочей силы) к комплексному социально-психологическому и управленческому.

Для органов внутренних дел целесообразно применять процессный подход, который сосредотачивается на анализе и оптимизации процессов управления, и индикаторный, основывающийся на использовании статистических или расчетных показателей для оценки результатов деятельности ОВД. Синтез этих подходов дает возможность не только установить степень и значимость проблемы, но и прогнозировать её с использованием современных технологий, в т. ч. искусственного интеллекта.

Текучесть кадров в органах внутренних дел Российской Федерации приобретает особую остроту в силу специфики служебной деятельности, связанной с высоким уровнем стресса, ненормированным рабочим временем и повышенной ответственностью за обеспечение общественной безопасности.

По официальным данным Министерства внутренних дел РФ, текучесть кадров в ведомстве носит критический характер. С 2020 по 2025 год из структур МВД уволились около 350 тысяч сотрудников, что привело к обновлению личного состава практически наполовину [14]. Только в 2025 году на аттестованные должности принято 58 тысяч человек, тогда как уволилось 80 тысяч. Общее количество вакансий превысило 212 тысяч, из них 186,5 тысячи – аттестованные должности. Наиболее острая ситуация наблюдается в районных подразделениях, где уровень некомплекта отдельных служб может быть очень высоким.

Высокая текучесть кадров имеет серьезные последствия для организации. Во-первых, отмечается ухудшение эффективности деятельности оперативных служб. Существующие данные показывают, что в патрульно-постовой службе некомплект составляет 40%, а в уголовном розыске доходит до 30%. Совершенно очевидно, что это напрямую влияет как на раскрываемость преступлений, так и на скорость реагирования на заявления граждан. Во-вторых, существенно увеличивается нагрузка на имеющийся личный состав, в результате растет вторичная текучесть и фиксируется профессиональное выгорание сотрудников. В-третьих, растут экономические потери из-за затрат на подбор, обучение и адаптацию новых сотрудников. Помимо всего, органы внутренних дел из-за дефицита кадров несут репутационные издержки: снижается престиж службы в органах, теряется доверие населения. Все это свидетельствует о том, что проблема текучести кадров в органах внутренних дел становится угрозой национальной безопасности и не может быть решена только в рамках кадрового менеджмента.

Предиктивная HR-аналитика основывается на машинном обучении и дает возможность проводить анализ больших массивов данных. В результате обнаруживаются скрытые закономерности, позволяющие определить вероятность увольнения сотрудника в ближайшие 30–90 дней [15]. HR-аналитика позволяет получать объективные, своевременные и масштабируемые прогнозы, поскольку математические и вычислительные методы, лежащие в основе алгоритмов машинного обучения, могут одновременно анализировать огромное количество переменных и обнаруживать нелинейные взаимосвязи, недоступные классическим подходам [16].

Таким образом, в числе ключевых преимуществ использования искусственного интеллекта следует отметить высокую точность прогнозирования, способность заранее предсказывать риск увольнения сотрудника, а также повышение экономической эффективности за счёт применения превентивных мер удержания [17].

Применение ИИ имеет свою специфику в

государственных структурах, в том числе в ОВД, обусловленную ограничениями Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», высокой конфиденциальностью данных, а также требованиями интеграции с существующими информационными системами МВД (федеральная система автоматизированной дактилоскопической информации АДИС-ГИАЦ, АИС «Криминал-И», АИС «Кадры» и др.).

Итак, потенциал искусственного интеллекта заключается не только в прогнозировании, но и в переходе к проактивному кадровому менеджменту, что особенно актуально для органов внутренних дел с хроническим кадровым дефицитом.

Текучесть кадров в органах внутренних дел носит многофакторный характер и может быть классифицирована по трём основным группам: индивидуальные (личностные), организационные и социально-экономические [18]. Индивидуальные факторы включают возраст, стаж службы, уровень образования, мотивацию и психологическую устойчивость. Молодые сотрудники (первые 1–3 года службы) демонстрируют наиболее высокую текучесть из-за трудовой дезадаптации и завышенных ожиданий относительно условий службы.

Организационные факторы являются доминирующими в правоохранительной среде:

– ненормированный рабочий день и сверхурочные нагрузки;

– неравномерное распределение служебной нагрузки;

– стиль руководства (авторитарный подход, «выдавливание» премий, неуважительное отношение со стороны руководства);

– отсутствие перспектив продвижения по карьерной лестнице и профессионального роста.

Вместе с тем основными причинами увольнения являются социально-экономические факторы:

– низкий уровень денежного довольствия, особенно в регионах, где начинающим сотрудникам назначается оклад чуть выше МРОТ;

– несоответствие уровня оплаты труда современным экономическим условиям и потребностям сотрудников;

– нерешённость жилищного вопроса;

– недостаточное медицинское и социальное обеспечение;

– удалённость места службы от дома.

Эмпирические исследования подтверждают, что в разных подразделениях органов внутренних дел факторы проявляются неодинаково: в патрульно-постовой службе и на «земле» (участковые) преобладают нагрузка и условия труда, в следственных и оперативных подразделениях – психологическое выгорание и отсутствие признания результатов труда.

Таким образом, факторы текучести в органах внутренних дел носят системный характер и требуют комплексного анализа, который традиционные методы не в состоянии обеспечить в полном объёме.

4. Использование искусственного интеллекта для прогнозирования текучести кадров в ОВД.

Для практической реализации потенциала ИИ в прогнозировании текучести кадров в органах внутренних дел необходимо перейти от общего анализа возможностей ИИ к конкретным методологическим решениям. Построение эффективных предиктивных моделей требует системного подхода, учитывающего специфику ведомственных данных, нормативные ограничения и требования к интерпретируемости результатов. С учетом этого в рамках статьи рассматривается методология построения предиктивных моделей. Построение предиктивных моделей для прогнозирования текучести кадров в органах внутренних дел это многоэтапный, достаточно сложный процесс, требующий строгого соблюдения методологических принципов машинного обучения. В основе подхода лежит переход от описательного анализа факторов увольнения к количественному моделированию вероятности события на индивидуальном уровне сотрудника.

По результатам проводимых исследований выделены наиболее эффективные алгоритмы, которые показывают наибольшую точность и полноту при прогнозировании потерь – это XGBoost, Random Forest и Gradient Boosting [19].

Источниками информации для предиктивной HR-аналитики могут служить данные

кадрового учета; результаты аттестаций и психологических обследований, проводимых анонимно опросов об удовлетворенности службой; данные о служебной нагрузке, поощрениях и взысканиях.

Примеры успешной адаптации моделей в правоохранительной сфере уже существуют в зарубежных исследованиях, где XGBoost показал наивысшую точность [20]. В российских условиях аналогичные модели могут быть интегрированы в пилотные проекты ГИАЦ МВД.

Разумеется, использование ИИ имеет свои этические, правовые и организационные ограничения, включающие:

– риск нарушения конфиденциальности персональных данных;

– возможную дискриминацию при использовании «чёрных ящиков»;

– необходимость объяснимости решений (XAI);

– отсутствие нормативной базы для массового внедрения ИИ в кадровые процессы органов внутренних дел.

Перспективы интеграции ИИ в систему кадрового планирования МВД заключаются в создании единой цифровой платформы предиктивной аналитики, которая позволит: выявлять «группы риска» на ранних этапах; разрабатывать индивидуальные программы удержания; оптимизировать распределение кадровых ресурсов по территориальным органам.

Заключение. Теоретический анализ, проведённый в настоящей статье, подтверждает, что проблема текучести кадров в органах внутренних дел приобретает стратегическое значение для устойчивого функционирования всей системы обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Переход к предиктивным моделям управления персоналом на основе использования искусственного интеллекта представляет собой качественно новый уровень планирования персонала, поскольку дает возможность принимать во внимание весь спектр взаимосвязей личностных, организационных и внешних факторов в реальном времени.

Систематизация подходов к определению текучести кадров и выявление её специфики в органах внутренних дел показала, что в условиях динамичной служебной среды существующие методы анализа потеряли свою эффективность. В то же время использование искусственного интеллекта позволяет создать прогностические модели, которые могут не только регистрировать риски, но и на ранних этапах возникновения проблемы разрабатывать персонализированные меры в целях удержания сотрудников.

Следует понимать, что внедрение технологий искусственного интеллекта приводит к необходимости разработки правовых механизмов защиты персональных данных, стандартов объяснимости алгоритмов (их транспарентности, интерпретируемости), а также этических норм их применения.

Таким образом, теоретическое обоснование применения искусственного интеллекта в прогнозировании текучести кадров закладывает основу для разработки современной кадровой политики органов внутренних дел, позволяющей создать условия для удержания и профессионального развития личного состава в условиях современных вызовов государственной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кондакова А.А. Текучесть кадров: подходы и классификация понятий // Концепт. 2017. № S1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchest-kadrov-podhody-i-klassifikatsiya-ponyatiy (дата обращения: 10.04.2026).
2. Грэхем, Х.Т. Управление человеческими ресурсами: учеб. пособие для студентов вузов / Х.Т. Грэхем, Р. Беннетт; пер. с англ. под ред. Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина. – Москва: ЮНИТИ, 2003. – 598 с.
3. Население и трудовые ресурсы: Справочник / [А.Г. Новицкий и др.]. – Москва: Мысль, 1990. –398 с.

4. Энциклопедический словарь работника кадровой службы / В.М. Анисимов, С.В. Дудников, В.Ф. Ковалевский и др.; Под общ. ред. В. М. Анисимова. – Москва: Инфра-М, 1999. – 327 с.
5. Кожухова, Н.В. Регулирование процесса текучести кадров на предприятии как инструмент управления персоналом / Н.В. Кожухова // Экономика труда. 2020. – Т. 7, № 7. – С. 631–642.
6. Управление персоналом: энциклопедия / [А.Я. Кибанов и др.]; под ред. А.Я. Кибанова. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 554 с.
7. Плебух Е.А. Показатель текучести кадров как индикатор контроля за состоянием некомплекта сотрудников в уголовно-исполнительной системе // Ведомости УИС. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokazatel-tekuchesti-kadrov-kak-indikator-kontrolya-za-sostoyaniem-nekomplekta-sotrudnikov-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme (дата обращения: 12.04.2026).
8. Филимонова, Ю.В. Показатель текучести кадров: методика расчета, факторы влияния и нормативное значение / Ю.В. Филимонова // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2023. – № 1. – С. 354–355.
9. Никифорова Л. Анализируйте текучесть персонала, и вы много узнаете о компании // Кадровое дело. 2006. – № 2. С. 48–59. URL: https://subscribe.ru/archive/economics.school.kdelo/200602/07153534.html?ysclid=mnw24gln6f206276783 (дата обращения: 12.04.2026).
10. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология / Линда Джуэлл; [Пер. с англ. Н.О. Малыгина, С.Е. Рысев]. – 4-е изд., междунар. – СПб. [и др.]: Питер, 2001. – 709 с.
11. Фатихова Н.В. Социологическая оценка текучести кадров ОВД и пути укрепления кадрового потенциала // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-otsenka-tekuchesti-kadrov-ovd-rt-i-puti-ukrepleniya-kadrovogo-potentsiala (дата обращения: 10.04.2026).
12. Шуклин М.С. Проблемы трудовой адаптации и текучесть молодых кадров органов внутренних дел в современной России : автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ур. акад. гос. службы. – Екатеринбург, 2006. – 22 с. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/000199_000009_003291169-.pdf (дата обращения: 16.02.2026).
13. Костина Е.В. Феномен престижа службы в органах внутренних дел как показатель оценки текучести кадров // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. – №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prestizha-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-kak-pokazatel-otsenki-tekuchesti-kadrov (дата обращения: 16.02.2026).
14. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // «МВД.РФ»: [сайт]. – 2026. URL: https://мвд.рф/news/item/80290750 (дата обращения: 15.03.2026).
15. Степанова К. Увольнения под контролем: как работает предиктивная аналитика в HR. URL: https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1998809-uvolneniya-pod-kontrolem-kak-rabotaet-prediktivnaya-analitika-v-hr (дата обращения: 20.03.2026).
16. Панфилова Я., Белякова Д. Искусственный интеллект в HR: применение, инструменты и внедрение в управлении персоналом. URL: https://simpleone.ru/blog/ai-in-hr (дата обращения: 20.03.2026).
17. Прозоровская К.А. HR-аналитика и анализ больших данных в системе управления персоналом: монография / К.А. Прозоровская. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 27.
18. Филимонова Ю. Показатель текучести кадров: методика расчета, факторы влияния и нормативное значение. URL: https://angtu.editorum.ru/ru/nauka/article/64274/view (дата обращения: 01.02.2026).
19. Как ИИ помогает предупреждать уход сотрудников. URL: https://companies.rbc.ru/news/QP04mGC4Iv/kak-ii-pomogaet-preduprezhdat-uhod-sotrudnikov/ (дата обращения: 18.03.2026).
20. Abdul Q., Mohammed A., HR analytics: a modern tool in HR for predictive decision making. J. Manag. 6, 51–63 (2019) Google Scholar.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Kondakova A.A. Staff Turnover: Approaches and Classification of Concepts // Koncept. 2017. No. S1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchest-kadrov-podhody-i-klassifikatsiya-ponyatiy (accessed: 10.04.2026).
2. Graham, H.T. Human Resource Management: A Textbook for University Students / H.T. Graham, R. Bennett; translated from English, edited by T. Yu. Bazarov and B.L. Eremin. – Moscow: UNITY, 2003. – 598 p.
3. Population and Labor Resources: A Handbook / [A. G. Novitsky et al.]. – Moscow: Mysl, 1990. – 398 p.
4. Encyclopedic Dictionary for HR Professionals / V.M. Anisimov, S.V. Dudnikov, V.F. Kovalevsky, et al.; edited by V.M. Anisimov. – Moscow: Infra-M, 1999. – 327 p.
5. Kozhukhova, N.V. Regulating the Staff Turnover Process in an Enterprise as a Personnel Management Tool / N. V. Kozhukhova // Labor Economics. 2020. – Vol. 7, No. 7. – P. 631–642.
6. Personnel Management: An Encyclopedia / [A.Ya. Kibanov et al.]; edited by A. Ya. Kibanov. – Moscow: INFRA-M, 2009. – 554 p.
7. Plebukh E. A. Staff Turnover Rate as an Indicator for Monitoring Personnel Shortages in the Penal System // Vedomosti UIS. 2025. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokazatel-tekuchesti-kadrov-kak-indikator-kontrolya-za-sostoyaniem-nekomplekta-sotrudnikov-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme (accessed: 12.04.2026).
8. Filimonova, Yu.V. Staff Turnover Rate: Calculation Methodology, Influencing Factors, and Normative Values / Yu. V. Filimonova // Modern Technologies and Scientific-Technical Progress. 2023. No. 1. P. 354–355.
9. Nikiforova L. Analyze Staff Turnover, and You Will Learn a Lot About the Company // Kadrovoye Delo. 2006. No. 2. P. 48–59. URL: https://subscribe.ru/archive/economics.school.kdelo/200602/07153534.html?ysclid=mnw24gln6f206276783 (accessed: 12.04.2026).
10. Jewell L. Industrial/Organizational Psychology / Linda Jewell; [Translated from English by N.O. Malygina, S.E. Rysev]. 4th international ed. St. Petersburg [et al.]: Piter, 2001. 709 p.
11. Fatikhova N.V. A Sociological Assessment of Staff Turnover in Internal Affairs Agencies and Ways to Strengthen Personnel Potential // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskaya-otsenka-tekuchesti-kadrov-ovd-rt-i-puti-ukrepleniya-kadrovogo-potentsiala (accessed: 10.04.2026).
12. Shuklin M.S. Problems of Professional Adaptation and Staff Turnover Among Young Personnel in Internal Affairs Agencies in Modern Russia: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Sociological Sciences (PhD equivalent): 22.00.04 / Ural Academy of Public Administration. – Yekaterinburg, 2006. – 22 p. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/000199_000009_003291169-.pdf (accessed: 16.02.2026).
13. Kostina E.V. The Phenomenon of the Prestige of Service in Internal Affairs Agencies as an Indicator for Assessing Staff Turnover // Psychology and Pedagogy of Professional Activity. 2022. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-prestizha-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-kak-pokazatel-otsenki-tekuchesti-kadrov (accessed: 16.02.2026).
14. Speech by Vladimir Kolokoltsev at an extended meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource] // «MVD.RF»: [website]. – 2026. URL: https://мвд.рф/news/item/80290750 (accessed: 15.03.2026).
15. Stepanova K. Resignations Under Control: How Predictive Analytics Works in HR. URL: https://www.e-xecutive.ru/career/hr-management/1998809-uvolneniya-pod-kontrolem-kak-rabotaet-prediktivnaya-analitika-v-hr (accessed: 20.03.2026).
16. Panfilova Ya., Belyakova D. Artificial Intelligence in HR: Applications, Tools, and Implementation in Personnel Management. URL: https://simpleone.ru/blog/ai-in-hr (accessed: 20.03.2026).
17. Prozorovskaya K.A. HR Analytics and Big Data Analysis in Personnel Management Systems: A Monograph / K.A. Prozorovskaya. – St. Petersburg: UNECON Publishing House, 2023. – P. 27.

18. Filimonova Yu. Staff Turnover Rate: Calculation Methodology, Influencing Factors, and Standard Values. URL: https://angtu.editorum.ru/ru/nauka/article/64274/view (accessed: 01.02.2026).
19. How AI Helps Prevent Employee Turnover. URL: https://companies.rbc.ru/news/QP04mGC4Iv/kak-ii-pomogaet-preduprezhdat-uhod-sotrudnikov/ (accessed: 18.03.2026).
20. Abdul Q., Mohammed A., HR analytics: a modern tool in HR for predictive decision making. J.Manag. 6, 51–63 (2019) Google Scholar.

Долгова Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: orhid1@yandex.ru

Irina Dolgova**,** candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Business Law, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: orhid1@yandex.ru

Жамборов Анзор Анатольевич**,** кандидат юридических наук, доцент кафедры огневой подготовки, Кавказский институт МВД России, г. Нальчик, Российская Федерация, e-mail: jamborow@mail.ru

Anzor Zhamborov, Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Fire Training, Caucasus Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russian Federation, e-mail: jamborow@mail.ru

УДК 657.6

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АУДИТА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мария Овсянникова,
Смоленский филиал РАНХиГС, г. Смоленск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и методические вопросы аудита устойчивого развития в условиях цифровой трансформации экономики. Актуальность обусловлена ростом требований стейкхолдеров к достоверности нефинансовой отчетности, переходом к зеленой экономике и бережливому производству, а также активным внедрением аналитики больших данных, искусственного интеллекта, блокчейна, интернета вещей и XBRL. На основе исследования методики ESG-аудита автором разработана концептуальная модель аудита устойчивого развития в цифровой среде, интегрирующая ESG-критерии, принципы бережливого производства и цифровые технологии. Установлены зависимости между уровнем цифровизации, качеством ESG-аудита и снижением риска манипуляций нефинансовыми данными. Результаты могут использоваться аудиторскими организациями, регуляторами и компаниями при построении систем нефинансовой отчетности и внутреннего контроля.

Ключевые слова: аудит устойчивого развития, ESG-аудит, цифровизация, зеленая экономика, бережливое производство, нефинансовая отчетность, цифровые технологии.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AUDIT IN A DIGITAL ENVIRONMENT: CHALLENGES AND PROSPECTS

Ovsianikova M.

Abstract. The article examines theoretical and methodological issues related to auditing sustainable development in the context of the digital transformation of the economy. The study is motivated by the growing demands of stakeholders for the reliability of non-financial reporting, the transition to a green economy and lean production, as well as the active implementation of big data analytics, artificial intelligence, blockchain, the Internet of Things, and XBRL. Based on a study of ESG audit methodology, the author has developed a conceptual model for auditing sustainable development in a digital environment, integrating ESG criteria, lean production principles, and digital technologies. Relationships have been identified between the level of digitalization, the quality of ESG auditing, and a reduced risk of manipulation of non-financial data. The results can be used by audit organizations, regulators, and companies when building systems of non-financial reporting and internal control.

Keywords: sustainable development audit, ESG audit, digitalization, green economy, lean manufacturing, non-financial reporting, digital technologies.

Введение. Современная экономика переживает глубокую трансформацию, обусловленную двумя взаимосвязанными процессами: внедрением принципов ESG и повсеместной цифровизацией всех сфер хозяйственной деятельности. Концепция устойчивого развития, закрепленная в документах ООН и национальных стратегиях, требует от бизнеса не только достижения финансовых результатов, но и минимизации экологического ущерба, обеспечения социальной справедливости и высокого качества корпоративного управления. В этих условиях возрастает роль нефинансовой отчетности, отражающей показатели в области экологии, социальной ответственности и корпоративного управления (ESG-показатели). Достоверность ESG-информации в последнее время все чаще попадает в фокус интересов инвесторов, регуляторов, потребителей и общественности. В связи с чем аудит устойчивого развития (ESG-аудит) превращается из опционального элемента в обязатель-

ную составляющую рыночной инфраструктуры.

Современные аудиторские технологии выстраиваются на методике традиционного «финансового аудита» [13], тогда как комплексные подходы к интеграции ESG-методов, цифровых технологий и принципов бережливого производства остаются недостаточно разработанными [29], что порождает разрыв между потребностями практики и уровнем теоретического осмысления.

Теоретические основы устойчивого развития и приоритетов «зеленой» экономики в контексте общей проблематики экологической и социальной ответственности бизнеса раскрыты в работах Р. Экклза, М. Крзуса, К. Адамс, которые предложили в своих исследованиях концепции раскрытия интегрированной отчетности и ESG-данных [15, 20].

Значительный вклад в развитие нефинансовой отчетности и ее верификации внесли Р. Симнетт, Э. Ванстраелен и В. Чуа, обосновавшие необходимость независимой проверки нефинансовых данных и выявившие риски, связанные с недостоверным раскрытием экологической информации [26]. В работах М. Васархели цифровые технологии: блокчейн, роботизация, искусственный интеллект – рассматриваются как инструменты трансформации аудита на основе аналитики больших данных [28].

Среди российских исследователей значительный вклад в теорию и методологию аудита нефинансовой информации внесли Р.П. Булыга и И.В. Сафонова, предложившие концепцию ESG-аудита для организаций государственного и корпоративного секторов [3]. Методологические аспекты аудита устойчивого развития рассматриваются в исследованиях А.А. Коршуновой и Ж.А. Кеворковой, которые обосновывают переход от выборочных проверок к сплошному интеллектуальному аудиту на основе нейросетей и облачных технологий [7]. Также вопросы аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии исследованы в работах И.Н. Богатой, Е.М. Евстафьевой, Н.А. Казаковой, М.П. Бобковой и др. [2, 7]. Особо следует отметить исследования Ш.Ю. Умавова, разработавшего дескриптивную структурно-логическую модель задания, обеспечивающего уверенность в нефинансовой информации [13].

Вместе с тем анализ мировой и российской литературы показывает, что существующие работы носят разрозненный характер: они либо концентрируются на ESG-отчетности без учета цифровых инструментов, либо рассматривают цифровизацию аудита в отрыве от целей устойчивого развития. Комплексная модель подтверждения достоверности нефинансовой отчетности, интегрирующая ESG-критерии, принципы бережливого производства и цифровые технологии, в научной литературе не представлена. Это свидетельствует о наличии исследовательского пробела и необходимости его заполнения.

Цель исследования – разработка теоретико-методических положений и практических рекомендаций по цифровизации аудита устойчивого развития.

Методы исследования составили общенаучные и специальные методы познания, выбор которых обусловлен сложностью и междисциплинарным характером объекта – цифрового ESG-аудита. Для обеспечения достоверности полученных выводов автор применял сочетание теоретического анализа, эмпирических исследований и экспертных оценок.

Результаты. В научной литературе и профессиональной практике сформировался ряд близких, но не тождественных понятий, описывающих верификацию нефинансовой информации. Разграничение этих категорий имеет принципиальное значение для развития методологии аудита устойчивого развития.

Нефинансовый аудит – наиболее широкое понятие, охватывающее проверку любой нефинансовой информации, раскрываемой организацией: экологической, социальной, управленческой, кадровой и иной. Как отмечает Ш.Ю. Умавов, «аудит нефинансовой информации является новым направлением аудиторской деятельности, развитие которого определяется основными тенденциями внешнего и внутреннего аудита» [13]. При этом, по мнению автора, нефинансовая информация об устойчивом развитии представляет собой совокупность сведений и показателей, отражающих цели общества, его стратегию, подходы

к управлению, систему управления рисками, взаимодействие с заинтересованными лицами во взаимосвязи с планируемым вкладом деятельности в достижение целей ESG.

Аудит устойчивого развития представляет собой более узкую категорию, акцентирующую внимание на проверке информации, связанной с корпоративными целями устойчивого развития. Р.П. Булыга и И.В. Сафонова развивают «концепцию аудита бизнеса в условиях устойчивого развития и ESG-трансформации, определяя объектом исследования практику верификации публичной нефинансовой отчетности ведущих компаний, обосновывают необходимость нормативно-правового закрепления требования по обязательному аудиту ESG-информации в корпоративной отчетности, предлагая одновременно проводить работу в двух направлениях:

– внедрить в систему аудиторских стандартов обязательную норму, касающуюся выражения разумной уверенности при подтверждении достоверности всех видов нефинансовой отчетности;

– закрепить в аудиторских стандартах требования к подтверждению данных корпоративной отчетности в целом» [3].

Понятийный аппарат автор настоящего исследования предлагает классифицировать по следующей схеме: выделить в качестве родового понятия нефинансовый аудит, аудит устойчивого развития рассматривать как видовое понятие, ESG-аудит – как подвидовое понятие, характеризующее разновидность аудита устойчивого развития, целью которого является систематическая оценка достоверности, полноты и согласованности информации об экологических, социальных и управленческих аспектах деятельности организации. В условиях цифровизации все три категории приобретают новые характеристики, связанные с использованием технологий непрерывного аудита, аналитики больших данных и автоматизированной верификации.

На основе анализа научной литературы автором выявлены и систематизированы в пять групп вызовы: методологические, информационные, технологические, кадровые, институциональные, с которыми сталкиваются аудиторские организации, регуляторы и компании при переходе к ESG-аудиту (Рисунок 1).

Рисунок 1. Дерево проблем при переходе к цифровому ESG-аудиту

Составлено автором по источникам [1–13]

Анализ научной литературы, экспертных интервью и практик внедрения цифровых решений [1–14] позволяет выделить инновационные инструменты, обладающие наибольшим потенциалом для трансформации ESG-аудита (таблица 1).

На основе синтеза указанных инструментов автор предлагает внедрить в практику аудиторских организаций, регуляторов и других заинтересованных экономических субъектов шестиэтапный алгоритм аудита устойчивого развития, адаптированный к условиям цифровой среды, который интегрирует рассмотренный программный функционал в единую методологическую последовательность, обеспечивая синергию технологических решений и профессионального суждения аудитора. Его реализация позволяет повысить достоверность ESG-отчетности, снизить риски манипулирования данными и обеспечить прослеживаемость нефинансовой информации на всех этапах ее жизненного цикла.

Таблица 1. Алгоритм проведения ESG-аудита с применением цифровых технологий

Этап	Содержание работ	Цифровые инструменты
1. Планирование и оценка рисков	определение объема аудита, выбор стандартов, оценка существенности ESG-тем с учетом отраслевой специфики	Автоматизированный анализ отраслевых рисков и бенчмаркинг на основе баз данных ESG-рейтингов
2. Автоматизированный сбор данных	интеграция с корпоративными информационными системами и внешними источниками данных, сбор экологических показателей, мониторинг контрверсий, извлечение данных из отчетов	ERP и ESG-модули; IoT-сенсоры; спутниковые системы; веб-скраперы; AI-агенты с NLP
3. Верификация и обеспечение целостности данных	блокчейн-валидация, обеспечение неизменяемости данных, криптографическая подпись записей, создание аудиторского следа, сопоставление с независимыми источниками	Блокчейн; криптографические подписи; спутниковые данные; государственная статистика; отраслевые базы (модель Obeidat и Alharbi)
4. Аналитические процедуры и выявление аномалий	Анализ всей совокупности данных, выявление аномалий и признаков манипулирования, классификация отклонений по уровню существенности, присвоение оценок целостности	AI-алгоритмы; модели машинного обучения; GreenGuard-AI (рейтинг от A до F)
5. Оценка аудиторских доказательств и формирование заключения	Оценка достаточности и надежности доказательств с учетом уровня уверенности, формирование рабочих документов и итогового заключения, применение профессионального суждения	Цифровые платформы автоматизации документации и заключения; предиктивные и адаптивные технологии
6. Непрерывный мониторинг и сопровождение	Переход в режим непрерывного мониторинга ESG-показателей, автоматическое оповещение о существенных отклонениях, обеспечение непрерывной уверенности	Системы непрерывного мониторинга и аудита; автоматические уведомления и сигналы

Составлено автором по источникам [1–13]

Предложенный алгоритм цифрового ESG-аудита, по мнению автора, позволяет рассматривать проверку нефинансовой информации не только как процедуру подтверждения достоверности отчетных показателей, но и как инструмент оценки устойчивости бизнес-про-

цессов организации. В частности, результаты аудита могут быть использованы для выявления взаимосвязи между экономической эффективностью производства, рациональностью использования ресурсов и экологическими последствиями хозяйственной деятельности. Такой подход формирует методологическую основу для интеграции ESG-аудита с принципами бережливого производства и концепцией зеленой экономики.

Цель традиционного бережливого производства – устранить семь видов классических потерь: перепроизводства, ожидания, излишней транспортировки, избыточной обработки, ненормированных запасов, чрезмерных перемещений и дефектов. «Зеленая» экономика преследует своей целью, в том числе, сократить ресурсные потери, связанные с утратой «полезных» потребительских свойств материалов, снижением качества вторичного сырья и уменьшением возможности его использования и переработки. Агрегация на этой основе принципов бережливого производства, «зеленой» экономики и ESG-аудита представляет собой одно из перспективных направлений, которое обеспечивает консолидацию экономической эффективности и экологической результативности. В контексте аудита устойчивого развития это означает, что аудиторские процедуры должны охватывать не только традиционную интерпретацию финансовых и ESG-показателей, но и способствовать оценке эффективности потоков создания ценности с точки зрения минимизации всех видов потерь, включая экологические.

Методологическую основу интеграции составляет расширение инструментария картирования потока создания ценности (VSM, Value Stream Mapping). Классический VSM выявляет и визуализирует операции, не создающие ценности, но слабо учитывает экологические аспекты. «Зеленый VSM» дополняет традиционный инструмент показателями углеродного следа и энергопотребления, что позволяет аудитору одновременно оценивать операционную эффективность и экологическое воздействие бизнес-процессов. Обзор исследований Д. Виласа (2026), Дж. Ли (2021), А. Муньос-Вильямисара (2019) и др. подтверждает ограниченность существующих подходов к картированию потока создания ценности в экономике устойчивого развития, как правило, они недостаточно валидны и применяются в отрыве от инструментов оценки жизненного цикла. Преодолеть этот разрыв возможно путем объединения операционных индикаторов бережливого производства с индикаторами экологического воздействия на основе оценки жизненного цикла [21, 23, 29].

Практическая реализация предложенной интеграции бережливого производства, зеленой экономики и цифрового ESG-аудита проявляется в комплексной оценке экономических, экологических и репутационных последствий неэффективных процессов. Для этих целей автором предлагается аналитический инструментарий – оценка потерь в рамках цифрового ESG-аудита, объединяющая выявление операционных потерь с анализом ресурсных и экологических последствий хозяйственной деятельности. Применение процессного подхода и принципов устойчивого развития позволит выявлять проблемные участки и ранжировать бизнес-процессы по приоритетности совершенствования с учетом экологических и репутационных факторов. Такая методика соответствует требованиям ESG-трансформации бизнеса.

Между практиками бережливого производства и методикой аудиторской деятельности формируется взаимодополняющая система, которая способствует развитию внутренней ответственности и устойчивости организации. Расширение области применения практик бережливого производства, в свою очередь, способствует выявлению операционных потерь и совершенствованию бизнес-процессов, а аудит обеспечивает независимую оценку достоверности информации и результативности управленческих решений. В рамках настоящего исследования предполагается, что интеграция данных подходов может повысить обоснованность выявления экономических и экологических рисков, улучшить прослеживаемость корректирующих мероприятий и усилить готовность организации к реагированию на неблагоприятные события. Такое взаимодействие создает условия для согласования

операционных и контрольных процедур и повышения устойчивости аудируемых лиц к рискам [13, 19, 25, 26].

Исследование Р. Сигела, Э. Джиджу, Г. Кананы и соавторов (2022) формирует методологическую основу для системного внедрения экологически ответственного и бережливого производства на малых и средних предприятиях и обеспечении их устойчивого развития. Авторы выделяют ряд факторов, определяющих эффективность соответствующих преобразований: приверженность руководства ценностям ESG-трансформации, согласование стратегических и операционных целей, проведение регулярных внутренних проверок и аудитов, ориентация на экологическую ответственность, ресурсосбережение и долгосрочное устойчивое развитие. Интеграция бережливого производства с аудитом устойчивого развития предполагает организационные изменения и соответствующую управленческую поддержку, поскольку затрагивает организационно-управленческую систему корпорации в целом [25].

Применение принципов бережливого производства развивает функции цифрового ESG-аудита, связывая процедуры проверки с задачами непрерывного совершенствования. Аудитор осуществляет верификацию ESG-данных, одновременно выявляя направления снижения потерь и повышения эффективности использования ресурсов. В связи с чем представляется целесообразным разработать концептуальную схему цифрового аудита устойчивого развития, отражающую взаимосвязь описанных подходов, последовательность движения информации и механизм обратной связи между аудиторскими выводами и совершенствованием бизнес-процессов (Рисунок 2).

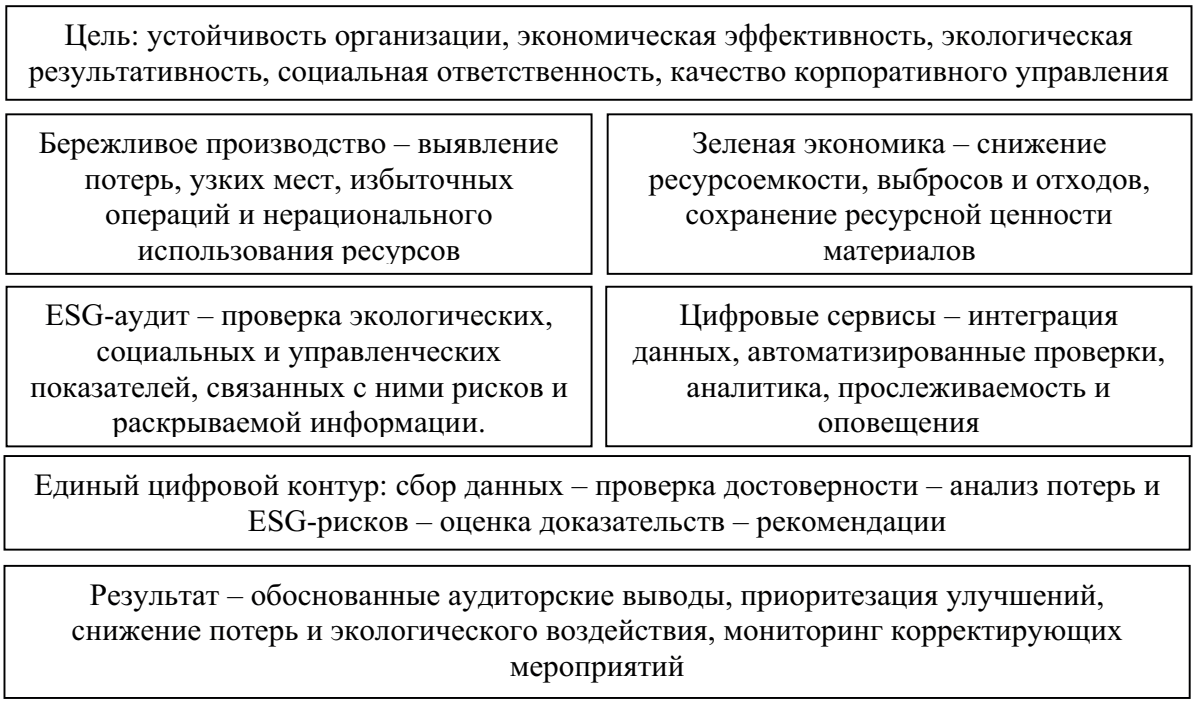

Рисунок 2. Концептуальная модель цифрового аудита устойчивого развития

Составлено автором.

Результаты эмпирического исследования И. Парматасари и Н. Сасонгко свидетельствуют о статистически значимом положительном влиянии аналитики больших данных на качество ESG-отчетности. Влияние ИИ на качество цифрового ESG-аудита при этом статистически не подтверждается. В качестве возможных объяснений следует выделить недостаточную технологическую готовность корпоративных структур и ограниченный опыт применения ИИ-решений в сфере устойчивого развития [24]. В связи с этим цифровая трансформация ESG-аудита предполагает первоочередное использование технологически сформиро-

вавшихся инструментов обработки и анализа отчетных данных. Применение экспериментальных ИИ-решений требует соответствующей инфраструктуры, качества данных и накопленной практики их использования.

Апробация интеллектуальных систем поддержки цифрового ESG-аудита свидетельствует о возможности существенного сокращения временных затрат за счет автоматизации рутинных операций, структурирования процедур оценки и снижения влияния субъективных факторов. Согласно аналитическому обзору специалистов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущие аудиторские корпорации – «Деловые решения и технологии», «Технологии доверия», «Б1», «Кэпт» – фиксируют сокращение временных затрат на 30 – 80% при внедрении ИИ-инструментов. Платформа GL.ai компании «Технологии доверия» способна обрабатывать до миллиона записей за сессию, обеспечивая переход от выборочной проверки к анализу совокупного массива данных [6].

Исследование НИУ ВШЭ «Искусственный интеллект ESG» содержит количественные оценки эффективности цифровизации: автоматизация сбора данных и подготовки ESG-отчетности позволяет сократить затраты времени на 60 – 80%, а формирование отчетов в соответствии со стандартами GRI, CSRD и TCFD может занимать 2–3 часа вместо 2–3 недель [1]. По данным Росконгресса, автоматизация аудиторских процессов сокращает объем ручных операций, ускоряет проведение проверок и снижает вероятность ошибок при обработке документации. В практике ПАО «Сбербанк» реализован цифровой помощник аудитора на базе GigaChat, предназначенный для выполнения подготовительных процедур [4].

Цифровые технологии расширяют возможности выявления признаков декларативного характера экологических заявлений [17, 18]. Интеграция искусственного интеллекта, блокчейн-технологий и IoT в системы корпоративного управления создает условия для развития механизмов контроля, обеспечивающих прослеживаемость данных и повышение объяснимости принимаемых решений, что позволяет снижать риски имитации экологической ответственности посредством цифровых инструментов [14, 26].

Модели машинного обучения, основанные на данных IoT-сенсоров, спутниковых наблюдений и корпоративной отчетности, позволяют выявлять аномалии и несоответствия, которые могут остаться незамеченными при использовании традиционных методов выборочного аудита [16]. Гибридные архитектуры интеллектуальных систем устойчивой коммерции, объединяющие адаптивные инструменты экологического анализа и автоматизированные аудиторские процессы, позволяют повысить точность идентификации устойчивых и неустойчивых видов деятельности. Их применение расширяет возможности контроля и повышает прозрачность хозяйственных операций [1, 3, 7].

Одновременно сохраняются технологические ограничения. Ложные отрицания могут возникать вследствие шумов и неполноты данных, поступающих от IoT-сенсоров, могут снижать надежность автоматизированного выявления отклонений. Дополнительным фактором риска выступает дисбаланс обучающих выборок, при котором редкие сценарии нарушений представлены недостаточно полно, что повышает вероятность ложноотрицательных результатов из-за пропуска фактически существующих нарушений алгоритмом [27]. Аналогичные ограничения отмечаются в исследованиях гибридных интеллектуальных систем цифрового аудита устойчивого развития, где среди причин пропуска ESG-нарушений авторы рассматривают неполноту сенсорных данных и недостаточный объем редких сценариев в обучающей выборке [22]. Это указывает на необходимость улучшения предобработки и валидации данных, настройки порогов принятия решений и расширения обучающих выборок.

Исследования российских компаний подтверждают существенный экономический эффект от внедрения цифровых решений в практику ESG-отчетности. По данным специалистов Совкомбанка, применение ИИ-агентов для ESG-оценки корпоративных клиентов снижает трудозатраты приблизительно на 95% при сохранении качества аналитической рабо-

ты на уровне экспертной оценки [11]. Мультиагентная система ПАО Сбербанк выполняет работу аналитика, на которую ранее затрачивалось 4 – 6 часов, за минуты с качеством 89% [12]. По оценке аудиторско-консалтинговой компании «Кэпт», крупные российские компании тратят на сбор ESG-данных несколько тысяч человеко-часов в год, что стимулирует спрос на автоматизацию [8]. Экономия достигается как за счет сокращения трудозатрат на сбор и обработку ESG-данных, так и за счет снижения регуляторных и репутационных рисков: как отмечают исследователи НИУ ВШЭ, оценка ROI ESG-трансформации включает снижение операционных затрат, доступ к более дешевому финансированию и снижение регуляторных рисков [5]. Интеграция принципов бережливого производства усиливает этот эффект: как свидетельствует исследование ECSN, объединение моделей бережливого производства и концепции ESG-управления обеспечивает снижение затрат, в т. ч. трудозатрат и непроизводственных потерь [10].

Практическая значимость модели проявляется на нескольких уровнях: для инвесторов – обеспечивает повышение достоверности и сопоставимости ESG-данных, что снижает информационную асимметрию и позволяет более точно оценивать устойчивость компаний; для регуляторов – создает основу для формирования стандартизированных требований к цифровому аудиту устойчивого развития; для компаний – обеспечивает переход от периодического аудита к непрерывному подтверждению достоверности, что позволяет своевременно выявлять и устранять ESG-риски; для аудиторских организаций – открывает новые сегменты рынка и требует развития цифровых компетенций и «зеленых навыков».

Заключение. В настоящем исследовании автором, во-первых, предложена концептуальная модель цифрового аудита устойчивого развития, которая, в отличие от существующих подходов интегрирует ESG-критерии, принципы бережливого производства и цифровые технологии (AI, Big Data, blockchain, IoT, XBRL). Во-вторых, уточнен терминологический аппарат, в частности разграничены понятия «ESG-аудит», «аудит устойчивого развития» и «нефинансовый аудит». В-третьих, выявлены специфические риски и ограничения цифровизации ESG-аудита, в том числе риски кибербезопасности, снижения качества финансовой и нефинансовой информации и этические аспекты применения искусственного интеллекта. Это позволяет определить методическую основу для практической деятельности аудиторских организаций, регуляторов и компаний, цель которых – повышение достоверности нефинансовой информации и разработка рекомендаций для эффективного управления устойчивым развитием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришунин, С.В. Искусственный интеллект для ESG: 8 главных вопросов, применение, инструменты и кейсы / С.В. Гришунин. – Текст: электронный // Школа финансов НИУ ВШЭ: [сайт]. 2026. – URL: https://finance.hse.ru (дата обращения: 18.09.2026).
2. Богатая, И.Н. Роль аудита и консалтинга в обеспечении устойчивого развития экономики России / И.Н. Богатая, Е.М. Евстафьева // Учет и статистика. 2023. – Т. 20, № 3. – С. 76–84.
3. Булыга Р.П., Сафонова И.В. Аудит бизнеса в формате ESG: развитие методологии верификации корпоративной отчетности // Учет. Анализ. Аудит = Accounting. Analysis. Auditing. 2022. – Т. 9, № 5. – С. 6–21.
4. Дмитришина, Е. Аудитор будущего – человек или искусственный интеллект? Взгляд на цифровизацию государственного аудита / Е. Дмитришина. – Текст: электронный // Фонд Росконгресс: [сайт]. 2025. – URL: https://roscongress.ru (дата обращения: 14.06.2026).
5. ESG-трансформация бизнеса и устойчивое развитие. – Текст: электронный // Школа финансов НИУ ВШЭ: [сайт]. 2026. – URL: https://finance.hse.ru (дата обращения: 11.09.2026).
6. Искусственный интеллект в аудите: как меняется профессия и что мешает трансформа-

ции. – Текст: электронный // Финансовый университет при Правительстве РФ [сайт]. 2025. – URL: https://www.fa.ru (дата обращения: 28.08.2026).
7. Казакова Н.А., Бобкова М.П., Прилепская А.А., Тхи Лок Д. Публичная нефинансовая отчетность в области устойчивого развития как источник информации и объект аудиторских услуг в условиях цифровой экономики // Аудитор. 2019. № 12. С. 22–28
8. Kept проводит исследование практик автоматизации ESG-задач. – Текст: электронный // Kept: [сайт] 2025. – URL: https://kept.ru (дата обращения: 15.09.2026).
9. Коршунова А.А., Кеворкова Ж.А. Смещение фокуса с западной модели аудита на отечественные потребности // Современная экономика: проблемы и решения. 2025. № 11. – С. 75–83.
10. Механизм устойчивого развития субъектов электроэнергетического комплекса РФ на основании применения интегрированной модели бережливого производства и концепции ESG-управления. – Текст: электронный // ECSN [сайт]. 2023. – URL: https://ecsn.ru (дата обращения: 09.06.2026).
11. От ручной экспертизы к применению искусственного интеллекта. – Текст: электронный // Ведомости. Устойчивое развитие [сайт]. 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru (дата обращения: 12.09.2026).
12. От сбора к анализу: как автоматизация меняет ESG-отчетность. – Текст: электронный // Банковское обозрение [сайт]. 2025. – URL: https://bosfera.ru (дата обращения: 25.06.2026).
13. Умавов, Ш. Ю. Основные тенденции и особенности аудита нефинансовой информации об устойчивом развитии как одного из перспективных видов управленческого аудита / Ш.Ю. Умавов. – Текст: непосредственный // Экономика и управление. 2024. – Т. 30, № 10. – С. 1274–1289.
14. Цифровые технологии в «зеленых» финансах. – Текст: электронный // ECSN [сайт]. 2026. – URL: https://ecsn.ru (дата обращения: 10.09.2026).
15. Adams, C. The Sustainable Development Goals, integrated thinking and the integrated report. – Текст: электронный. 2017 – URL: https://www.academia.edu (дата обращения: 03.09.2026).
16. Algorithmic Greenwashing? Why AI-Backed Sustainability Claims Need Regulation. – Текст: электронный // CLG Global [сайт]. 2025. – URL: https://clgglobal.com (дата обращения: 13.07.2026).
17. Augmented Finance for Climate Action: A Systematic Review of AI, IoT, and Blockchain Applications in Sustainable Finance. – Текст: электронный // Finances [сайт]. 2024. – URL: https://www.mdpi.com (дата обращения: 25.08.2026).
18. Beyond Green Labels: Leveraging Blockchain, IoT, and AI for Enhanced Traceability and Verification of Green Marketing Claims in Transnational Agri-Food Supply Chains. – Текст: электронный // Sustainability [сайт]. 2026. – URL: https://www.mdpi.com (дата обращения: 18.09.2026).
19. Caldera H.T.S., Desha C., Dawes L. Exploring the role of lean thinking in sustainable business practice: A systematic literature review // Journal of Cleaner Production. 2017. – Vol. 167. – P. 1546–1565.
20. Eccles R.G., Krzus M.P., Tapscott D. One Report: Integrated Reporting for a Sustainable Strategy. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2010. – 240 p.
21. Lee J.K.Y. et al. Sustainability-Oriented Application of Value Stream Mapping: A Review and Classification // IEEE Access 2021 – URL: https://www.researchgate.net (дата обращения: 18.09.2026)
22. Masmali F.H. et al. AIoT-infused sustainable commerce architecture integrating adaptive green intelligence and autonomous audit pipelines for sustainable operations // Scientific Reports. 2026. Vol. 16 (1). Article 24045
23. Muñoz-Villamizar A. et al. Green value stream mapping approach to improving productivity and

environmental performance // International Journal of Productivity and Performance Management. 2019, 68(3) – P. 608–625.
24. Permatasari I., Sasongko N. The Effect of Artificial Intelligence Integration and Big Data Analytics on Sustainability Reporting Audit Quality with ESG Disclosure and Operational Complexity as Moderating Variables // International Journal of Economics Development Research. 2026, 7(2) – P. 107–127.
25. Siegel R.A framework for the systematic implementation of Green-Lean and sustainability in SMEs / R. Siegel, J. Antony, K. Govindan [et al.] // Production Planning & Control. 2024. – Vol. 35, № 1. – P. 71–89.
26. Simnett R., Vanstraelen A., Chua W.F. Assurance on Sustainability Reports: An International Comparison // Accounting Review. 2009 – P. 937–967
27. Teh H.Y., Kempa-Liehr A. W., Wang K. I.-K. Sensor data quality: a systematic review // Journal of Big Data. 2020. Vol. 7. Article 11.
28. Vasarhelyi, M.A., Kogan, A., & Tuttle, B.M. // Big Data in Accounting: An Overview. // Accounting Horizons. 2015 – 29 (2) – P. 381–396.
29. Vilaça D., de Sá J. C., Antony J., Sony M., McDermott O. Lean, Green, and Sustainability 4.0-A Systematic Literature Review – Текст: электронный// Business Strategy and the Environment. 2026. Vol. 35, No. 1. P. 1219–1238 – URL: https://www.researchgate.net (дата обращения: 03.09.2026).

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Grishunin, S.V. Artificial intelligence for ESG: 8 key questions, applications, tools and cases / S.V. Grishunin. – Text: electronic // HSE University Faculty of Finance: [website]. 2026. – URL: https://finance.hse.ru (date of access: 18.09.2026).
2. Bogataya, I.N., Evstaf'eva, E. M. The Role of Audit and Consulting in Ensuring the Sustainable Development of the Russian Economy // Accounting and Statistics. 2023. – Vol. 20, no. 3. – P. 76–87.
3. Bulyga R.P., Safonova I.V. Business audit in ESG format: development of methodology for verification of corporate reporting // Accounting. Analysis. Auditing. 2022. – Vol. 9, no. 5. – P. 6–21.
4. Dmitrishina, E. The auditor of the future – human or artificial intelligence? A perspective on the digitalization of state audit / E. Dmitrishina. – Text: electronic // Roscongress Foundation: [website]. 2025. – URL: https://roscongress.ru (date of access: 14.06.2026).
5. ESG transformation of business and sustainable development. – Text: electronic // HSE University Faculty of Finance: [website]. 2026. – URL: https://finance.hse.ru (date of access: 11.09.2026).
6. Artificial intelligence in audit: how the profession is changing and what hinders transformation. – Text: electronic // Financial University under the Government of the Russian Federation: [website]. 2025. – URL: https://www.fa.ru (date of access: 28.08.2026).
7. Kazakova, N.A., Bobkova, M.P., Prilepskaya, A.A., Thi Lok D. Public Non-Financial Reporting in the Field of Sustainable Development as a Source of Information and an Object of Audit Services in the Digital Economy // Auditor. 2019. – no. 12. – P. 22–28.
8. Kept conducts a study on the practices of ESG task automation. – Text: electronic // Kept: [website]. 2025. – URL: https://kept.ru (date of access: 15.09.2026).
9. Korshunova, A.A., Kevorkova, Zh.A. Shifting the Focus from the Western Audit Model to Domestic Needs // Sovremennaya Ekonomika: Problemy i Resheniya. 2025. – No. 11. – P. 75–83.
10. Mechanism of sustainable development of the electric power complex entities of the Russian Federation based on the application of an integrated model of lean production and the ESG management concept. – Text: electronic // ECSN: [website]. 2023. – URL: https://ecsn.ru (date of access: 09.06.2026).

11. From manual expertise to the application of artificial intelligence. – Text: electronic // Vedomosti. Sustainable Development: [website]. 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru (date of access: 12.09.2026).
12. From collection to analysis: how automation is changing ESG reporting. – Text: electronic // Banking Review: [website]. 2025. – URL: https://bosfera.ru (date of access: 25.06.2026).
13. Umavov, Sh. Yu. Main trends and features of auditing non-financial information on sustainable development as one of the prospective types of management audit / Sh. Yu. Umavov. – Text: direct // Economics and Management. 2024. – Vol. 30, No. 10. – P. 1274–1289.
14. Digital technologies in «green» finance – Text: electronic // ECSN: [website]. 2026. – URL: https://ecsn.ru (date of access: 10.09.2026).
15. Adams, C. The Sustainable Development Goals, integrated thinking and the integrated report. – Text: electronic. 2017 – URL: https://www.academia.edu (date of access: 03.09.2026).
16. Algorithmic Greenwashing? Why AI-Backed Sustainability Claims Need Regulation. – Text: electronic // [Online]. Website Name. CLG Global. 2025. – URL: https://clgglobal.com (date of access: 13.07.2026).
17. Augmented Finance for Climate Action: A Systematic Review of AI, IoT, and Blockchain Applications in Sustainable Finance – Text: electronic // Finances: [сайт]. 2024. – URL: https://www.mdpi.com (date of access: 25.08.2026).
18. Beyond Green Labels: Leveraging Blockchain, IoT, and AI for Enhanced Traceability and Verification of Green Marketing Claims in Transnational Agri-Food Supply Chains – Text: electronic // [Online]. Website Name. Sustainability. 2026. – URL: https://www.mdpi.com (date of access: 18.09.2026).
19. Caldera H.T.S., Desha C., Dawes L. Exploring the role of lean thinking in sustainable business practice: A systematic literature review // Journal of Cleaner Production. 2017. – Vol. 167. – P. 1546–1565.
20. Eccles R.G., Krzus M.P., Tapscott D. One Report: Integrated Reporting for a Sustainable Strategy. – Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2010. – 240 P.
21. Lee J.K.Y. et al. Sustainability-Oriented Application of Value Stream Mapping: A Review and Classification – Text: electronic // IEEE Access. 2021 – URL: https://www.researchgate.net (date of access: 18.09.2026)
22. Masmali F.H. et al. AIoT-infused sustainable commerce architecture integrating adaptive green intelligence and autonomous audit pipelines for sustainable operations // Scientific Reports. 2026. Vol. 16 (1). Article 24045
23. Muñoz-Villamizar A. et al. Green value stream mapping approach to improving productivity and environmental performance // International Journal of Productivity and Performance Management. 2019, 68(3) – P. 608–625.
24. Permatasari I., Sasongko N. The Effect of Artificial Intelligence Integration and Big Data Analytics on Sustainability Reporting Audit Quality with ESG Disclosure and Operational Complexity as Moderating Variables // International Journal of Economics Development Research. 2026, 7(2) – P. 107–127.
25. Siegel R.A framework for the systematic implementation of Green-Lean and sustainability in SMEs / R. Siegel, J. Antony, K. Govindan [et al.] // Production Planning & Control. 2024. – Vol. 35, № 1. – P. 71–89.
26. Simnett R., Vanstraelen A., Chua W.F. Assurance on Sustainability Reports: An International Comparison // Accounting Review. 2009 – P. 937–967.
27. Teh H.Y., Kempa-Liehr A.W., Wang K.I.-K. Sensor data quality: a systematic review // Journal of Big Data. 2020. Vol. 7. Article 11.
28. Vasarhelyi, M.A., Kogan, A., & Tuttle, B.M. // Big Data in Accounting: An Overview. // Accounting Horizons, – 2015 – 29 (2) – P. 381–396.

29. Vilaça D., de Sá J. C., Antony J., Sony M., McDermott O. Lean, Green, and Sustainability 4.0-A Systematic Literature Review – Text: electronic // Business Strategy and the Environment. 2026. Vol. 35, No. 1. P. 1219–1238 – URL: https://www.researchgate.net (date of access: 03.09.2026).

Овсянникова Мария Александровна, старший преподаватель кафедры экономики и управления, Смоленский филиал РАНХиГС, г. Смоленск, Российская Федерация, e-mail: ovsyannikova-ma@ranepa.ru

Ovsianikova Maria, Senior Lecturer at the Department of Economics and Management, Smolensk Branch of RANEPA, Smolensk, Russian Federation, e-mail: ovsyannikova-ma@ranepa.ru

ИСТОРИЯ, ПРАВО, ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 34

ИНСТИТУТ БРАКА КАК ОСНОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВЛИЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА СОЗДАНИЕ И СОХРАНЕНИЕ СЕМЬИ

Маргарита Арутюнова,
Северо-Кавказский институт − филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация;
Дарья Стрельцова,
Государственное казённое учреждение службы занятости населения Ставропольского края «Краевой кадровый центр», Территориальный центр занятости населения первого уровня городов-курортов Пятигорска и Железноводска и города Лермонтова, Российская Федерация.

Аннотация. В статье брак рассматривается сквозь призму демографического развития, анализируется, как в России меняются показатели заключения и расторжения браков, а также какие правовые, психологические и социальные факторы могут влиять на решение молодых людей жениться и сохранять семью. Отдельное внимание уделяется различию между официальным браком и фактическим совместным проживанием. В статье также объясняется, почему часть молодежи относится к официальному браку настороженно. Кроме того, меняются представления о гендерных ролях и о том, что люди считают для себя действительно важным.

Ключевые слова: брак, семья, семейное право, демографическое развитие, расторжение брака, фактическое сожительство, психологическая готовность к браку, семейные роли, правовое просвещение, молодежь, защита прав детей.

THE INSTITUTION OF MARRIAGE AS A FOUNDATION FOR DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT: THE INFLUENCE OF LEGAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS ON THE FORMATION AND PRESERVATION OF THE FAMILY

Arutyunova M., Streltsova D.

Abstract. This article examines marriage through the lens of demographic trends, analyzing changes in marriage and divorce rates in Russia, as well as the legal, psychological, and social factors influencing young people’s decisions to marry and maintain their families. Particular attention is paid to the distinction between formal marriage and de facto cohabitation. The article also explains why some young people view formal marriage with caution. Furthermore, perceptions regarding gender roles and personal priorities are shifting.

Keywords: marriage, family, family law, demographic development, dissolution of marriage, de facto cohabitation, psychological readiness for marriage, family roles, legal education, youth, protection of children’s rights.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена указом Президента Российской Федерации Владимиром Путиным «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Реализация стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» предполагает решение определенных задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, в числе которых особое место занимают сохранение,

укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете.

Институт брака занимает особое место в системе социальных и правовых отношений. С одной стороны, он представляет собой юридически оформленный союз мужчины и женщины, порождающий взаимные права и обязанности супругов. С другой стороны, брак выступает устойчивой социальной формой организации совместной жизни, воспитания детей, распределения бытовой и экономической ответственности, а также межпоколенческой передачи норм и ценностей.

В соответствии со статьей 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под защитой государства [2]. Семейный кодекс Российской Федерации, в свою очередь, устанавливает, что признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния [3]. Следовательно, законодатель придает государственной регистрации не формальное, а конститутивное значение, поскольку именно с момента регистрации между лицами возникает статус супругов.

Проблема брака в настоящее время имеет не только юридическое, но и демографическое содержание. Уровень брачности, частота разводов, возраст вступления в первый брак, устойчивость семейных союзов, готовность к рождению и воспитанию детей отражаются на воспроизводстве населения и социальной структуре общества. При этом сведение демографических процессов исключительно к количественным показателям браков и разводов является методологически недостаточным. Решение о создании семьи зависит от сочетания материальных условий, ценностных установок, жизненных планов, правовой информированности, качества отношений с партнером и субъективного психологического благополучия [4].

Методы. Методы теоретического исследования: изучение и анализ литературы по теме исследования, обобщение, индукция, дедукция. Эмпирические методы: наблюдение, изучение документации.

Результаты. Среди молодежи можно увидеть критическую или осторожную позицию по отношению к официальному браку. При этом речь не идет о том, чтобы отрицать близкие отношения, совместное проживание и родительство в определенные моменты. Иногда дело в недоверии к самой правовой природе брака, страхе споров из-за имущества, страхе разлуки и развода, нежелании отказываться от автономии или идеи поставить семейные планы на паузу ради чего-то более стабильного. Научный подход к таким установкам необходим [5].

Согласно п. 2 ст. 1 СК РФ признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Указанное положение определяет российскую правовую модель: религиозный обряд, совместное проживание или публичное признание отношений не порождают статуса супругов без государственной регистрации.

Брак влечет за собой ряд прав и обязанностей, как личных, так и имущественных. Например, супруги могут выбрать общую фамилию или оставить свои, решать, чем заниматься и где жить. Также они вместе отвечают за вопросы, связанные с детьми, их воспитанием и образованием, и другие семейные дела. Обычно все, что супруги нажили, пока были в браке, считается их общим имуществом. Неважно, на чье имя было куплено или кто именно платил.

Брак важен для многих вопросов, поскольку он регулирует алименты, наследство, как делить общее имущество, защищает права безработного супруга и определяет, кто родители ребенка и каковы их права и обязанности. Конечно, отцовство и материнство можно установить и без брака, но если пара официально зарегистрирована, то с документами на ребенка обычно проще, и не нужно проводить дополнительные проверки, чтобы доказать отцовство.

В обществе брак – это традиционный способ оформить отношения между партнерами.

Но сводить все только к росписи в ЗАГСе не совсем верно. Чтобы семья была крепкой, партнерам нужно уметь справляться с повседневными, финансовыми, эмоциональными и родительскими заботами вместе. Поэтому, хотя официальная регистрация брака и создает правила для отношений, сама по себе она не избавляет от ссор, не гарантирует душевной близости или готовности супругов вместе нести ответственность.

Для демографического развития институт брака значим постольку, поскольку он связан с формированием домохозяйств, планированием рождения детей и организацией заботы о них. В то же время прямую причинную связь между заключением брака и рождением детей следует оценивать осторожно: современная структура семьи включает как браки с детьми, так и бездетные браки, а также семьи, в которых дети рождаются вне зарегистрированного брака. Следовательно, демографическая политика не может ограничиваться стимулированием регистрации браков; она должна учитывать жилищные условия, занятость, доступность образования и медицины, поддержку родителей и качество семейной среды.

По данным Росстата, в 2023 г. в Российской Федерации было зарегистрировано около 946 тыс. браков и около 684 тыс. разводов. В 2024 г. количество зарегистрированных браков составило около 880 тыс., количество разводов – около 646 тыс. По информации на апрель 2026 года, количество разводов в России растет, на каждые 10 браков приходится 8 распавшихся союзов. При этом, по данным за январь-март 2025 года, количество разводов снизилось: за этот период в России зарегистрировали 117,1 тыс. разводов, что на 26,7% меньше, чем за тот же период 2024 года (159,8 тыс.) [6].

Приведенные показатели не позволяют сделать вывод о линейной зависимости между числом браков и числом разводов в пределах одного календарного года. Разводы, зарегистрированные в определенном году, относятся к бракам, заключенным в разные периоды. Поэтому распространенная в публичной дискуссии практика прямого сопоставления числа разводов с числом браков за один и тот же год методологически некорректна.

Как отмечает Д. А. Черничкин, «снижение количества браков может быть связано с несколькими обстоятельствами: изменением возрастной структуры населения, откладыванием вступления в первый брак, экономической неопределенностью, миграционными процессами, расширением практик совместного проживания без регистрации и трансформацией ценностных установок» [7].

Различия в браках и разводах между регионами тоже очень важны. На них влияют такие вещи, как жизнь в городе или деревне, возраст людей, кто куда переезжает, обычаи, наличие жилья, работа и другие условия. Поэтому то, что мы видим по всей России, не всегда подходит для каждого отдельного региона.

Просто жить вместе, вести общее хозяйство и быть партнерами, но не регистрировать брак в ЗАГСе – это и есть фактическое сожительство. В России такое не запрещено, но по закону это не то же самое, что официальный брак, особенно в плане юридических последствий.

Самое главное отличие в том, что к таким парам не применяется содержание статьи 34 СК РФ [3] о совместной собственности супругов. Имущество, купленное, пока люди жили вместе, не становится автоматически общим. Если возникнет спор, каждому придется доказывать, сколько он вложил, или что было соглашение о совместной покупке, или другие важные для дела моменты. А вот в зарегистрированном браке имущественные права супругов защищены лучше. Чтобы распорядиться некоторыми видами общего имущества, нужно согласие второго супруга, заверенное нотариусом. При разделе имущества доли считаются равными, если нет брачного договора или если суд не решит иначе, учитывая особые обстоятельства.

Существенны и различия в наследственных отношениях. Супруг относится к наследникам первой очереди по закону (ст. 1142 ГК РФ [8]). Фактический партнер, не состоявший в зарегистрированном браке с наследодателем, такого статуса не имеет, за исключением отдельных случаев, связанных с нетрудоспособностью и нахождением на иждивении наследодателя, которые должны быть подтверждены в установленном порядке.

Вместе с тем отсутствие регистрации брака не означает отсутствия прав у родителей и детей. Ребенок, рожденный вне брака, обладает теми же правами по отношению к родителям, что и ребенок, рожденный в браке, при условии установленного происхождения от родителей (ст. 53 СК РФ [3]). Однако если родители не состоят в браке, вопрос об отцовстве может потребовать подачи совместного заявления либо разрешаться в судебном порядке.

Таким образом, фактическое сожительство является допустимой формой личной жизни, но обладает меньшей правовой определенностью по сравнению с зарегистрированным браком. Оценка данной формы отношений не должна носить стигматизирующий характер. Вместе с тем лица, выбирающие совместное проживание без регистрации, должны осознавать возможные имущественные, наследственные и процессуальные риски.

Психологическая готовность к браку не сводится к наличию романтических чувств, материальных ресурсов или достижению определенного возраста. Она включает совокупность личностных и коммуникативных характеристик, позволяющих партнерам строить устойчивое взаимодействие в условиях совместного быта, распределения обязанностей, эмоциональных нагрузок и возможного родительства.

К числу значимых компонентов психологической готовности, по мнению Э. К. Молдахметовой, могут быть отнесены [9]:

– способность к открытому и уважительному общению;

– эмпатия, то есть способность понимать эмоциональные состояния и переживания другого человека;

– готовность к совместному принятию решений;

– способность разрешать конфликты без унижения, угроз и насилия;

– реалистичность представлений о семейной жизни;

– согласованность ожиданий относительно ролей супругов;

– готовность к материальной, бытовой и эмоциональной ответственности;

– уважение личных границ партнера;

– осознанное отношение к вопросам рождения и воспитания детей.

Эмпатия и коммуникативная компетентность имеют значение не потому, что автоматически обеспечивают семейное благополучие, а потому, что способствуют пониманию интересов партнера и поиску приемлемых способов разрешения разногласий. Неумение нормально говорить друг с другом, привычка избегать сложных разговоров, жесткие взгляды на распределение ролей и неспособность договариваться могут серьезно усложнить жизнь пары.

Очень важно заранее обсудить, чего каждый ждет от семьи. Будущие супруги нередко по-разному представляют себе, кто будет заниматься домом, кто и в какой степени станет зарабатывать, сколько времени работа будет занимать у каждого, как именно будут участвовать в воспитании детей, какое место займут родные и сколько личной свободы каждый сохранит. Напряжение появляется не только тогда, когда ожидания не совпадают. Оно возникает и в тех случаях, когда эти вопросы вообще не поднимают или до свадьбы отказываются их обсуждать.

Психологическая зрелость не значит, что в отношениях никогда не будет тревоги, сомнений или споров. Скорее, взрослые отношения держатся на умении замечать разногласия и вместе находить удобные правила жизни. Поэтому подготовка к браку, это не только разбор юридических вопросов, но и развитие навыков общения, умения вести семейный бюджет, распределять домашние дела и спокойно решать конфликты.

Вопрос о связи психологического состояния с готовностью к браку требует особенно осторожного подхода. Нельзя утверждать, что тревожность, стресс или эмоциональное выгорание сами по себе являются прямой причиной отказа от брака. Такие состояния могут быть связаны с отношением к долгосрочным обязательствам лишь опосредованно и в сочетании с иными факторами: экономической нестабильностью, профессиональной нагрузкой, травматичным опытом отношений, особенностями семейного воспитания и уровнем социальной поддержки.

Хронический стресс способен снижать субъективное чувство контролируемости жизненной ситуации. При переживании финансовой неопределенности, высокой учебной или трудовой нагрузки, отсутствия доступного жилья человек может откладывать создание семьи не вследствие отрицания брака как такового, а из-за ощущения недостатка ресурсов для принятия новых обязательств.

Е.Е. Исакова отмечает: «Сходным образом негативный опыт конфликтных отношений в родительской семье или личный опыт развода может влиять на представления о браке. Однако наличие такого опыта не предопределяет отказ от семейной жизни. Для одних лиц он может стать фактором тревоги и недоверия, для других – основанием более осознанно выстраивать отношения, обращаться за психологической помощью и заранее обсуждать значимые вопросы с партнером» [10].

Психическое и эмоциональное благополучие является одной из главных основ крепкой семьи. Помощь психолога, участие в программах по предотвращению семейных конфликтов и поддержка в трудный момент будут полезны и тем, кто только думает о браке, и тем, кто уже столкнулся с трудностями в отношениях. Но такую помощь не стоит считать способом сохранения союза любой ценой. Если в семье есть насилие, угроза жизни или здоровью, постоянные унижения или другие опасные ситуации, на первом месте должно быть спасение пострадавшего и детей.

Скептическое отношение к браку может выглядеть по-разному. Одни вообще не хотят официально оформлять отношения. Другие откладывают свадьбу, пока не получат нужное образование или не начнут хорошо зарабатывать. Кто-то сначала выбирает совместную жизнь без регистрации. А кто-то и вовсе предпочитает свободный формат отношений.

У такого отношения может быть несколько причин:

– Многие молодые люди думают, что брак отнимет у них свободу. Их пугает мысль о том, что придется менять привычный образ жизни, все время идти на компромиссы, делить бюджет и считаться не только со своими желаниями, но и с интересами другого человека. Однако автономия и семейная жизнь не являются взаимоисключающими явлениями. В устойчивом браке личная самостоятельность может сочетаться с взаимной ответственностью при наличии согласованных границ и уважительного общения.

– Причиной может быть страх имущественных конфликтов и развода. Молодые люди могут воспринимать брак прежде всего через призму потенциального раздела имущества, алиментных обязательств и судебных споров. Частично такие опасения объясняются недостаточной правовой грамотностью. Семейное законодательство допускает заключение брачного договора, позволяющего определить имущественные права и обязанности супругов в период брака и в случае его расторжения. Вместе с тем брачный договор не может регулировать личные отношения супругов, ограничивать правоспособность или дееспособность, а также содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

– Значение имеет также опыт родительской семьи. Наблюдение постоянных конфликтов, развод родителей, насилие или эмоциональная холодность способны формировать негативные ожидания от близких отношений. Однако влияние данного фактора зависит от индивидуальной рефлексии, социального окружения, наличия поддерживающих отношений и доступности профессиональной помощи.

– На брачные установки влияет изменение представлений о гендерных ролях. Современные партнеры чаще ориентированы на образование, профессиональное развитие и более равномерное распределение домашних обязанностей.

– Решение об отказе от регистрации брака может быть связано с недостатком доверия к самому институту права. В этом случае люди воспринимают брак как излишнюю формальность или как механизм возможных ограничений.

Исследователи Московского государственного психолого-педагогического университета предприняли попытку определить факторы, связанные с готовностью молодых людей к вступлению в брак. Цель работы заключалась в выявлении психологических и социально-ролевых характеристик молодежи

с различным семейным статусом. Результаты исследования представлены в «Сборнике тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии» [11].

В исследовании приняли участие 135 человек (50 мужчин и 85 женщин), являющихся дипломированными специалистами или студентами учреждений высшего образования и среднего профессионального образования.

Для исследования использовались четыре методики: «Диагностика эмпатических способностей» В.В. Бойко, «Диагностика перцептивно-интерактивной компетентности» Н.П. Фетискина, «Ролевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волковой и авторская анкета «Хозяйственно-бытовые умения».

Результаты показали, что высокий уровень эмпатии и взаимопонимания с партнером демонстрируют именно лица в браке: они умеют понимать и чувствовать друг друга, сочетают логику и интуицию в решении проблем, что не так характерно для сожителей и лиц без постоянного партнера – им это дается сложнее.

Бросалось в глаза и то, что по-разному расставлялись приоритеты между семьей, работой и жизнью в обществе. Те, кто не был в официальном браке, чаще говорили о карьере, личной свободе и активной позиции в социуме. А у женатых и замужних ответы звучали более сбалансированно: для них одинаково значимы и семья, и время вместе, и возможность не замыкаться только на доме.

Разница заметна была и в том, как люди представляли себе роли и ожидания в браке. Супруги чаще видели партнера как цельного человека и ценили его сразу в нескольких качествах – как родителя, друга, сексуального спутника и того, кто умеет решать бытовые вопросы. У тех, кто жил без регистрации брака, сильнее подчеркивались близость и внешняя привлекательность партнера, но при этом они реже были готовы брать на себя заботу о детях. Кроме того, в этой группе чаще отмечались сдержанность в выражении эмоций и ожидание, что именно партнер в основном будет создавать спокойную и комфортную атмосферу в отношениях.

При этом у всех групп в целом бытовые навыки были развиты неплохо. Обычно участники умели планировать семейные траты, поддерживать порядок в доме и решать повседневные хозяйственные дела.

Результаты исследования говорят о том, что отказ части молодых людей от официальной регистрации брака, вероятно, связан не с неумением самостоятельно вести хозяйство. Гораздо больше для них значат карьерные цели, личная свобода и насыщенная общественная жизнь. Кроме того, на это могут влиять и другие факторы: трудности в понимании чувств партнера, размытые представления о распределении домашних обязанностей, слабая готовность менять свое поведение и привычка перекладывать часть семейной ответственности на другого.

Заключение. Один из способов сделать отношение к браку более осознанным – это правовое просвещение. В рамках такой работы стоит простыми словами объяснять основные положения гражданского права, семейного права: как заключают и прекращают брак, какой режим действует в отношении имущества супругов, для чего нужен брачный договор, какие права и обязанности есть у родителей, как работают алиментные обязательства, как устанавливается отцовство и что происходит с наследством, если брак не был оформлен официально.

При этом правовое информирование не должно звучать как призыв обязательно регистрировать брак. Его задача заключается в том, чтобы помочь человеку принять решение, понимая все юридические последствия своего выбора. Например, молодым людям важно знать, что само по себе совместное проживание не делает имущество общим, а брачный договор – это не недоверие, а законный способ заранее договориться об имущественных вопросах.

Еще одним основным направлением следует считать развитие доступной помощи молодым семьям в жилищной, образовательной и трудовой сферах. Однако экономическая поддержка не гарантирует создания или сохранения семьи, но может уменьшать уровень неопределенности, препятствующей реализации семейных планов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/?ysclid=mtykdh1h8k506026446 (дата обращения: 26.07.2026).
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/58e82f7427fb7280ac3860e0176dcd68d75f2546/(дата обращения: 20.07.2026).
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // СПС «Консультант плюс» URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mtyqo9kwz2883928760(дата обращения: 29.08.2026).
4. Ошурков, Н.И. Актуальные проблемы заключения брака в РФ / Н.И. Ошурков – Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 81-5. – С. 70–72.
5. Бурханова, Э.З. Институт семьи и брака в современном обществе: теоретические аспекты к изучению проблемы / Э.З. Бурханова, Л.Р. Халикова // Человек в условиях социальных изменений: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 16 апреля 2025 года.– Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2025. – С. 191–196.
6. Росстат: сайт – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 29.07.2026).
7. Черничкин, Д.А. Трансформация брачных и репродуктивных установок в современном российском обществе / Д.А. Черничкин, М.С. Топчиев – Текст: непосредственный // Logos et Praxis. 2025. – Т. 24, № 4. – С. 89–101.
8. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «Консультант плюс» URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ded009db389f384c41e25cbd01e10c72a784a54d/?ysclid=mtyqbxbe7e165542910 (дата обращения: 29.07.2026).
9. Молдахметова, Э.К. Проблемы психологической готовности к браку у юношей и девушек / Э.К. Молдахметова – Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. – 2023. – № 5-1 (140). – С. 60–63.
10. Исакова, Е. Е. Проблема ранних браков / Е.Е. Исакова, А.Р. Ишкеева // Общество и культура: проблемы, тенденции, перспективы: Материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 23 мая 2024 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 124–126.
11. Психологи выяснили, почему молодежь не спешит в ЗАГС: сайт. – URL: https://naked-science.ru/article/column/molodezh-ne-speshit-v-zag (дата обращения: 29.07.2026).

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 (as amended on March 4, 2026) «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // «Consultant Plus» Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/?ysclid=mtykdh1h8k506026446 (accessed: July 26, 2026).
2. «Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // «Consultant Plus» Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/58e82f7427fb7280ac3860e0176dcd68d75f2546/ (accessed: July 20, 2026).
3. «Family Code of the Russian Federation» No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended

on March 23, 2026, with further amendments dated May 15, 2026) // «Consultant Plus» Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mtyqo9kwz2883928760 (accessed: August 29, 2026). 4. Oshurkov, N. I. Current Issues Regarding Marriage in the Russian Federation / N. I. Oshurkov – Text: direct // Trends in the Development of Science and Education. – 2022. – No. 81-5. – P. 70–72.
5. Burkhanova, E.Z. The Institution of Family and Marriage in Modern Society: Theoretical Aspects of Studying the Issue / E.Z. Burkhanova, L.R. Khalikova // The Individual Amidst Social Change: Collection of Scientific Articles from the International Scientific and Practical Conference, Ufa, April 16, 2025. – Ufa: M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 2025. – P. 191–196.
6. Rosstat: website – URL: https://rosstat.gov.ru/ (accessed: July 29, 2026).
7. Chernichkin, D.A. Transformation of Marital and Reproductive Attitudes in Modern Russian Society / D.A. Chernichkin, M.S. Topchiev – Text: direct // Logos et Praxis. – 2025. – Vol. 24, No. 4. – P. 89–101.
8. «Civil Code of the Russian Federation (Part Three)» dated November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // «ConsultantPlus» legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ded009db389f384c41e25cbd01e10c72a784a54d/?ysclid=mtyqbxbe7e165542910 (accessed: July 29, 2026).
9. Moldakhmetova, E.K. Issues of Psychological Readiness for Marriage Among Young Men and Women / E.K. Moldakhmetova – Text: direct // Vestnik Magistratury (Bulletin of Master's Studies). – 2023. – No. 5-1(140). – P. 60–63.
10. Isakova, E.E. The Problem of Early Marriages / E.E. Isakova, A.R. Ishkeeva // Society and Culture: Problems, Trends, Prospects: Proceedings of the IX All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, May 23, 2024. – Novosibirsk: Siberian Transport University, 2024. – P. 124–126.
11. Psychologists Explain Why Young People Are Not Rushing to the Civil Registry Office (ZAGS): website. – URL: https://naked-science.ru/article/column/molodezh-ne-speshit-v-zag (accessed: July 29, 2026).

Арутюнова Маргарита Гамлетовна, старший преподаватель кафедры правового обеспечения деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: r.a3777@yandex.ru

Margarita Arutyunova, Senior Lecturer, Department of Legal Support for the Activities of Government Bodies, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: r.a3777@yandex.ru

Стрельцова Дарья Петровна, кадровый консультант отдела по оказанию услуг в сфере занятости работодателям, Государственное казённое учреждение службы занятости населения Ставропольского края «Краевой кадровый центр», Территориальный центр занятости населения первого уровня городов-курортов Пятигорска и Железноводска и города Лермонтова, Российская Федерация, e-mail: streltsovadarya8@gmail.com

Daria Streltsova**,** HR consultant, Department for Providing Employment Services to Employers, State Budgetary Institution of the Employment Service of the Stavropol Territory «Regional Personnel Center», Territorial Employment Center of the First Level of the Resort Cities of Pyatigorsk and Zheleznovodsk and the City of Lermontov, Russian Federation, e-mail: streltsovadarya8@gmail.com

УДК 796.011.3:378:316.346.36

ПОКОЛЕНИЕ Z В ВУЗОВСКОМ СПОРТЕ: ЗАПРОСЫ И ФОРМАТ ЗАНЯТИЙ

Ирина Иванова,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема снижения вовлеченности студентов поколения Z в учебные занятия по физической культуре. Актуальность исследования обусловлена противоречием между традиционной системой физического воспитания в вузе и ценностно-мотивационными установками цифрового поколения. На основе обзора отечественных и зарубежных исследований теории поколений, а также результатов авторского социологического опроса, выявлены определяющие особенности восприятия, мотивации и социальных приоритетов студентов-зумеров. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций для преподавателей физической культуры по повышению лояльности и эффективности учебного процесса студентов поколения Z.

Ключевые слова: поколение Z, физическая культура, спорт, студенты, мотивация, геймификация, цифровизация, индивидуализация обучения, цифровые технологии.

GENERATION Z IN UNIVERSITY SPORTS: EXPECTATIONS AND FORMATS FOR ACTIVITIES

Ivanova I.

Abstract. This article examines the issue of declining engagement among Generation Z students in physical education classes. The study's relevance stems from the conflict between the traditional university physical education system and the values and motivational attitudes of the digital generation. Based on a review of domestic and international research on generational theory, as well as the results of the author's own sociological survey, the study identifies key characteristics regarding the perceptions, motivations, and social priorities of Generation Z students. The practical significance of the work lies in the development of recommendations for physical education teachers aimed at increasing student engagement and enhancing the effectiveness of the educational process for Generation Z students.

Keywords: Generation Z, physical education, sport, students, motivation, gamification, digitalization, individualized learning, digital technologies.

Введение. Современный этап развития высшего образования в России характеризуется поиском новых подходов к преподаванию дисциплин, традиционно относящихся к «второстепенным» в системе профессиональной подготовки. Одной из таких дисциплин является физическая культура, которая, несмотря на обязательный характер и компетенции, закрепленные в федеральных государственных образовательных стандартах, сталкивается с негативными тенденциями – формальное отношение со стороны студентов, снижение престижа здорового образа жизни.

За последние годы в исследовательской практике глубоко укоренилось понятие «поколение Z», подразумевающее под собой социально-демографическую группу людей, родившихся примерно с середины 1990-х годов до начала 2010-х годов [8]. Это первое поколение, социализация которого проходила в условиях глобальной цифровизации, повсеместного распространения интернета и мобильных устройств [9]. Теория поколений, сформированная двумя американскими учеными У. Штраусом и Н. Хоувом и адаптированная для российского общества психолингвистом Е. Шамисом и психологом А. Антиповым, относит к поколению Z молодых людей, чьи ценности формировались в период стабильной политической ситуации, экономической

нестабильности и стремительного развития цифровых технологий [1]. В рамках настоящего исследования именно студенты, родившиеся после 2000 года, на сегодняшний день формируют основной контингент учебных заведений, что делает актуальным изучение их образовательных запросов и мотивационных установок.

Объектом исследования выступает учебный процесс по физической культуре и спорту в вузе. Предметом исследования являются мотивационные установки и ценностные ориентации студентов поколения Z.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между традиционной, унифицированной системой физического воспитания, направленной на выполнение нормативных показателей, и ценностно-смысловыми установками современных студентов, сформированными в условиях цифровизации. Как отмечает Л.И. Лубышева, «существующая система физического воспитания в образовательных организациях свои функции (оздоровительную, образовательную, воспитательную, развивающую) пока реализует не полностью» [2]. Этот тезис подтверждается и данными социологических опросов, которые фиксируют разрыв между декларируемым интересом и реальным состоянием физической активности среди молодежи [17].

Теория поколений, разработанная Н. Хоувом и У. Штрауссом, предполагает, что поколение можно идентифицировать, если его представители сталкиваются с одинаковыми важнейшими историческими событиями, разделяют общие убеждения и модели поведения, а также ощущают принадлежность к данной группе [3]. Исследователи отмечают, что ценности поколения формируются в возрасте до 12–14 лет и впоследствии служат некими фильтрами для восприятия мира. При этом отечественные ученые отмечают, что адаптация данной теории к российским условиям требует учета точечного и изолированного характера смены поколений в России, где каждое из них становится соучастником политических и исторических событий, изменяющих социально-культурные условия для следующего [9].

Особенности поколения Z активно изучаются как зарубежными, так и отечественными исследователями. Е.В. Шлегель, анализируя типические черты и ценностные ориентации «цифровых аборигенов», выделяет такие характеристики, как постоянная включенность в цифровую среду, преобладание онлайн-коммуникации, клиповое мышление, высокий уровень тревожности и потребность в быстрой обратной связи [9]. И.А. Морозова с соавторами, изучая личностные качества абитуриентов поколения Z, приходят к выводу, что среда воспитания зумеров характеризуется информационной перегруженностью, приоритетами виртуального мира, гиперопекой со стороны родителей и влиянием экономических кризисов [14]. Перечисленные факторы формируют структуру личности, в которой доминируют прагматизм, нацеленность на быстрый результат, визуальное мышление и, одновременно, тревожность и ограниченные возможности к долгосрочному планированию.

Тем не менее, исследователи предупреждают о недопустимости чрезмерного упрощения и стереотипизации. Так, специалисты Центра исследований современного детства НИУ ВШЭ, проанализировав распространенные миф о «поколении Z», пришли к выводу о том, что многие приписываемые молодежи особенности, такие как «многозадачность» и «особая цифровая грамотность», не находят безусловного эмпирического подтверждения. ВШЭ отмечает, что подростки справляются с одновременным выполнением задач хуже, чем взрослые, что может быть связано с недостаточной развитостью функций когнитивного контроля, и это не является поколенческой спецификой [6]. Однако, учитывая эту критику, исследователи признают, что социальные условия становления и самоопределения молодежи в цифровую эпоху накладывают отпечаток на их поведенческие и мотивационные паттерны.

В рамках обозначенной проблематики особый интерес представляет изучение отношения поколения Z к физической культуре и спорту. Исследования показывают, что традиционные методы преподавания физкультуры зачастую не находят отклика у студентов-зу-

меров. Гораздо более эффективными оказываются подходы, учитывающие цифровые привычки молодежи: геймификация, использование мобильных приложений, виртуальных тренажеров и разнообразие видов активности. По данным Н.В. Сизовой, интерес к здоровому образу жизни не всегда коррелирует с достаточной физической активностью, что указывает на проблему перехода от установки к действию [7].

Обзор представленных научных работ позволяет сделать вывод о том, что проблема адаптации дисциплины «Физическая культура и спорт» к особенностям поколения Z остается недостаточно разработанной в контексте конкретных механизмов и технологий, применяемых в вузовской практике. Ряд исследований носит либо теоретический, либо констатирующий характер, не предлагая практических мер для преподавателей.

Цель данного исследования – выявить основные факторы мотивации и барьеры вовлечения студентов поколения Z в занятия физической культурой и на этом основании предложить направления адаптации содержания и организации учебного процесса для повышения его эффективности и гибкости. Достижение поставленной цели предопределило решение следующих задач:

– анализ основных ценностных ориентиров и когнитивных особенностей поколения Z, необходимых для образовательного процесса по физической культуре;

– проведение эмпирического исследования (анкетирования) для выявления мотивационных предпочтений и барьеров студентов поколения Z в сфере физической культуры и спорта;

– предложение практических рекомендаций по адаптации учебного процесса по физической культуре с учетом выявленных проблем и особенностей.

Новизна исследования заключается в интеграции теоретических положений о поколении Z, анализе авторского эмпирического исследования и конкретных технологических решениях, объединенных в систему рекомендаций по адаптации дисциплины.

Методы. Исследование включает в себя два взаимосвязанных этапа: теоретический анализ и эмпирическое исследование.

На первом этапе был проведен обзор и систематический анализ отечественных и зарубежных научных публикаций по проблеме ценностных ориентаций, когнитивных особенностей и образовательных запросов поколения Z, а также инновационных подходов в физическом воспитании студентов. Особое внимание уделялось работам Л.И. Лубышевой (концепция спортизации) [2], Е.В. Шлегель (социокультурный портрет поколения Z) [9], исследованиям ВШЭ (критика мифов о поколении Z) [6], и работам по геймификации и интерактивным технологиям в образовании.

На втором этапе было проведено эмпирическое исследование с использованием метода онлайн-анкетирования. Инструментом исследования выступила авторская анкета «Спорт в вашей жизни», разработанная для выявления: отношения студентов к занятиям спортом и физической культурой; факторов, ограничивающих занятие спортом; предпочтений в выборе места и вида активности; частоты и регулярности занятий; мотивационных установок. Анкета была разработана на основе анализа типичных барьеров и стимулов [1, 15, 16].

Выборка составила 88 студентов первого курса Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС. Возраст респондентов варьировался от 16 до 21 года, что соответствует хронологическим рамкам поколения Z. Выборка является целевой (студенты-первокурсники) и доступной, что обусловлено исследовательскими задачами – изучение первичных установок поколения Z на начальном этапе вузовского обучения.

Сбор данных проводился в апреле 2026 года с использованием платформы Яндекс.Форма. Участие было добровольным и анонимным. Обработка данных осуществлялась методами описательной статистики с использованием Microsoft Excel.

В результате опроса были получены данные, отражающие отношение студентов-первокурсников поколения Z к физической активности и спорту.

Результаты. Так, в исследовании приняли участие 88 респондентов в возрасте от 16 до 21

года, из них 50 женщин (56,8%) и 38 мужчин (43,2%). Распределение по направлениям подготовки: государственное и муниципальное управление – 23,2%, юриспруденция – 51,3%, менеджмент – 13,4%, экономика – 12,1%.

Для определения отношения студентов к спорту и физической культуре респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Занимаетесь ли Вы спортом?». Согласно полученным данным, положительно ответили 63 человека (71,6%), отрицательно – 25 человек (28,4%). При этом на вопрос «Занимаетесь ли Вы физической культурой?» (в контексте учебных занятий) 82 (93,2%) человека ответили «Да», 6 человек (6,8%) – «Нет». Полученные результаты демонстрируют, что физическая культура воспринимается большинством студентов как обязательный элемент образовательного процесса, а спорт присутствует во внеучебной жизни значительной части выборки – 71,6%, хотя 28,4% студентов не занимаются спортом (Рисунок 1).

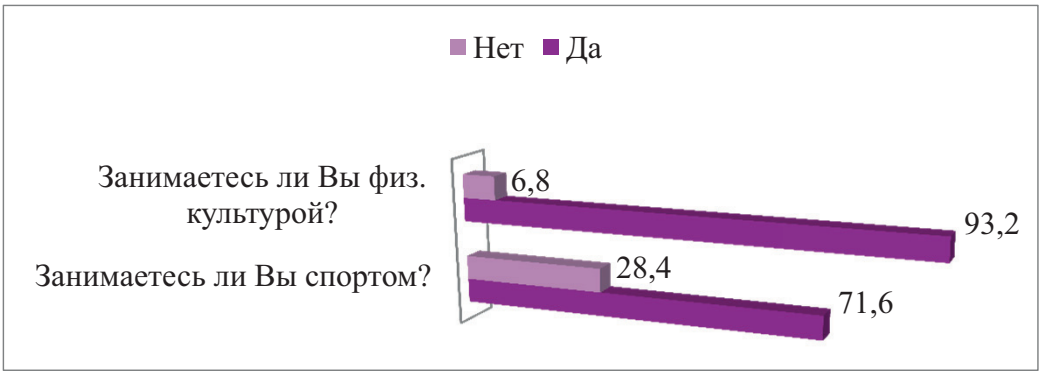

Рисунок 1. Соотношение ответов респондентов на вопросы «Занимаетесь ли Вы спортом?» и «Занимаетесь ли Вы физической культурой?»

Источник: составлено автором на основе проведенного опроса

Для выявления барьеров, препятствующих занятиям спортом, респондентам был задан вопрос «Что мешает Вам заниматься спортом?». Распределение ответов выглядит следующим образом: нехватка времени – 43 человека (48,9%), отсутствие мотивации – 24 человека (27,3%), состояние здоровья – 21 человек (23,9%). (Рисунок 2).

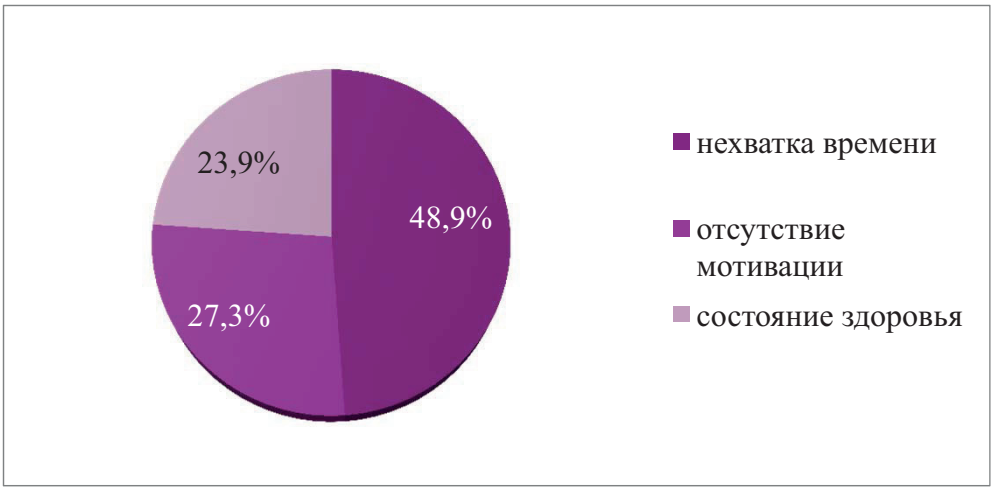

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что мешает Вам заниматься спортом?»

Источник: составлено автором на основе проведенного опроса

На вопрос «Как часто Вы занимаетесь спортом?» распределение ответов показало: два-три раза в неделю – 41 человек (46,6%), более трех раз в неделю – 20 человек (22,7%), один раз в неделю – 15 человек (17%), вообще не занимаюсь – 12 человек (13,6%). Таким образом, регулярно занимаются спортом 69,3% студентов, 30,7% занимаются нерегулярно или вовсе не занимаются, что указывает на проблему формирования устойчивой привычки к регулярной физической активности. Среди 27 нерегулярно занимающихся спортом 22 человека в качестве барьера указали «нехватку времени», что подтверждает ведущую роль временного фактора (Рисунок 3).

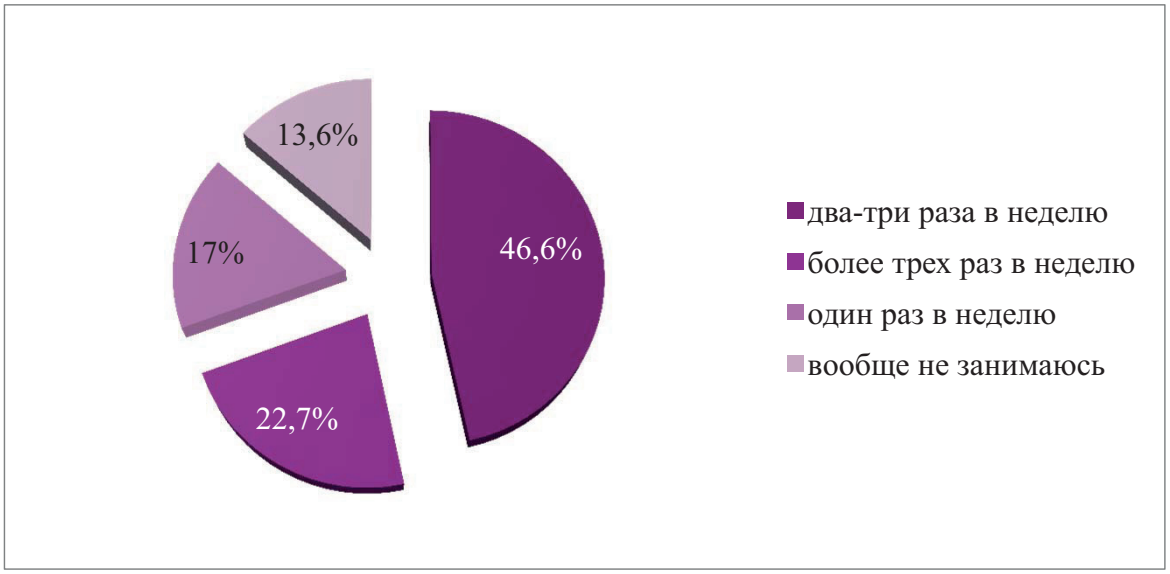

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы занимаетесь спортом?»

Источник: составлено автором на основе проведенного опроса

На вопрос «Возможен ли зачет в форме защиты проекта по физической культуре?» 61 человек (69,3%) ответили «Да», что свидетельствует о готовности преобладающей части студентов к нетрадиционным формам аттестации, основанным на исследовательской и творческой активности.

На вопрос «Какие виды спорта Вам больше нравятся?» 62 респондента (70,5%) выбрали индивидуальные виды, 26 человек (29,5%) – командные. Открытый вопрос «Какие виды спорта для Вас предпочтительнее и почему?» выявил иной срез: в ответах чаще всего фигурировал волейбол, баскетбол, футбол. Это не противоречит закрытому вопросу, а дополняет его: открытые вопросы отражают прежде всего репертуар видов, реально представленных в образовательной среде и знакомых студентам, а не структуру глубинных предпочтений. Широкое представительство командных игр в институте (секции, команды, соревнования) делает их наиболее «видимыми» и легко называемыми, тогда как интерес к индивидуальным видам сохраняется (согласно открытому вопросу, были указаны единоборства, легкая атлетика, бег, фитнес-форматы, танцы) но реализуется в меньшей степени. Это согласуется со средовым подходом И.В. Манжелей, согласно которому среда образовательного учреждения формирует репертуар выбираемых активностей [12].

Спортивные достижения есть у 47 человек (53,4%), не имеют – 41 человек (46,6%). Продолжать или начать заниматься спортом хотели бы 54 человека (61,4%); еще 23 человека (26,1%) выбрали вариант «да, но никак не могу решиться»; 11 человек ответили «нет». Таким образом, потенциальная готовность к занятиям выражена у 77 человек (87,5%), но часть из них не перешла к регулярной активности. Это подтверждает необходимость создания условий для персонализированных траекторий физической активности.

На вопрос «Где Вы предпочитаете заниматься спортом?» 49 человек (55,7%) ответили «в спортзале», 29 человек (33%) – «дома», 10 человек (11,3%) – «на улице». Это демонстрирует потребность в досуговой инфраструктуре, а также запрос на гибридные форматы, сочетающие офлайн-занятия с возможностью самостоятельной работы дома.

Заключение. Итак, проведенный анализ данных позволил выявить несколько значимых выводов. Во-первых, исследование фиксирует разрыв между декларативной значимостью физической культуры и реальной регулярностью занятий: дисциплину посещают 93,2% студентов, спортом занимаются 71,6%, регулярно – 69,3%, а основными барьерами остаются нехватка времени (48,9%) и отсутствие мотивации (27,3%).

Во-вторых, предпочтения поколения Z не сводятся к одной модели: закрытый вопрос показывает ориентацию на индивидуальные виды (70,5%), а открытые ответы – устойчивый интерес к командным играм (волейбол, баскетбол, футбол). Выбор во многом определяется тем, какие виды реально представлены в образовательной среде.

В-третьих, готовность большинства студентов (69,3%) к зачету в формате защиты проекта, предпочтений занятий в спортзале (55,7%) и значимость эмоциональной привлекательности и личного прогресса указывают на необходимость перехода от унифицированной модели к модульной и вариативной организации.

Таким образом, в обследованной группе студентов поколения Z характерен умеренный уровень вовлеченности в физическую активность, сочетающийся с высоким уровнем декларативной значимости физической культуры как учебной дисциплины. Выявленные барьеры и предпочтения указывают на необходимость адаптации содержания и организации занятий с учетом цифровых привычек и ценностных ориентиров молодежи.

Адаптация дисциплины «Физическая культура и спорт» к запросам поколения Z является не просто методической корректировкой, а стратегическим обновлением, которое требует пересмотра как содержательных, так и организационных оснований учебного процесса. Проведенный анализ теоретических источников и результаты авторского социологического опроса позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций.

Прежде всего, исследование подтвердило, что студенты-зумеры в первую очередь ориентируются на успех, связанный с личностным ростом и самореализацией, а не с получением признания или власти [10]. В контексте физической культуры это означает, что для зумеров приоритетнее не нормативная оценка (зачет, рейтинг), а ощущение личного прогресса, эмоционального удовлетворения и связь занятий с реальной жизнью. Поэтому акцент в оценивании должен смещаться с абсолютных показателей на динамику личных результатов и рефлексию студентов. Выявленное предпочтение индивидуальных видов спорта также согласуется с высоким уровнем индивидуализма и потребностью в самовыражении, выделяемых в работах Н. В. Лукьянченко [13]. В данном случае рекомендуется внедрение модульного подхода, при котором студент выбирает вид двигательной активности из нескольких доступных направлений.

Далее барьер «отсутствие мотивации» и интерес к индивидуальным форматам демонстрируют необходимость активного внедрения геймификации и цифровых инструментов. Геймификация повышает интерес студентов к занятиям физической культурой, игровые форматы делают процесс более увлекательным и создает положительный эмоциональный фон. Использование мобильных приложений, фитнес-трекеров, виртуальной реальности позволяет сделать процесс более персонализированным, измеримым и эмоционально привлекательным. Особый интерес имеют «фиджитал-технологии», которые органично вписываются в привычную для зумеров цифровую среду. В частности, это применение VR-тренировок, которые могут стать эффективным мотиватором, особенно для студентов, не уверенных в своих спортивных навыках.

Что касается организационных форм, готовность к защите проекта в качестве зачета выразили 56,8% опрошенных, что открывает

возможности для замены традиционных тестов на проектные работы, связанные с разработкой индивидуальных программ тренировок, анализом спортивных событий, ведением дневников самонаблюдения с использованием цифровых инструментов.

Наконец, средовой подход, обоснованный И.В. Манжелей, предполагает, что ключевым условием формирования спортивного стиля жизни является насыщение среды образовательного учреждения ресурсами и спортивными макросредствами [12]. Вузам следует создавать на базах спортивные клубы с демократической структурой, где студент не просто «посещает занятие», а становится частью спортивного общества, что отвечает их потребности в социальной идентичности. Активными инструментами популяризации могли бы стать группы в социальных сетях, чат-боты с расписанием и спортивными заданиями, а также открытые турниры с виртуальными наградами.

В целом, адаптация дисциплины «Физическая культура и спорт» к потребностям поколения Z не должна восприниматься как упрощение или преобразование под сниженный уровень требований. Напротив, это качественное обновление содержания и методов, направленное на перевоплощение утилитарного предмета в ресурс личностного развития и инструмент формирования устойчивых привычек здорового образа жизни. Спорт и физическая культура, как отмечает Л.И. Лубышева, «являются мощным фактором социализации подрастающего поколения» [2], и именно через переосмысление этой миссии возможно достижение максимальной эффективности и лояльности в работе со студентами поколения Z.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арбузов С.С., Панкращенко М.В., Томилова С.В. Развитие универсальных компетенций студентов технических специальностей средствами киберспорта и стриминга на занятиях физической культурой // Педагогическое образование в России. 2018. − № 8. − С. 17–22.
2. Лубышева Л.И., Загревская А.И., Передельский А.А. [и др.] Спортизация в системе физического воспитания: от научной идеи к инновационной практике // Москва: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры и спорта», 2017. – 200 с.
3. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. − 538 p.
4. Stillman D., Stillman J. Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace. New York: Harper Business, 2017. −320 p.
5. Twenge J.M. Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books, 2006. − 292 p.
6. Богачева Н.В. Мифы о «поколении Z»: научный анализ стереотипов // Доклад Центра исследований современного детства Института образования НИУ ВШЭ. М., 2021.− С. 1–64.
7. Сизова Н.В. Формирование мотивационной готовности студентов к физической активности в условиях цифровизации образования // Концепт. 2022. − № 10.− С. 116–123.
8. Дутко Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. − № 4. − С. 28–37.
9. Шлегель Е.В. Поколение Z: типические черты и ценностные ориентации // Вестник Гуманитарного университета. 2022. − № 2 (37) − С. 122–130.
10. Тесленко А.Н. Особенности когнитивной социализации поколения z в условиях цифровизации образования // ДМ. 2025.− № 68.− С. 7–15.
11. Бальсевич В.К., Лубышева Л.И. Спортивно ориентированное физическое воспитание: образовательный и социальный аспекты // Теория и практика физической культуры. 2003. − № 5. – С. 19–22.
12. Манжелей И.В., Иванова С.В. Средовый подход в организации физкультурно-спортивной работы с населением // ТиПФК. 2015.− № 12. С. 38–48.
13. Лукьянченко Н.В, Довыденко Л.В., Аликин И. А. Ценности успеха в представлении сту-

денческой молодежи поколения Z // Социальная психология и общество. 2019. – Т. 10, № 2. – С. 82-94.
14. Морозова И.А., Шевченко С.А., Кузьмина Е.В. Абитуриент вуза как представитель поколения z:личностные качества и ценностные ориентиры // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. − № 1.− С. 90–104.
15. Петрова Т.Н., Пьянзина Н.Н., Шиленко О.В. Организация занятий физической культурой и спортом в условиях спортивно-ориентированного физического воспитания в вузах // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2019. − № 3. − С. 35–41.
16. Фомичева Н.В., Поливаев А.Г., Волохина Н.А., Родионов А.Н. Технологии и подходы к организации учебного процесса по физической культуре в современной системе физкультурного образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. − № 6. − С. 61–64.
17. Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. – URL: https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml (дата обращения 08.08.2026)

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Arbuzov S.S., Pankrashchenko M.V., Tomilova S.V. Developing Universal Competencies in Technical-Major Students through Esports and Streaming in Physical Education Classes // Pedagogical Education in Russia. 2018. No. 8. P. 17–22.
2. Lubysheva L.I., Zagrevskaya A.I., Peredelsky A.A., et al. «Sportization» in the Physical Education System: From Scientific Concept to Innovative Practice. Moscow: Research and Publishing Center «Theory and Practice of Physical Culture and Sports», 2017. 200 p.
3. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.
4. Stillman D., Stillman J. Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace. New York: Harper Business, 2017. 320 p.
5. Twenge J.M. Generation Me: Why Today's Young Americans Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before. New York: Atria Books, 2006. 292 p.
6. Bogacheva N.V. Myths About «Generation Z»: A Scientific Analysis of Stereotypes // Report by the Center for Contemporary Childhood Research, Institute of Education, HSE University. Moscow, 2021. P. 1–64.
7. Sizova N.V. Forming Motivational Readiness for Physical Activity Among Students in the Context of the Digitalization of Education // Koncept. 2022. – No. 10. – P. 116–123.
8. Dutko Yu.A. Generation Z: Key Concepts, Characteristics, and Contemporary Research // Problems of Modern Education. 2020. – No. 4. – P. 28–37.
9. Shlegel E.V. Generation Z: Typical Traits and Value Orientations // Bulletin of the University for the Humanities. 2022. – No. 2 (37). – P. 122–130.
10. Teslenko A.N. Specifics of the Cognitive Socialization of Generation Z in the Context of the Digitalization of Education // DM. 2025. – No. 68. – P. 7–15.
11. Balsevich V.K., Lubysheva L.I. Sports-Oriented Physical Education: Educational and Social Aspects // Theory and Practice of Physical Culture. 2003. – No. 5. – P. 19–22.
12. Manzheley I.V., Ivanova S.V. An Environmental Approach to Organizing Physical Culture and Sports Activities for the General Public // TiPFK. 2015. – No. 12. – P. 38–48.
13. Lukyanchenko N.V., Dovydenko L.V., Alikin I.A. Values of Success as Perceived by Generation Z University Students // Social Psychology and Society. 2019. – Vol. 10, No. 2. – P. 82–94.
14. Morozova I.A., Shevchenko S.A., Kuzmina E.V. University Applicants as Representatives of Generation Z: Personal Qualities and Value Orientations // Issues in Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2023. No. 1. P. 90–104.
15. Petrova T.N., Pyanzina N.N., Shilenko O.V. Organization of Physical Education and Sports Activities within the Framework of Sports-Oriented Physical Education in Higher Education Institutions // Bulletin of Tula State University. Physical Culture. Sport. 2019. No. 3. P. 35–41.

16. Fomicheva N.V., Polivaev A.G., Volokhina N.A., Rodionov A.N. Technologies and Approaches to Organizing the Physical Education Process within the Modern System of Physical Education // Siberian Pedagogical Journal. 2013. No. 6. P. 61–64.
17. Sberbank Research: 30 Facts About Today's Youth. – URL: https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml (accessed August 8, 2026).

Иванова Ирина Борисовна, старший преподаватель кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин, Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail.ru: ivanovaib@yandex.ru

Irina Ivanova, Senior Lecturer at the Department of History, Law and Humanitarian Disciplines, North Caucasus Institute – Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: ivanovaib@yandex.ru

УДК 347.61

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Милана Маргушева,
ведущий юрист юридической компании «Юрчесть», г. Пятигорск, Российская Федерация.

Аннотация. В современном обществе, где динамичные изменения в законодательстве и правоприменительной практике играют ключевую роль в обеспечении прав и свобод граждан, мониторинг законодательства и правоприменительной практики становится неотъемлемым элементом обеспечения гармонии и эффективности правовой системы.

Работа осуществлена на основе анализа ключевых аспектов правового регулирования изучаемого вопроса, в том числе механизмов мониторинга, позволяющих оценивать эффективность правовых норм и правоприменительной практики, включая изменения в законодательстве, судебные решения и административные действия.

Ключевые слова: семейные отношения, иностранные граждане, лица без гражданства, заключение брака, расторжение брака, фиктивный брак, правовое регулирование.

LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS INVOLVING FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

Margusheva M.

Abstract. In modern society, where dynamic changes in legislation and law enforcement practice play a key role in ensuring the rights and freedoms of citizens, monitoring legislation and law enforcement practice is becoming an integral element of ensuring the harmony and effectiveness of the legal system.

The study draws on an analysis of the key aspects of the legal regulation of the issue under examination. This includes monitoring mechanisms designed to assess the effectiveness of legal norms and law enforcement practices, such as legislative changes, court decisions and administrative actions.

Keywords: family relations, foreign citizens, stateless persons, marriage, divorce, fictitious marriage, legal regulation.

Введение. Современный мир характеризуется глубокой глобализацией, которая затрагивает не только экономику и политику, но и частную жизнь людей. В результате активной миграции, развития туризма и деловых контактов растет число семейных союзов между гражданами разных стран. Это создает объективную потребность в правовом регулировании отношений с так называемым иностранным элементом.

Многообразие законов, регулирующих такие семейные отношения, требует серьезного теоретического осмысления. Законодательства разных государств зачастую кардинально расходятся в подходах к ключевым вопросам: условиям заключения брака, правам и обязанностям супругов, а также порядку расторжения союза. Более того, само понятие брака в разных правовых системах трактуется неодинаково: если в отечественной традиции это союз мужчины и женщины, то в ряде зарубежных стран подходы иные.

Цель данной работы – изучить специфику правового регулирования семейных отношений с участием иностранцев и лиц без гражданства, выявить пробелы и коллизии в законодательстве. Помимо этого, на основе эмпирических данных предполагается оценить отношение молодёжи к подобным бракам и наметить пути совершенствования правовой базы. Совершенствование механизмов регулирования в данной сфере по-прежнему

остается актуальной задачей и требует приведения национальных норм в соответствие с принципами международного права. Особую остроту тема приобретает в свете необходимости выработать действенные меры противодействия негативным явлениям, сопутствующим интернационализации брачных отношений, – прежде всего практике заключения фиктивных браков ради получения миграционно-правовых преимуществ.

Методы. Исследование включает два взаимосвязанных этапа: теоретический анализ и эмпирическое исследование.

На первом этапе был проведён обзор и систематический анализ отечественных и зарубежных научных публикаций по проблеме правового регулирования семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства. Особое внимание уделялось работам А.М. Нечаевой [1], Л.П. Герасимовой [2], О.А. Хазовой [3], И.Л. Корнеевой [4], С.В. Агапова [6], Е.А. Губаренко [7], О.Г. Григорьевой [8], А.Н. Тарасенковой [9], а также положениям Семейного кодекса РФ [5] и международных договоров, включая Конвенцию о статусе апатридов [10].

На втором этапе было проведено эмпирическое исследование с использованием метода анализа судебной статистики и онлайн–анкетирования. Инструментом исследования выступила авторская анкета «Семейные отношения с иностранным элементом», разработанная для выявления: отношения респондентов к бракам с иностранными гражданами и лицами без гражданства; факторов, ограничивающих заключение таких браков; предпочтений в выборе форм правовой защиты; частоты обращения к юридической помощи; мотивационных установок. Анкета была разработана на основе анализа типичных барьеров и стимулов [1, 4, 9].

Выборка составила 92 студента Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС. Возраст респондентов варьировался от 16 до 21 года. Выборка является целевой (студенты-первокурсники) и доступной, что обусловлено исследовательскими задачами – изучение первичных установок молодёжи на начальном этапе вузовского обучения.

Сбор данных проводился в апреле 2026 года с использованием платформы Яндекс.Форма. Участие было добровольным и анонимным. Обработка данных осуществлялась методами описательной статистики с использованием Microsoft Excel.

Результаты. В исследовании приняли участие 92 респондента в возрасте от 16 до 21 года, из них 50 женщин (54,3%) и 42 мужчины (45,7%). Распределение по направлениям подготовки: государственное и муниципальное управление – 27,2%, юриспруденция – 25%, менеджмент – 25%, экономика – 22,8%.

На вопрос «Считаете ли Вы допустимым заключение брака с иностранным гражданином?» положительно ответили 41 человек (44,6%), отрицательно – 51 человек (55,4%). При этом на вопрос «Готовы ли Вы лично вступить в брак с иностранным гражданином?» 86 человек (93,5%) ответили «Нет», 6 человек (6,5%) – «Да». Таким образом, декларативная толерантность сочетается с низкой личной готовностью к таким бракам (Рисунок 1).

Среди барьеров, препятствующих заключению браков с иностранными гражданами, респонденты указали: нехватку информации о правовых последствиях – 42 человек (45,7%), отсутствие мотивации – 27 человек (29,3%), состояние здоровья – 13 человек (14,1%). Ещё 10 человек (10,9%) отметили, что им ничего не мешает. Среди указавших «нехватку информации» большинство составляют студенты, совмещающие учёбу с подработкой или активно участвующие в общественной жизни вуза. Среди указавших «отсутствие мотивации» преобладают женщины – 20 из 27.

На вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с правовыми проблемами в семейных отношениях с иностранным элементом?» ответы распределились следующим образом: два-три раза в год – 43 человека (46,7%), более трёх раз в год – 21 человек (22,8%), один раз в год – 16 человек (17,4%), вообще не сталкиваюсь – 12 человек (13,0%). Регулярно сталкиваются с такими проблемами 69,5% студентов, 30,5% – нерегулярно или вовсе не сталкиваются. Среди 28 нерегулярно сталкивающихся 23 человека в качестве основной причины указали нехватку информации (Рисунок 2).

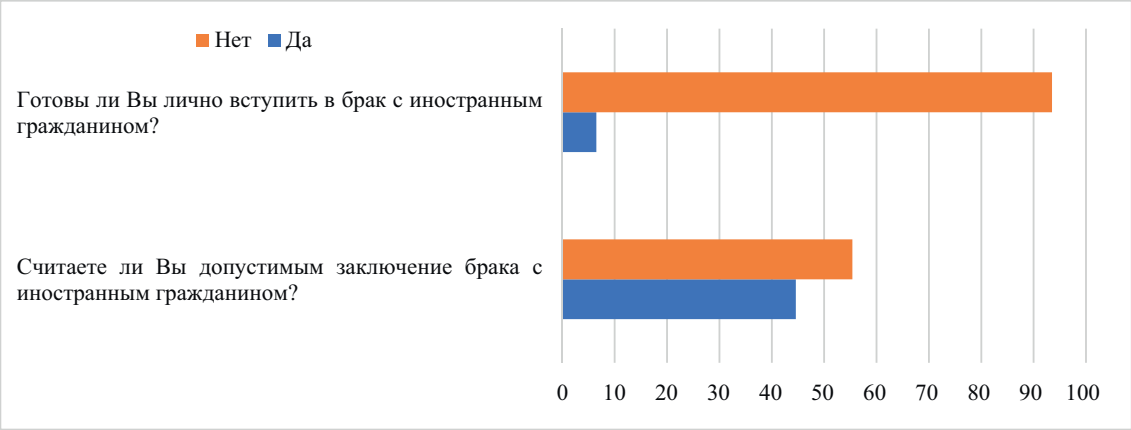

Рисунок 1. Соотношение ответов респондентов на вопросы «Считаете ли Вы допустимым заключение брака с иностранным гражданином?» и «Готовы ли Вы лично вступить в брак с иностранным гражданином?»

Источник: составлено автором

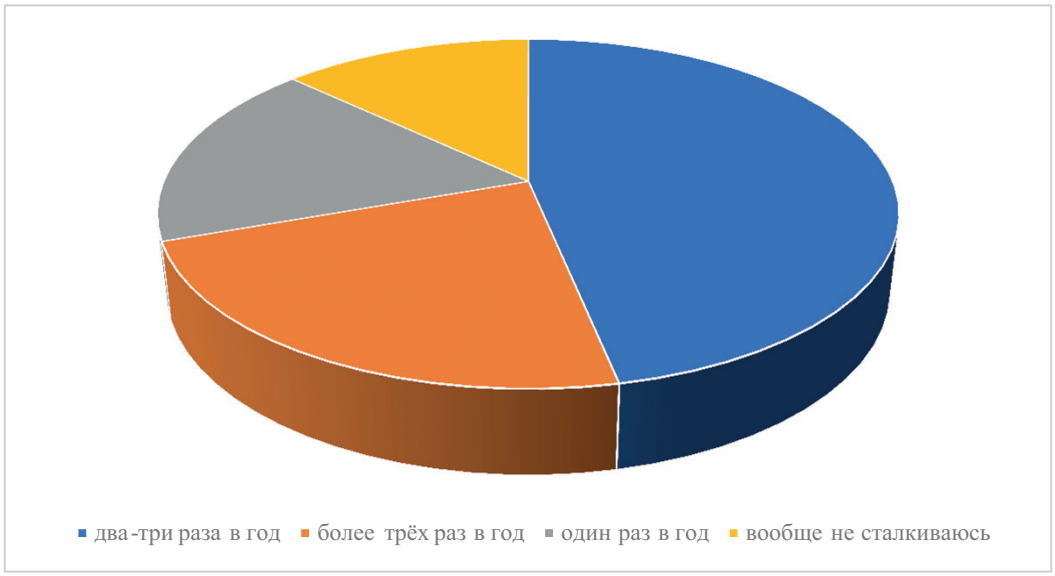

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с правовыми проблемами в семейных отношениях с иностранным элементом?»

Источник: составлено автором

На вопрос «Какие формы разрешения семейных споров с иностранным элементом Вы считаете наиболее эффективными?» 65 человек (70,7%) отдали предпочтение индивидуальным формам (консультации юриста, медиация), 27 человек (29,3%) – коллективным (судебные процессы). У 49 человек (53,3%) есть опыт обращения к юристам по вопросам семейного права, а 43 человека (46,7%) хотели бы продолжить или начать такую практику.

На дополнительный вопрос «С какими категориями семейных отношений с иностранным элементом Вы сталкивались (или допускаете возможность столкновения)?» 85 респондентов (92,4%) указали хотя бы одну категорию, 7 человек (7,6%) отметили, что не сталкивались. Второй по популярности категорией стали браки с гражданами стран СНГ – 24 респондента (26,1%). Браки с гражданами дальнего зарубежья указали 23 респондента (25,0%), браки с лицами без гражданства – 16 респондентов (17,4%), браки с несколькими иностранными гражданствами – 7 рес-

пондентов (7,6%), затруднились ответить – 22 респондента (23,9%).

На вопрос «Где Вы предпочитаете решать правовые вопросы, связанные с семейными отношениями?» 60 человек (65,2%) ответили «в суде», 32 человека (34,8%) – «во внесудебном порядке».

Отдельно был задан вопрос о знании международных договоров, регулирующих семейные отношения с иностранным элементом. Лишь 18 человек (19,6%) смогли назвать хотя бы одну Гаагскую конвенцию, 74 человека (80,4%) затруднились с ответом. Этот результат подтверждает вывод о недостаточной правовой осведомлённости студентов в вопросах международно-правового регулирования семейных отношений.

На вопрос «Считаете ли Вы необходимым ратификацию Россией Гаагских конвенций по семейному праву?» 57 человек (62,0%) ответили «Да», 19 человек (20,7%) – «Нет», 16 человек (17,4%) затруднились с ответом.

Заключение. Проведённое исследование позволило сформулировать ряд выводов, касающихся правового регулирования семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

Доктринальный анализ определения брака показывает, что в российской правовой традиции брак понимается как добровольный, равноправный и моногамный союз мужчины и женщины, заключённый по установленным законом правилам. Он порождает комплекс личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей. Эта конструкция лежит в основе регулирования семейных отношений с иностранным элементом. Но когда в брак вступают граждане разных государств, встаёт вопрос о критериях действительности брачного союза. Возникает коллизионная проблема, для решения которой нужны специальные механизмы.

Результаты анкетирования 92 студентов Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС показали, что декларативная толерантность к бракам с иностранными гражданами (44,6% положительных ответов) сочетается с крайне низкой личной готовностью к таким бракам (лишь 6,5% выразили готовность). Основным барьером респонденты назвали нехватку информации о правовых последствиях (45,7%), что указывает на недостаточный уровень правовой осведомлённости молодёжи в вопросах семейного права с иностранным элементом. Показательно, что лишь 19,6% респондентов смогли назвать хотя бы одну Гаагскую конвенцию, регулирующую семейные отношения с иностранным элементом, тогда как 62% высказались за ратификацию Россией соответствующих международных договоров.

Полученные данные подтверждают необходимость совершенствования правового регулирования по нескольким направлениям. Во-первых, целесообразно рассмотреть вопрос о ратификации Российской Федерацией Гаагских конвенций «семейно-правового» характера, в частности Конвенции о заключении и признании действительности браков 1978 г. и Конвенции о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 г. Присоединение к этим международным договорам способствовало бы не только унификации правовых норм, но и повышению уровня правовой защищённости участников семейных отношений с иностранным элементом [8].

Во-вторых, заслуживает внимания положительный зарубежный опыт противодействия фиктивным бракам. В Германии регистрация брачных отношений с иностранными гражданами осуществляется при условии прохождения длительной проверки со стороны миграционной службы, что позволяет выявить случаи заключения брака без намерения создать семью. В ряде западных стран фиктивный брак квалифицируется как мошенничество и влечёт наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Данный опыт мог бы быть учтён при совершенствовании российского законодательства, в частности, путём увеличения срока рассмотрения заявлений о регистрации брака с иностранными гражданами и усиления ответственности за заключение фиктивных браков [9].

В-третьих, в качестве одной из мер профилактики семейных конфликтов с участием иностранных граждан мог бы выступить инс-

титут медиации. Как показывает зарубежный опыт, медиативные процедуры способствуют созданию конструктивного диалога между супругами на досудебной стадии, что особенно важно в делах с иностранным элементом, где конфликт зачастую усугубляется различием правовых культур. В настоящее время российское законодательство предусматривает возможность заключения мирового соглашения лишь по требованиям неимущественного характера, что существенно ограничивает потенциал досудебного урегулирования [7]. Представляется целесообразным дополнить Семейный кодекс РФ положениями, закрепляющими возможность применения процедуры медиации при разрешении семейных споров с участием иностранных граждан, а также рассмотреть вопрос о законодательном закреплении обязательной досудебной медиации по отдельным категориям таких споров.

Существующее правовое регулирование семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства характеризуется наличием ряда пробелов, в частности, в вопросах определения применимого права к апатридам, не имеющим постоянного места жительства, а также в вопросах унификации подходов Семейного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ к определению личного закона лица без гражданства. Отметим, что распространение фиктивных браков требует комплексного противодействия, включающего как ужесточение контроля за деятельностью органов ЗАГС и увеличение срока рассмотрения заявлений о регистрации брака, так и усиление мер юридической ответственности.

Таким образом, правовое регулирование семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства нуждается в дальнейшем совершенствовании. Основные направления такого совершенствования связаны с ратификацией международных договоров, унификацией коллизионных норм, детализацией правового статуса апатридов, усилением противодействия фиктивным бракам и внедрением медиативных процедур. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность правового регулирования и обеспечить надлежащую защиту прав участников семейных отношений с иностранным элементом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 251 с.
2. Герасимова Л.П. Семейное право. Москва: Юрайт, 2006. – 126 с.
3. Хазова О.А. Брак и развод в буржуазном семейном праве: Сравнительно–правовой анализ / Отв. ред. А.А. Рубанов. – М.: Наука, 2018. – 170 с.
4. Корнеева И.Л. Семейное право: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 285 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. – № 1. – Ст. 16.
6. Агапов С.В. Семейное право: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2024. – 208 с.
7. Губаренко Е.А. Семейные споры. Комментарии законодательства. Адвокатская и судебная практика. – М.: Эксмо, 2020. – 480 с.
8. Григорьева О.Г. Гаагские конвенции «семейно–правового» характера: анализ положений и перспективы ратификации Россией // Социально–политические науки. 2018. – № 2. – С. 42–47.
9. Тарасенкова А.Н. Правовые аспекты семейных отношений: ответы на вопросы и комментарии. – М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. – Вып. 13. – 144 с.
10. Конвенция о статусе апатридов. Принята 28 сентября 1954 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (дата обращения: 01.05.2026)

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Nechaeva A.M. Family law: a textbook for universities. 9th ed., revised. and additional – M.: Yurait, 2024. – 251 p.
2. Gerasimova L.P. Family law. Moscow: Yurit, 2006. – 126 p.
3. Khazova O.A. Marriage and divorce in bourgeois family law: Comparative Legal Analysis / Ed. by A.A. Rubanov, Moscow: Nauka Publ., 2018, 170 p.
4. Korneeva I.L. Family law: textbook and practice for universities, 4th ed., revised. and additional – M.: Yurait, 2024. – 285 p.
5. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on 03/23/2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Article 16.
6. Agapov S.V. Family law: textbook and practice for universities. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt, 2024. – 208 p.
7. Gubarenko E.A. Family disputes. Legislative comments. Law and judicial practice. Moscow: Eksmo, 2020. 480 p.
8. Grigorieva O.G. The Hague conventions of a "family–legal" nature: an analysis of the provisions and prospects for ratification by Russia // Socio–political Sciences. – 2018. – No. 2. – P. 42–47.
9. Tarasenkova A.N. Legal aspects of family relations: answers to questions and comments. – M.: Biblioteka Rossiyskaya Gazeta, 2014. – Issue. 13. – 144 p.
10. Convention relating to the Status of Stateless Persons. Adopted on September 28, 1954. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml (accessed: 01.05.2026)

Маргушева Милана Зауровна, ведущий юрист юридической компании «Юрчесть», ассистент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: margusheva.milana@inbox.ru

Milana Margusheva, Senior Lawyer at the legal company «Yurchest», Assistant at the Department of Legal Support for the Activities of Government Bodies, North Caucasus Institute − Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: margusheva.milana@inbox.ru

УДК 94(470.6).08

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX − НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Габриэль Севумян, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 20, г. Минеральные Воды

Аннотация. Проблема данного исследования состоит в выявлении механизма перехода от сословно-зависимого землепользования к сочетанию общинной и частной собственности на Северном Кавказе.

В работе применены сравнительно-исторический, историко-правовой и количественный методы, установлена также региональная последовательность преобразований, включавшая межевание, освобождение зависимого населения, образование аульных наделов и частных владений.

Сопоставление данных по Терской, Кубанской и Дагестанской областям выявило неодинаковую обеспеченность освобождённых землёй.

Ключевые слова: Северный Кавказ, крестьянская реформа, земельные отношения, общинное землевладение, частная собственность, Терская область, Кубанская область, Дагестан.

PEASANT REFORM AND THE TRANSFORMATION OF LAND RELATIONS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES

Sevumyan G.

Abstract. The research problem concerns the transition from estate-based dependent land use to a combination of communal and private ownership in the North Caucasus. Comparative-historical, historical-legal, and quantitative methods are applied.

The study identifies a regional sequence of land surveying, emancipation, creation of aul allotments, and formation of private estates.

Comparison of the Terek, Kuban, and Dagestan regions reveals unequal access to land among emancipated groups.

Keywords: North Caucasus, peasant reform, land relations, communal tenure, private ownership, Terek region, Kuban region, Dagestan.

Введение. Объектом данного исследования выступают земельные отношения на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., а предметом − правовые режимы земли, порядок освобождения зависимого населения, деятельность сословно-поземельных комиссий и последствия перехода к общинной либо частной собственности.

Актуальность обусловлена неодинаковой хронологией реформ в Ставропольской губернии, Терской, Кубанской и Дагестанской областях. Манифест и положения 19 февраля 1861 г. предоставили помещичьим крестьянам личную свободу, но сохранили переходный режим повинностей и выкупа земельных наделов [1]. Для горских обществ распространение общероссийских норм оказалось невозможным из-за различий в сословной структуре, обычном праве, размещении аулов и правовом статусе земель.

Источниками исследования являются опубликованные материалы Кавказского горского управления, очерк об освобождении зависимых сословий Терской области [2], работа П.А. Гаврилова о поземельном устройстве горских племён [3] и отчёт главнокомандующего Кавказской армией за 1863–1869 гг. [4]. Обобщающая история позволит нам раскрыть место аграрных преобразований в социально-экономическом развитии региона [5].

П.А. Кузьминов сопоставил земельную и сословную политику 1860-х гг., уделив внимание различиям между общероссийской и горской моделями освобождения [6]. Научная литература довольно подробно освещает отдельные территории и категории населения, однако единая схема перехода от личной зависимости к смешанному землевладению, а затем к индивидуализации начала XX в. всё же разработана гораздо слабее [17].

Цель исследования состоит в определении направлений трансформации земельных отношений под влиянием крестьянской реформы и последующих аграрных мер. Для достижения данной цели сопоставлены правовые основания преобразований, региональные сроки освобождения, формы наделения землей, количественные итоги и институциональные ограничения. Научная новизна работы состоит в объединении двух периодов в одной аналитической модели.

Методы. Сравнительно-исторический метод применен для выявления различий между Ставропольской губернией и горскими областями. Источниковедческая критика использована при оценке административных отчетов и публикаций Кавказского горского управления.

Результаты. Реформа 1861 года не образовала единого порядка для всего Северного Кавказа, в частности в Ставропольской губернии действовали общероссийские положения. В 49 помещичьих имениях насчитывалось 13 453 человека обоего пола, получивших личную свободу после публикации манифеста в марте того же года [6]. В горских округах Терской и Кубанской областей сословные категории, права на пастбища, пашни и леса определялись местными нормами. Создание Терской и Кубанской областей в 1860 году усилило роль гражданских учреждений при сохранении военно-народного управления [5; 6].

На равнине и в предгорьях Кавказа значительные площади признавались казенными. Аульные общества получали общий надел, распределяемый между дворами, а представители княжеских, дворянских и служилых групп приобретали участки уже в частную собственность [3; 4; 6]. Межевание, формирование аульной территории и определение частных участков нередко предшествовали окончательному прекращению личной зависимости [13].

Сословно-поземельные комиссии и мировые посреднические суды собирали сведения о границах аульных земель, составе зависимых групп, владельческих притязаниях и нормах адата. Подготовленные материалы поступали потом начальнику области, а затем в центральный Кавказский комитет [14]. Посреднический суд включал представителей администрации, окружного суда и заинтересованных сословий; он содействовал заключению соглашений о выкупе и удостоверял прекращение личной зависимости. Освобождённому выдавалось свидетельство установленной формы [2; 6].

Условия выкупа зависели, прежде всего, от возраста, пола и местного обычая. Для трудоспособного лица в возрасте от 15 до 45 лет сумма обычно составляла 180-200 руб., а для несовершеннолетнего применялся лимит в 150 руб. При отсутствии единовременной выплаты вводился срок временной обязанности до 6 лет (годовой труд мужчины оценивался в 35–70 руб., годовой труд женщины в 25–40 руб.). Казна направила на проведение освобождения значительные средства – 152 тыс. руб.

В Кабардинском округе 174 владельца получили 40 тыс. руб. за безвозмездное освобождение 771 человека, а малоимущим семьям выдавали средства на обзаведение хозяйством [6]. Региональные сроки и механизмы сведены в таблице 1.

Юридическое освобождение, межевание и формирование имущественного титула шли с разной скоростью. В Терской области освобождение 23 976 человек пришлось на период 1866–1867 гг. В Кубанской области к реформе 1868–1869 гг. отнесены 16 500 зависимых крестьян [6].

Получение свободы прекращало личное подчинение владельцу, однако хозяйственная самостоятельность зависела от размера аульного надела, доступа к пастбищам, наличия инвентаря, а также возможности арендовать землю.

Таблица 1. Региональные варианты проведения крестьянской реформы

Территория	Период	Механизм
Ставропольская губерния	1861 г.	общероссийские положения, уставные грамоты, выкуп
Терская область	1866–1867 гг.	сословно-поземельные комиссии, посреднические суды, соглашения о выкупе
Кубанская область	1868–1869 гг.	местные правила после размежевания и административного устройства
Дагестанская область	1866–1868 гг. и 1913 г.	поэтапная отмена рабства, зависимости чагар и позднее райят

Источник: составлено автором на основании [1; 2; 5; 6; 8; 9].

Переход к аульному наделу менял содержание земельного спора – до межевания конфликт часто касался принадлежности территории обществу или владельцу, а уже после установления внешних границ предметом разбирательства становились подворное распределение пашни, очередность пользования сенокосами, допуск к лесу, водопоям и сезонным пастбищам [16].

Община сохраняла распределительную функцию (но уже внутри территории, признанной администрацией). Частный собственник получал документированный участок и возможность хозяйственного оборота [3; 4]. Государственная подать постепенно заменяла прежние личные платежи и отработки владельцу.

Крестьянская реформа была проведена в 1867 г., а полное земельное устройство завершалось решениями, принятыми в период 1869–1870 гг. [7]. Журнал Кавказского комитета от 23 декабря 1869 г. предусматривал выделение 83 550 десятин из общей площади (распределение данного фонда представлено в таблице 2).

Таблица 2. Показатели частного землевладения в Кабарде согласно проекту 1869–1870 гг.

Показатель	Значение	Правовое назначение
Общий фонд	83 550 десятин	выделение из общественного массива для частных пожалований и резерва
Частные участки	59 550 десятин (144 участка)	вечное и потомственное владение почётных представителей Большой Кабарды
Запасные земли	24 000 десятин	резерв земельного устройства
Нормы для сословных групп	300 десятин князю (250 десятин дворянину)	индивидуальные участки по происхождению, прежним правам и служебным заслугам
Семейная долевая собственность	28 участков (14 900 десятин)	совместное владение родственников без немедленного дробления участка

Источник: составлено автором на основании [7].

Отвод 59 550 десятин в частную собственность способствовал формированию юридической основы дальнейшей продажи, залога и аренды земли. Одновременно с этим частные владельцы сохраняли право пользования общественными угодьями и не выпадали из аульной хозяйственной среды [7].

Смешанный режим защищал положение элиты после утраты сословной власти, а также усиливал различия между собственником и бывшим зависимым. Новоабуковское общество после освобождения продолжало арендовать землю у Б. Абукова. За 6 лет число дворов выросло с 46 до 71. Просьба 46 дворов об отводе 1 500 десятин в 1876 г. не была удовлетворена, а вопрос о самостоятельном наделе решился лишь в 1903 г. [7]. Дагестанская область отличалась фрагментарностью

введения реформы. Преобразования затронули лишь шамхальство Тарковское, Мехтулинское ханство, Присулакское наибство и Кумыкский округ [8; 9]. В 1866 году был создан специальный комитет для подготовки правил освобождения рабов. Освобождённым выдавали документы, приписывали их к сельским обществам и предоставляли восьмилетнее освобождение от налогов (земельный надел предоставлялся не повсеместно). В Кумыкском округе 1 056 чагар получили свободу и землю без выкупа, тогда как многие бывшие рабы и чагары других владений и вовсе остались без самостоятельного участка [9].

К концу XIX в. смешанная структура землевладения стала более устойчивой: аульные общества распоряжались общими наделами, казачьи войска обладали сословными земельными фондами, а частные владельцы участвовали в купле-продаже, аренде и залоге участков [5; 6]. Рост населения и переселение, в свою очередь, усиливали конкуренцию за равнинные пашни и пастбища. Малоземелье затрагивало горское крестьянство, иногородние группы в казачьих областях не обладали равными правами на войсковые наделы, а часть освобождённых семей зависела от аренды [15]. То есть рынок земли расширялся, но доступ к нему также определялся имущественным положением и местным режимом собственности.

Указ 9 ноября 1906 г. предоставил домохозяину право требовать укрепления общинного надела в личную собственность. Закон 14 июня 1910 г. развил данную норму, а Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г. закрепило выделение отрубных участков, разверстание угодий и устранение чересполосицы [10].

В 1906 г. при наместнике Кавказа начала работу землеустроительная комиссия под председательством Я.С. Медведева [11]. Исследование О.Г. Карапковой подтверждает неравномерность реализации программы в северокавказских территориях в 1906–1911 гг. [12]. Столыпинские меры продолжили индивидуализацию, начатую частными пожалованиями 1860–1870-х гг., но объектом преобразований стало уже крестьянское надельное владение. В Ставропольской губернии общероссийские нормы имели более прямую сферу применения.

Юридическое укрепление имеющегося надела не давало прибавки малоземельному двору. Покупка участка при содействии Крестьянского поземельного банка требовала платежеспособности [11; 12].

Сопоставляя все эти данные, можем выделить три последовательные фазы. В 1860-х гг. преобладала ликвидация личной зависимости, в период 1860–1870-х гг. проводились межевание, образование аульных наделов и частных владений, а уже после 1906 года центр аграрной политики переместился к индивидуальному титулу и землеустройству.

В Дагестане освобождение отдельных райят завершилось лишь в 1913 г., когда в других частях региона уже действовали нормы индивидуального укрепления земли.

Заключение. Исследование установило поэтапный характер внедрения крестьянской реформы на Северном Кавказе. Общероссийский акт 1861 г. непосредственно действовал в Ставропольской губернии, а в горских областях освобождение зависимого населения оформлялось местными административными решениями в 1866–1869 гг.

Земельное устройство служило одновременно хозяйственным, фискальным и политико-административным целям. Кабардинская реформа создала частные участки элиты внутри сохранявшейся общинной среды. Законодательство 1906–1911 гг. усилило индивидуализацию, но всё же не устранило региональные ограничения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Обозрение высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1861. – IV, 191 с.
2. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области [Текст] //

Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1868. – Вып. 1. – Отд. VIII. – С. 37–47.
3. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа [Текст] / П.А. Гаврилов // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1869. – Вып. 2. – Отд. VII. – С. 1–75.
4. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. [Текст]. – Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов, 1870. – 131 с.
5. История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. 1917 г. [Текст] / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – Москва: Наука, 1988. – 659 с.
6. Кузьминов П.А. Земельные и социальные преобразования на Северном Кавказе в контексте российских реформ 60-х гг. XIX в. [Текст] / П.А. Кузьминов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. – № 4. – С. 10–16.
7. Дышеков М.В. К вопросу о земельной реформе 1870 года в Кабарде [Текст] / М.В. Дышеков, З.Т. Мирзоев // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. – № 4. – С. 100–104.
8. Халифаева А.К. Аграрная реформа в Дагестане во второй половине XIX в. [Текст] / А.К. Халифаева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. – № 4. – С. 82–89.
9. Далгат Э.М. Трансформация социальных отношений в Дагестане в условиях модернизации России в 60–70-х гг. XIX в. [Текст] / Э.М. Далгат // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. – № 2. – С. 60–65.
10. Кукаретин М.В. Сборник законов 14-го июня 1910 года об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении и 29-го мая 1911 года о землеустройстве [Текст] / сост. М.В. Кукаретин. – Пермь: Типолитография губернского правления, 1911. – [4], 530, VI, 10 с.
11. Глашева З.Ж. Общие принципы проведения столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе [Текст] / З.Ж. Глашева // Культурная жизнь Юга России. 2008. – № 3 (28). – С. 125–127.
12. Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе, 1906–1911 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: [Текст] / Карапкова Олеся Григорьевна. – Москва, 2008. – 165 с.
13. Докладная записка начальника Дагестанской области главнокомандующему Кавказской армией о мерах по ограничению крепостного права в Дагестане. 30 марта 1861 г. [Текст] // ЦГИА ГрузССР. – Ф. 416. – Оп. 3. – Д. 1034. – Л. 1–3.
14. Выписка с рапорта начальника Терской области помощнику главнокомандующего Кавказскою армиею от 6 декабря 1865 г. № 3277 [Текст] // ЦГА КБССР. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20–24.
15. О распределении земель Большой Кабарды (1869 г.) [Текст] // ЦГВИА. – Ф. 400. – Аз. ч. – 1869 г. – Д. 38. – Л. 1–21.
16. Рапорт начальника Горского управления начальнику Дагестанской области по проекту программы занятий Южнодагестанской сословно-поземельной комиссии. 26 мая 1870 г. [Текст] // ЦГА ДАССР. – Ф. 150. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1–5.
17. Кузьминов, П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении: монография [Текст] / П.А. Кузьминов. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2009. – 235 с.
18. Кузьминов, П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии [Текст] / П.А. Кузьминов. – Нальчик: Печатный двор, 2011. – 531 с.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Review of the Imperially Approved Regulations of 19 February 1861 on Peasants Liberated from Serfdom [Text]. – Saint Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1861. – IV, 191 p.
2. Liberation of Dependent Estates in All Mountain Districts of the Terek Region [Text] // Collection of Information on the Caucasian Mountaineers. – Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1868. – Issue 1. – Section VIII. – P. 37–47.
3. Gavrilov P.A. Organization of Land Tenure among the Mountain Tribes of the North Caucasus [Text] / P.A. Gavrilov // Collection of Information on the Caucasian Mountaineers. – Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1869. – Issue 2. – Section VII. – P. 1–75.
4. Most Submissive Report of the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on the Military-Popular Administration for 1863–1869 [Text]. – Saint Petersburg: Printing House of the Department of Appanages, 1870. – 131 p.
5. History of the Peoples of the North Caucasus from the Late Eighteenth Century to 1917 [Text] / executive editor A. L. Narochnitsky. – Moscow: Nauka, 1988. – 659 p.
6. Kuzminov P.A. Land and Social Transformations in the North Caucasus in the Context of the Russian Reforms of the 1860s [Text] / P.A. Kuzminov // University News. North Caucasian Region. Social Sciences. 2003. – No. 4. – P. 10–16.
7. Dyshekov M.V. On the Land Reform of 1870 in Kabarda [Text] / M.V. Dyshekov, Z.T. Mirzoev // Legal Policy and Legal Life. – 2013. – No. 4. – P. 100–104.
8. Khalifaeva A.K. Agrarian Reform in Dagestan in the Second Half of the Nineteenth Century [Text] / A. K. Khalifaeva // University News. North Caucasian Region. Social Sciences. – 2004. – No. 4. – P. 82–89.
9. Dalgat E.M. Transformation of Social Relations in Dagestan amid Russia's Modernization in the 1860s and 1870s [Text] / E.M. Dalgat // Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography. 2014. – No. 2. – P. 60–65.
10. Kukaretin M.V. Collection of the Laws of 14 June 1910 on Amendments and Additions to Certain Provisions on Peasant Landownership and of 29 May 1911 on Land Management [Text] / compiled by M.V. Kukaretin. – Perm: Typolithography of the Provincial Administration, 1911. – [4], 530, VI, 10 p.
11. Glasheva Z.Zh. General Principles of the Stolypin Agrarian Reform in the North Caucasus [Text] / Z. Zh. Glasheva // Cultural Life of Southern Russia. 2008. – No. 3 (28). – P. 125–127.
12. Karapkova O. G. Development and Implementation of the Stolypin Agrarian Reform in the North Caucasus, 1906–1911: Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences [Text] / Olesya Grigoryevna Karapkova. – Moscow, 2008. – 165 p.
13. Memorandum from the Head of the Dagestan Region to the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on Measures to Restrict Serfdom in Dagestan. March 30, 1861 [Text] // Central State Historical Archive of the Georgian SSR. – Fonds 416. – Inventory 3. – File 1034. – Folios 1–3.
14. Extract from the Report of the Head of the Terek Region to the Assistant Commander-in-Chief of the Caucasian Army, dated December 6, 1865, No. 3277 [Text] // Central State Archive of the Kabardino-Balkarian SSR. – Fonds 40. – Inventory 1. – File 7. – Folios 20–24.
15. On the Distribution of Lands in Greater Kabarda (1869) [Text] // Central State Military Historical Archive. – Fonds 400. – Asiatic Section. – 1869. – File 38. – Folios 1–21.
16. Report from the Head of the Mountain Administration to the Head of the Dagestan Region on the Draft Work Programme of the South Dagestan Commission on Estate and Land Affairs. May 26, 1870 [Text] // Central State Archive of the Dagestan ASSR. – Fonds 150. – Inventory 1. – File 4. – Folios 1–5.

17. Kuzminov, P.A. The Era of Reforms of the 1850s-1870s among the Peoples of the North Caucasus in Pre-Revolutionary Caucasian Studies: [Text] / P. A. Kuzminov. – Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2009. – 235 p.
18. Kuzminov, P.A. The Era of Transformations of the 1850s–1870s among the Peoples of the North Caucasus in Recent Historiography [Text] / P.A. Kuzminov. – Nalchik: Pechatny Dvor, 2011. – 531 p.

Севумян Габриэль Манвелович, учитель истории и обществознания, МБОУ СОШ № 20 г. Минеральные Воды; аспирант, Северо-Кавказский институт − филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: 777milan777@mail.ru

Gabriel Sevumyan, teacher of history and social studies, MBOU Secondary School No. 20, Mineralnye Vody; postgraduate student at the North Caucasus Institute − branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: 777milan777@mail.ru

УДК 347.1

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВРАЧА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Юлия Слепенок,
Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиала ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье проведен анализ нормативно-правового регулирования медицинской деятельности, а также анализ правового статуса врача, особенностей правового статуса врача в Российской Федерации. Актуальность обусловлена многолетними научными дискуссиями в области определения правового статуса врача. В ходе исследования выявлено, что законодательство об охране здоровья содержит существенные дефекты и пробелы правового регулирования статуса врача и медицинских работников в целом. Огромное количество нормативных документов, регулирующих отношения в области здравоохранения, объясняет повышенный интерес научно-экспертного сообщества.

Ключевые слова: законодательство, медицина, врач, правовое положение, нормативно-правовой акт, труд, военное время, война, боевая операция.

LEGAL STATUS OF A DOCTOR: THE MAIN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Slepenok Yu.

Abstract. This article provides an analysis of the regulatory framework governing medical practice, as well as an examination of the legal status of physicians–specifically within the context of the Russian Federation. The relevance of this topic stems from long-standing academic debates regarding the definition of a physician's legal status. The study reveals that healthcare legislation contains significant flaws and gaps concerning the legal status of physicians and medical professionals in general. The vast number of regulatory documents governing relations within the healthcare sector accounts for the heightened interest among the scientific and expert community.

Keywords: legislation, medicine, doctor, legal status, regulatory legal act, labor, wartime, war, combat operation.

Введение. Особенности правового статуса медицинского работника в Российской Федерации – это предмет острых дискуссий, раскрывающих нерешенные законодателем отдельные вопросы, что в свою очередь порождает множество споров и проблем в правоприменительной и судебной практике. Так, например, законодательство об охране здоровья содержит пробелы правового регулирования статуса врача и медицинских работников. Проводя анализ отечественной и мировой литературы в области определения правового статуса врача, приходишь к выводу, что это комплексный институт, находящийся на стыке нескольких отраслей, таких как трудовое, административное, гражданское и уголовное. Следует отметить, что нет определенности в понятиях «медицинский работник», «врач», «лечащий врач», что указывает на необходимость исследования данного понятия, законодательного закрепления и внесения ясности в юридическое содержание указанного понятия.

Правовое регулирование труда медиков, определение правового статуса медицинского работника, а также пути решения существующих проблем, в настоящее время переживают этап значительных преобразований, вызванных стремительными изменениями как в медицинской сфере, так и в законодательной практике.

Ситуацию усложняет значительный массив нормативно-правовых актов, направленных на регулирование труда медицинских работников, а также постоянно нарастающее пра-

вотворчество в данной сфере и как следствие – отсутствие единого нормативно-правого акта определяющего правовой статус медицинского работника, что порождает серьезные проблемы в применении указанных норм. Усложняется данный процесс еще и наличием пробелов и коллизий норм, направленных на регулирование отношений по оказанию медицинской помощи и определению правового статуса медицинского работника.

Говоря о значимости труда медиков, не стоит забывать о том, что труд медиков имеет свои правовые особенности регулирования. Законодатель всегда предъявлял особые требования к лицам, допущенным к медицинской деятельности. Внимание к вопросам правового регулирования медицинской деятельности вызвано её высокой общественной важностью, а также пристальным изучением юристами и историками медицины процесса формирования правового положения врачей в России.

Методы. Для решения существующих задач необходимо использовать комплекс общенаучных и специальных юридических методов познания, что позволит исследовать его структуру, нормативную базу, практику применения и социальную роль. Это обусловлено многоуровневым характером рассматриваемой проблемы, включающей теоретические и практические аспекты.

Результаты. Медицинская деятельность – это особый вид профессиональной деятельности. Говоря о законодательстве, регулирующем сферу оказания медицинских услуг и определяющего правовое положение медицинского работника, наблюдаем сложную многоуровневую систему, представленную нормами различных отраслей права. Идет регулирование ключевых моментов, определяющих работу персонала в здравоохранении (вопросы оказания медицинских услуг, контракт найма, график работы, вознаграждение, трудовая дисциплина, вопросы правонарушений в области оказания и получения медицинской услуги, а также юридической ответственности), вопросы правого статуса врача, а также сложности, с которыми сталкивается медицинский работник при выполнении своих профессиональных задач. Оно объединяет знания из области юриспруденции и медицины, что делает его все более многогранным.

Подобная динамика ярко свидетельствует об актуальности, научной обоснованности и способности адаптироваться к современным вызовам, подтверждая значимость и практическую ценность. Вместе с тем до настоящего момента нет четкого, системного и обоснованного определения правового статуса врача ни в законодательстве, ни в научной литературе, ни в медицинской и правоприменительной практике [9; 19]. Это можно объяснить сложностью понятия, его многоаспектностью как правовой категории [8].

Именно медицинское право и законодательство устанавливают первоначальное понятие «врач» и «медицинский работник». Законодательство, определяющее порядок оказания медицинских услуг, развивалось постепенно, и этот процесс зависел всегда от исторического периода, политической и экономической системы, а также от потребности в установлении правил, касающихся общественных отношений в сфере здравоохранения.

Российское здравоохранение, играющее важнейшую роль в социальной сфере, охватывает тысячи учреждений, предоставляющих медицинские услуги, и объединяет примерно 657,6 тыс. врачей, а также 1,69 миллиона медицинских работников среднего звена [6].

Врачи – это профессионалы с высшим образованием, полученным в аккредитованном учебном заведении, и обладающие квалификацией, позволяющей на законном основании заниматься медицинской практикой и врачебной деятельностью. В соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 2 закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» под «медицинским работником» следует понимать физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работающее в медицинской организации по должности, включенной в номенклатуру должностей медицинских работников, в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность [2].

Следует отметить, что правовой статус может быть общим (совокупность единых прав, свобод и обязанностей), специальным (характерен для отдельных категорий граждан и обеспечивает возможность выполнения специальных, служебных и профессиональных функций) и индивидуальным [10]. Соответственно приходим к выводу, что врач – это субъект, обладающий особым (специальным) статусом, обобщающим правовой статус «врача» или «медицинского работника».

Врач – это мирная, гуманная и крайне необходимая специальность, актуальная как в обыденной жизни, так и в периоды вооруженных конфликтов и военных действий. Субъектный состав медицинских работников разнообразен и включает представителей различных групп: руководящий состав, высший, средний, младший медперсонал. Естественно, что правовые статусы данных групп медицинских работников существенно будут различаться. Очень важно в сложных современных реалиях четко понимать особенности и объем правового статуса медицинского работника. Именно уяснение особенностей правового статуса врача поможет определить совокупность его прав, обязанностей, мер ответственности, а также гарантий, полномочий, ограничений и запретов.

Не только обычная жизнь и мирное время, но так же ни один вооруженный конфликт, ни одно вооруженное столкновение не обходятся без участия «защитников в белых халатах»: Великая Отечественная война, гражданская война в Афганистане, война в Южной Осетии, военный переворот и гражданская война в Грузии, осетино-ингушский конфликт, война в Абхазии, Чеченская война, война в Дагестане, специальная военная операция.

В последнее время все больше докторов и работников здравоохранения стремятся добровольно оказывать помощь нашим бойцам на освобожденных землях. Важно осознавать, что работа медиков в зоне боевых действий – это серьезное испытание, как для физической, психологической устойчивости, так и для правовой защищенности врача. Основные требования к кандидатам: гражданство РФ, возраст от 18 лет, медицинское образование (врач, фельдшер, медсестра/медбрат), отсутствие медицинских противопоказаний и справка от нарколога. Кроме того, медицинские специалисты должны уметь работать в команде и обладать развитыми коммуникативными навыками, так как работа в зоне боевых действий требует тесного взаимодействия между всеми участниками. Все это прямо или косвенно определяет правовой статус. Основы правового статуса врача заложены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ [2], а также в иных законах и подзаконных актах. Однако комплексное, системное, а также обоснованное понятие и содержание правового статуса врача в действующем законодательстве отсутствует [11].

Анализ медицинского обеспечения войск в условиях боевых действий позволяет выделить ключевые факторы, влияющие на эффективность управления медицинскими подразделениями и правовую защищенность медицинского персонала. Глубокая теоретическая проработка вопросов управления и нормативно-правовое регулирование деятельности медицинских работников, особенно в оперативных подразделениях, в период военных действий позволяет четко понимать особенности правового статуса врача.

В советский период ключевую роль в охране здоровья населения играли медицинские работники: врачи, фельдшеры, медсёстры. Санитары также вносили свой вклад, будучи неотъемлемой частью лечебного процесса. Именно этим специалистам и сегодня доверяется самое важное – жизнь и здоровье людей. Основные права и обязанности врачей впервые были чётко сформулированы в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 года «О профессиональной деятельности и правах медицинских работников» [7]. Согласно статье 1 Основ, советское законодательство в сфере здравоохранения ставило перед собой цель регулировать общественные отношения, связанные с охраной здоровья населения. Это было направлено на обеспечение гармоничного развития физических и духовных качеств, поддержание высокого уровня трудоспособности, а также продолжительной активной

жизни граждан. Однако вопросы, касающиеся определения правового статуса медицинских работников, в задачи законодательства не входили, что, возможно, и стало причиной отсутствия соответствующего нормативного закрепления. Стоит отметить, что предложения по установлению статуса врача в советский период, а также критика действовавших законов выдвигались отечественными исследователями.

Продолжая говорить о правовом статусе врача как совокупности установленных государством прав, обязанностей и юридической ответственности, следует сделать акцент на том, что положения, раскрывающие такой статус, закрепляются в различных нормативно-правовых актах и локальных нормативных актах, основными из них являются: Конституция РФ (статья 41 Конституции РФ) [1]; Федеральные законы (Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») [2]; Указы Президента: Стратегия развития здравоохранения РФ до 2030 года (Указ Президента РФ № 896) [4]; Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [5]; Постановления Правительства РФ; ведомственные нормативно-правовые акты; квалификационные характеристики специалистов; тарифно-квалификационные характеристики; положения о специалистах соответствующего профиля; типовые должностные инструкции; должностные инструкции, разработанные и утвержденные администрацией медицинской организации; внутренний трудовой распорядок медицинской организации; трудовой договор (контракт); приказы администрации медицинской организации.

Главным законодательным актом, регулирующим взаимодействие в области защиты здоровья населения в пределах Российской Федерации, а также определяющим права и ответственность медицинского персонала, выступает Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в редакции от 26.09.2024 № 41-П) [2]. Данный законодательный акт в своих статьях закрепляет основные права (ст. 72), обязанности (ст. 73,74) и вопросы ответственности медицинского работника (ст. 98) [2]. Если продолжить разговор об ответственности медицинского работника, то следует отметить противоречивость норм, регулирующих данный вопрос. Так, ч. 2 ст. 98 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ закрепляет, что за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи несут медицинские организации, медицинские и фармацевтические работники. Однако уже ч. 3 ст. 98 закрепляет, что вред возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, четко определенном законодательством Российской Федерации. На практике в случае предъявления претензий к врачу или медицинскому работнику ответственность наступает в следующих случаях: когда пациент подает гражданский иск против медицинской организации и выигрывает его в суде, после чего следует регрессный иск к конкретному медицинскому работнику; когда суд обяжет врача выплатить моральный вред потерпевшему на основании решения, вынесенного по уголовному делу.

Продолжая разговор о законодательных актах, регулирующих взаимодействие в области защиты здоровья населения, следует отметить, что статья 30 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (в редакции от 25.05.2026 № 144-ФЗ) [3] закрепляет некоторые особенности регулирования труда медицинских работников. Кроме того, в своей деятельности медицинский персонал руководствуется нормами, закрепленными в Кодексе этики и служебного поведения медицинских работников Российской Федерации. Основным документом, определяющим трудовые отношения медицинского работника, выступает трудовой договор, контракт, заключаемый с работодателем.

Следует отметить еще один немаловажный и сложный вопрос, требующий особого правового регулирования. И это сфера взаимодействия медицинских работников и пациентов. В регулировании данной сферы отношений сущест-

вует много сложностей и отсутствия единого подхода. Среди юристов до сих пор отсутствует единый подход в определении основных понятий и сферы таких правоотношений.

Согласно пункту 1 статьи 69 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], для занятия медицинской деятельностью необходимо наличие медицинского или иного образования, полученного в соответствии с федеральными стандартами, а также свидетельства об аккредитации. Медицинские и фармацевтические работники обладают гарантиями, установленными трудовым законодательством, включая: обеспечение работодателем условий для выполнения трудовых обязанностей, в том числе необходимым оборудованием, согласно законодательству; обучение и повышение квалификации за счет работодателя в соответствии с трудовым законодательством; профессиональную переподготовку за счет работодателя или других источников при невозможности выполнения обязанностей по состоянию здоровья, сокращении штата или ликвидации организации; аттестацию для получения квалификационной категории в порядке, установленном уполномоченным органом, и дифференциацию оплаты труда по результатам аттестации; стимулирование труда в зависимости от квалификации, специфики работы, объема и качества труда, а также результатов деятельности; создание профессиональных некоммерческих организаций; страхование профессиональной ответственности.

Если рассматривать сегодняшние реалии, военная служба по контракту в рядах Вооруженных Сил РФ для специалистов медицинской сферы предусматривает ряд льгот. А именно: врачам и медработникам среднего звена, поступившим на службу по контракту, гарантируется государственная поддержка и обширный перечень социальных гарантий (приобретение собственного жилья за счет средств Министерства обороны посредством участия в накопительно-ипотечной системе; предоставление служебного жилья или компенсация затрат на аренду; обеспечение полным комплектом вещевого имущества и обмундирования; оплачиваемый отпуск длительностью две недели не реже одного раза в полгода; страхование жизни и здоровья за счет средств федерального бюджета; возможность выхода на пенсию после 20 лет службы) [12]. Так же законодательством предусмотрены дополнительные преимущества: статус ветерана боевых действий, кредитные и налоговые каникулы, приоритетное право зачисления детей в вузы на бюджетные места, бесплатный отдых детей в летних лагерях, страховые выплаты при ранениях и гибели, дополнительные выплаты и гарантии. Законодательство, регулирующее трудовые отношения в сфере здравоохранения, отличается рядом специфических черт, обусловленных уникальным характером работы медицинских специалистов. Отдельные положения, разработанные в разное время и на разных уровнях, создают трудности в их реализации на практике.

Заключение. Таким образом, можно говорить о том, что основные проблемы правового регулирования и определения правового статуса медицинского работника, могут быть связаны с несогласованностью нормативно-правовых актов, отсутствием единого кодифицированного законодательного акта, направленного на регулирование статуса медицинского работника и его профессиональной деятельности, а также коллизиями и пробелами в законодательстве. Современное российское законодательство содержит такие понятия, как «врач-специалист», «лечащий врач», «врач-стажер», однако абсолютно не раскрывает содержание термина «врач» и нет в нем легального закрепления данного понятия, что не может негативно влиять на понимание правового статуса врача и медицинского работника.

Наблюдается перекос в плоскости соотнесения ответственности с правами и обязанностями медицинских работников, где наблюдается усиление уголовного и гражданского преследования врачей («врачебные дела») на фоне несовершенства действующего законодательства. Содержание основных норм Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ имеет ряд существенных недостатков, суть которых заключается

в расплывчатости, декларативность и невнятности содержания положений данного нормативного акта. Так же следует отметить наличие дублирования положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ и ранее уже установленных другими законодательными актами, например, Трудовым кодексом РФ, что является совершенно недопустимым и относится к дефектам правовых норм [10]. Для решения существующих проблем стоит острая необходимость в законодательном закреплении понятия «врач» и ликвидации дублирования положений, определяющих его правовой статус в различных нормативно-правовых актах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ в ред. от 26.09.2024 № 41-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.09.2026 г.) – Текст: электронный
3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: в ред. 25.05.2026 № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.09.2026 г.) – Текст: электронный
4. Указы Президента (Стратегия развития здравоохранения РФ до 2030 года (Указ Президента РФ № 896) приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения 16.09.2026 г.) – Текст: электронный
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения 16.09.2026 г.). – Текст: электронный
6. Бюллетень Счетной палаты РФ Здравоохранение № 4 (317) 2025. – Текст: непосредственный
7. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 01.12.1924 «О профессиональной работе и правах медицинских работников» (ред. от 29.12.1971) (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.09.2026 г.)– Текст: электронный
8. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. Лит., 1966. 187 с. – Текст: непосредственный
9. Арсланов К.М. Врачебная обязанность по своевременному информированию пациента о медицинском вмешательстве (опыт германского права) // Медицинское право 2016. № 4. С. 50–55. – Текст: непосредственный
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 448 с. – Текст: непосредственный
11. Романовская, К.П. Правовое регулирование труда медицинских работников / К.П. Романовская // Молодой ученый. – 2018. – № 48 (234). – С. 196–199. – URL: https://moluch.ru/archive/234/54214/ (дата обращения 16.09.2026 г.) – Текст: электронный
12. Сергеев С.Д., Кузьмин С.Б. Законодательное закрепление правового статуса медицинского работника – актуальная проблема // Медицинское право. 2014. № 4. С. 4. Текст: непосредственный

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008, No. 6-FKZ; December 30, 2008, No. 7-FKZ; February 5, 2014, No. 2-FKZ; July 1, 2020, No. 11-FKZ; and October 6, 2022) // The text of the Constitution, which includes the new constituent entities of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhzhia Region, and the Kherson Region– is presented in accordance with the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).
2. Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011, «On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation» (as amended by Federal Law No. 41-FZ of September 26, 2024) // «ConsultantPlus» Legal Reference System (accessed September 16, 2026) – Text: electronic
3. Labor Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 197-FZ of December 30, 2001 (as amended by Federal Law No. 144-FZ of May 25, 2026) // «ConsultantPlus» Legal Reference System (accessed September 16, 2026) – Text: electronic
4. Presidential Decrees (Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation until 2030 (Decree of the President of the Russian Federation No. 896)) – cited according to the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) (accessed September 16, 2026) – Text: electronic
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 597 of May 7, 2012, "On Measures to Implement State Social Policy" – cited according to the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) (accessed September 16, 2026) – Text: electronic
6. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation: Healthcare, No. 4 (317) 2025 – Text: print (direct)
7. Decree of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) and the Council of People's Commissars (SNK) of the RSFSR dated December 1, 1924, "On Professional Work and Rights..." ...of medical workers" (as amended on Dec. 29, 1971) (repealed) // Legal Reference System "ConsultantPlus" (accessed Sept. 16, 2026) – Text: electronic
8. Alekseev S.S. The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1966. 187 p. – Text: direct (print)
9. Arslanov K.M. The Physician's Duty to Timely Inform a Patient About a Medical Intervention (The Experience of German Law) // Medical Law. 2016. No. 4. P. 50–55. – Text: direct (print)
10. Vitruk N.V. General Theory of the Legal Status of the Individual. Moscow: NORMA, 2008. 448 p. – Text: direct (print)
11. Romanovskaya K.P. Legal Regulation of the Labor of Medical Workers / K.P. Romanovskaya // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. – 2018. – No. 48 (234). – P. 196–199. – URL: https://moluch.ru/archive/234/54214/ (accessed Sept. 16, 2026) – Text: electronic
12. Sergeev S.D., Kuzmin S.B. Legislative Establishment of the Legal Status of a Medical Worker: A Pressing Issue // Medical Law. 2014. No. 4. P. 4. – Text: direct (print)

Слепенок Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права и истории Пятигорского медико-фармацевтического института – филиала ФГБОУ ВО ВолгГМУ Минздрава России, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: slep.80@mail.ru

Yulia Slepenok, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Law and History, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute (a branch of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation), Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: slep.80@mail.ru

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

УДК 378.147:34

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Артём Андреев,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию нормативно-правового механизма регулирования дистанционного образования в российских образовательных организациях высшего образования. В качестве объекта исследования рассматриваются общественные отношения, возникающие в сфере реализации технологий электронного и дистанционного обучения в системе высшей школы. Предметом выступает совокупность нормативных правовых актов, регламентирующих указанную сферу, а также складывающаяся правоприменительная и судебная практика. Посредством формально-юридического и сравнительно-правового методологических инструментов идентифицируются нормативные коллизии между действующим законодательством и фактическим состоянием дел в образовательных учреждениях. Исследуются вопросы государственной аккредитации дистанционных образовательных программ, обеспечения трудовых прав профессорско-преподавательского состава, защиты персональных данных обучающихся, а также разграничения прав интеллектуальной собственности на электронные учебные материалы. По итогам исследования сформулированы конкретные законодательные предложения.

Ключевые слова: дистанционное образование, электронное обучение, высшая школа, образовательное право, цифровые технологии, правоприменительная практика, персональные данные, авторское право.

DISTANCE EDUCATION IN HIGHER EDUCATION SYSTEM: LEGAL FOUNDATIONS AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Andreev A.

Abstract. This article examines the regulatory framework governing distance education in Russian higher education institutions. The object of the study encompasses the social relations emerging in the course of implementing e-learning and distance educational technologies within the higher education system. The subject comprises the body of normative legal acts regulating this domain, along with the evolving law enforcement and judicial practice. Applying formal-legal and comparative-legal methodologies, the author identifies normative conflicts between existing legislation and the actual state of affairs in educational organizations. The study addresses issues of state accreditation of distance programmes, protection of academic staff labour rights, personal data safeguarding, and delineation of intellectual property rights over digital educational content. Specific legislative proposals are formulated on the basis of the findings.

Keywords: distance education, e-learning, higher education, education law, digital technologies, law enforcement practice, personal data, copyright.

Введение. Актуальность исследования обусловлена масштабной цифровой трансформацией системы высшего образования: свыше 40% российских вузов реализуют программы с использованием дистанционных технологий, а рынок онлайн-образования растёт на 20–25% ежегодно. Вынужденный переход на дистанционный формат в период панде-

мии COVID-19 обнажил разрыв между масштабом правоприменительной практики и её нормативной обеспеченностью. Несмотря на принятие в 2023 году Постановления Правительства Российской Федерации № 1678, значительный массив коллизий в области аккредитации, трудовых правоотношений, защиты персональных данных и авторско-правовой охраны по-прежнему не разрешён.

Степень научной разработанности проблематики свидетельствует о том, что правовые препятствия цифровизации образования фиксировались в научном сообществе задолго до перехода к массовому дистанционному обучению.

В.Н. Южаков и А.А. Ефремов разработали методологию диагностики нормативных барьеров цифровизации в сферах образования и науки, зафиксировав устойчивый структурный разрыв между технологической практикой и её законодательным сопровождением, и предложили инструментарий для оценки регуляторного воздействия цифровых преобразований [1].

Вопросы охраны авторских прав на цифровой образовательный контент получили отражение в работах М.Л. Пустыльник и Ю.Ю. Власовой, констатировавших отсутствие институциональных механизмов регистрации и учёта объектов интеллектуальной собственности в образовательной среде и предложивших концепцию централизованного реестра [2].

Вопросы применения законодательства о персональных данных в деятельности образовательных организаций освещены в официальных разъяснениях Роскомнадзора, а также в материалах Рособрнадзора, посвящённых актуализированным процедурам аккредитационной экспертизы дистанционных программ [3].

Вместе с тем специальная литература практически не затрагивала правоприменительную практику, сложившуюся после принятия Постановления Правительства № 1678; оставалась вне поля научного анализа формирующаяся судебная практика Верховного Суда по спорам о качестве онлайн-образовательных услуг; не получали исследовательского осмысления коллизии обновлённого аккредитационного законодательства с условиями реализации дистанционных программ. Совокупность названных пробелов определяет научную новизну настоящей работы.

Цель исследования – комплексный правовой анализ нормативных основ и правоприменительной практики дистанционного образования в системе высшей школы, включая идентификацию актуальных коллизий и выработку предложений по их устранению. Задачи: систематизация действующей нормативной базы электронного и дистанционного обучения; выявление коллизионных зон в сферах аккредитации, нормирования педагогического труда, защиты персональных данных и охраны авторских прав; исследование судебной практики; формулирование предложений по совершенствованию законодательства. Научная новизна определяется тем, что коллизии, порождённые изменениями законодательства 2023–2025 годов, впервые становятся самостоятельным объектом юридического исследования.

Методы. Методологический фундамент исследования образует совокупность общенаучных и специально-юридических познавательных инструментов. Формально-юридический метод применялся в процессе изучения нормативных правовых актов, регламентирующих сферу дистанционного образования, – в части анализа их содержательных характеристик, логической структуры, уровня юридической техники, а также иерархических и содержательных взаимосвязей между ними. Посредством указанного метода осуществлялось выявление пробелов и коллизионных противоречий в действующем правовом массиве.

Сравнительно-правовой метод был задействован при сопоставительном анализе норм образовательного, трудового, гражданского и информационного права в их взаимодействии применительно к единому объекту – отношениям в сфере дистанционного образования. Кроме того, данный метод позволил сопоставить отечественные подходы к нормированию педагогической нагрузки в дистанционном формате с практикой регулирования аналогичных вопросов в зарубежных университетах.

Метод системного анализа обеспечил возможность рассматривать правовое регули-

рование дистанционного образования не как механическую совокупность разрозненных нормативных предписаний, а как целостную систему взаимообусловленных элементов: трансформация аккредитационных требований закономерно порождает последствия в сфере трудовых правоотношений, тогда как правовой режим обработки персональных данных при удалённой идентификации личности неразрывно сопряжён с проблемой обеспечения добровольности согласия субъекта в условиях обязательной итоговой аттестации.

Эмпирическую основу исследования составляют: действующие нормативные правовые акты федерального уровня в области образования, регулирования труда, охраны персональных данных и защиты интеллектуальной собственности; документация, отражающая результаты контрольно-надзорной деятельности Рособрнадзора и Роскомнадзора; опубликованные судебные акты по рассматриваемой категории дел; аналитические и информационные материалы, размещённые на официальных интернет-ресурсах органов государственной власти Российской Федерации.

Результаты. Нормативно-правовую основу регулирования образует Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Статья 16 закона наделяет образовательные организации правом применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии при реализации программ, придавая этому формату легитимный статус [4]. Принципиально, что законодатель квалифицирует дистанционное обучение не как самостоятельную форму получения образования, а как технологический инструментарий, применимый при любой из установленных форм: организация вправе реализовывать очную программу с частичным задействованием дистанционных технологий без изменения её правового статуса. Закон при этом разграничивает электронное обучение (взаимодействие через информационно-телекоммуникационные сети) и дистанционные образовательные технологии (опосредованное взаимодействие участников процесса); смешение этих категорий в локальных актах и документах надзорных органов порождает неопределённость при квалификации нарушений.

Ключевым подзаконным актом с 1 сентября 2024 года выступает Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 [5], повысившее уровень регулирования с ведомственного до правительственного и упразднившее прежнюю систему приказов Министерства науки и высшего образования. Документ обязывает вузы передавать сведения об обучающихся в государственную информационную систему «Современная цифровая образовательная среда» и впервые легализует верификацию личности через Единую биометрическую систему при аттестации [6]. При этом Постановление не содержит требований к технической инфраструктуре платформ дистанционного обучения и оставляет неурегулированным разграничение ответственности между организацией и оператором информационной системы при технических сбоях.

Анализ аккредитационного законодательства выявил институциональную коллизию. Аккредитационные показатели, принятые во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 19.05.2023 № 797 [7], ориентированы на физические параметры материально-технической базы −площадь аудиторий, оснащённость оборудованием, наличие специализированных кабинетов, − тогда как показатели цифровой инфраструктуры в критериях фактически не отражены.

Речь идёт о мощностях серверного оборудования, пропускной способности каналов передачи данных, отказоустойчивости системы управления обучением и уровне защиты информации.

Рособрнадзор указывает, что аккредитационная экспертиза дистанционных программ проводится через электронную информационно-образовательную среду организации без выезда экспертной группы [3], хотя нормативные критерии оценки качества такой среды не установлены.

В результате организация может соответствовать очным аккредитационным показателям и одновременно получать предписания по дистанционной программе из-за формальной недостаточности площади помещений, которые в этом формате объективно не использу-

ются, − коллизия носит системный, а не частный характер.

В сфере трудовых правоотношений Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 335 от 11.04.2025 [8], действующий с 1 сентября 2025 года, не предусматривает дифференцированных нормативов педагогической нагрузки для разработки электронных курсов, асинхронного консультирования через систему управления обучением и синхронных онлайн-занятий. Статья 312.1 Трудового кодекса Российской Федерации [9] о дистанционном труде не адаптирована к специфике педагогической деятельности: законодательно не урегулированы добровольность перевода работника на дистанционный режим, механизм компенсации расходов на интернет и технические средства, а также обязанность работодателя обеспечивать доступ к нужным цифровым инструментам. Региональные комиссии по трудовым спорам с 2021 года фиксируют рост числа обращений по этой категории дел.

Анализ судебной практики выявил два разнонаправленных подхода. Суды общей юрисдикции при рассмотрении споров о снижении платы за обучение из-за вынужденного перевода в дистанционный формат в период пандемии преимущественно вставали на сторону организаций, ссылаясь на статью 54 Закона № 273-ФЗ, дающую право самостоятельно определять основания снижения стоимости услуг. Иной подход сформулировала Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 22.10.2024: при ненадлежащем качестве онлайн-услуги потребитель вправе безусловно вернуть полную стоимость, а ограничивающие это право договорные условия ничтожны [10]. Позиция, изначально применённая к коммерческим онлайн-курсам, задаёт прецедентный ориентир и для платного высшего образования.

В сфере защиты персональных данных использование цифровых платформ дистанционного обучения предполагает обработку значительного массива данных: видеозаписей занятий, сведений об активности пользователей в системе управления обучением, биометрических данных при удалённой идентификации.

Императивное требование Федерального закона № 152-ФЗ [11] о локализации персональных данных на серверах в России распространяется и на образовательные организации; использование ими иностранных облачных платформ создаёт риск нарушения этого требования и ответственности по статье 13.11 КоАП РФ [12] − тем более что контроль Роскомнадзора за локализацией персональных данных в 2022–2025 годах последовательно усиливался.

Постановление № 1678 ввело правовую основу для биометрической верификации через Единую биометрическую систему (ЕБС) при аттестации, но не урегулировало обработку видеоданных в коммерческих системах контроля, не интегрированных с ЕБС.

Организации обычно получают согласие на обработку биометрических данных в составе общего согласия при заключении договора об образовании, хотя в ситуации обязательной итоговой аттестации такое согласие утрачивает признак добровольности, закреплённый в части 1 статьи 9 Закона № 152-ФЗ: обучающийся не может отказаться от биометрической идентификации без утраты права на аттестацию.

Устранение коллизии требует законодательного вмешательства − либо введения специального правового основания для обработки биометрических данных при аттестации, не обусловленного добровольным согласием, либо закрепления обязательной альтернативной формы: прохождения аттестации в очном формате.

В сфере охраны авторских прав статья 1295 Гражданского кодекса Российской Федерации [13] относит электронный курс, разработанный во исполнение служебного задания, к служебным произведениям, исключительное право на которые принадлежит работодателю. Однако значительная часть учебного контента создаётся преподавателями по собственной инициативе, в личное время и на собственном оборудовании, что размывает границу между служебным и личным произведением. Типовые трудовые договоры с педагогическими работниками не содержат положений об авторских правах на цифровые материалы; необходимость централизованной регистрации таких объектов [2] особенно остро проявляется при смене места работы преподавателем.

Заключение. Результаты проведённого исследования позволяют сформулировать ряд концептуальных научных выводов. Принятие Постановления Правительства Российской Федерации № 1678 знаменует качественный сдвиг в правовом регулировании дистанционного образования − переход от ведомственного к правительственному уровню нормативного регулирования – и вводит законодательные новеллы в части цифровой идентификации участников образовательных отношений; однако данный акт не устраняет накопившихся системных коллизий в смежных отраслях законодательства. Установлена устойчивая зависимость между отсутствием технико-цифровых критериев в системе аккредитационных показателей и практикой систематического вынесения Рособрнадзором предписаний в адрес образовательных организаций с высокой долей дистанционных программ: данная коллизия носит институциональный, а не частный характер и требует пересмотра самой методологии аккредитационной оценки. Выявлено нормативное противоречие между принципом добровольности согласия субъекта персональных данных на их обработку и обязательным характером итоговой аттестации с применением биометрической идентификации личности − противоречие, разрешение которого требует введения специального законодательного основания. Наконец, анализ судебной практики обнаруживает содержательный разрыв между позицией судов общей юрисдикции, отдающих приоритет договорным условиям образовательной организации, и правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, утверждающей приоритет прав потребителя образовательной услуги; устранение данного расхождения предполагает дополнение типового договора об оказании платных образовательных услуг нормативными условиями об изменении формата обучения.

На основании выявленных закономерностей и нормативных пробелов сформулирован комплекс предложений по совершенствованию действующего законодательства. Представляется первоочередной разработка и утверждение федерального стандарта цифровой образовательной среды образовательной организации высшего образования, предусматривающего включение технических и инфраструктурных критериев в перечень аккредитационных показателей. Одновременно требуется дополнение Приказа Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 335 специальными нормативами педагогической нагрузки, учитывающими отраслевую специфику различных видов дистанционной педагогической деятельности. В сфере информационно-правового регулирования целесообразно закрепить в Федеральном законе № 152-ФЗ автономное правовое основание для обработки биометрических данных при проведении онлайн-аттестации и обязательном законодательном гарантировании альтернативной очной формы её прохождения. В части договорного регулирования образовательных отношений предлагается внести в типовой договор об оказании платных образовательных услуг положения, регламентирующие порядок изменения формата обучения и перерасчёта его стоимости в соответствии с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 года. Наконец, типовые формы трудовых договоров с педагогическими работниками подлежат дополнению специальным разделом, устанавливающим порядок разграничения авторских прав на создаваемый цифровой образовательный контент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Правовые и организационные барьеры цифровизации образования и науки: методика выявления и предложения по устранению / В.Н. Южаков, А.А. Ефремов // Журнал юридических исследований. 2018. – № 3. – С. 1–16. – URL: naukaru.ru/ru/nauka/article/24083/view (дата обращения: 19.05.2026).
2. Пустыльник М.Л., Власова Ю.Ю. Авторское право для цифровой школы / М.Л. Пустыльник, Ю.Ю. Власова [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. 2019. – URL: cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-dlya-tsifrovoy-shkoly (дата обращения: 20.05.2026).

3. Государственная аккредитация образовательной деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. – URL: obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosuslugi/gosudarstvennaya-akkreditacziya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 17.05.2026).
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.04.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007 (дата обращения: 12.05.2026).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» (вступило в силу с 01.09.2024; действует до 01.09.2029) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202310120031 (дата обращения: 13.05.2026).
6. Правила дистанционного и электронного обучения с 01.09.2024 [Электронный ресурс] // Контур.Толк. – URL: kontur.ru/talk/spravka/48981-pravila_primeneniya_elektronnogo_obucheniya (дата обращения: 17.05.2026).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 19.05.2023 № 797 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности» (ред. от 12.11.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202305310068 (дата обращения: 14.05.2026).
8. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11.04.2025 № 335 «О продолжительности рабочего времени педагогических работников, отнесённых к профессорско-преподавательскому составу, и о порядке определения учебной нагрузки указанных работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях её изменения и случаях установления верхнего предела учебной нагрузки» (вступает в силу с 01.09.2025; действует до 01.09.2031) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202505070005 (дата обращения: 09.07.2026).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: ред. от 29.12.2025 [Электронный ресурс] // Контур.Норматив. – URL: normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504709 (дата обращения: 15.05.2026).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 (возврат полной стоимости онлайн-курса при ненадлежащем качестве образовательной услуги) [Электронный ресурс] // Адвокат в Самаре и Москве. – URL: pravo163.ru/polnuyu-stoimost-onlajn-kursa-mozhno-vernut-esli-usluga-okazana-nekachestvenno-opredelenie-sudebnoj-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verxovnogo-suda-rossijskoj-federacii-ot-22-10-2024/ (дата обращения: 18.05.2026).
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 15.05.2026).
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : ред. от 04.07.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 07.07.2026 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.07.2026).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ: ред. от 23.07.2025 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 16.05.2026).

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Yuzhakov V.N., Efremov A.A. Legal and Organisational Barriers to the Digitalisation of Education and Science: Methods of Identification and Proposals for Elimination / V.N. Yuzhakov, A.A. Efremov // Journal of Legal Research. 2018. − No. 3. − P. 1−16. − URL: naukaru.ru/ru/nauka/article/24083/view (accessed: 19.05.2026).
2. Pustylnik M.L., Vlasova Yu.Yu. Copyright for the Digital School / M.L. Pustylnik, Yu.Yu. Vlasova [Electronic resource] // CyberLeninka. 2019. − URL: cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-pravo-dlya-tsifrovoy-shkoly (accessed: 20.05.2026).
3. State Accreditation of Educational Activity [Electronic resource] // Official Website of the Federal Service for Supervision in Education and Science (Rosobrnadzor). − URL: obrnadzor.gov.ru/gosudarstvennye-uslugi-i-funkczii/7701537808-gosuslugi/gosudarstvennaya-akkreditacziya-obrazovatelnoj-deyatelnosti/ (accessed: 17.05.2026).
4. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 'On Education in the Russian Federation' (as amended 25.04.2026) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. − URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007 (accessed: 12.05.2026).
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1678 of 11.10.2023 'On Approving the Rules for the Use of E-Learning and Distance Educational Technologies by Educational Organisations in the Implementation of Educational Programmes' (entered into force 01.09.2024; valid until 01.09.2029) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. − URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202310120031 (accessed: 13.05.2026).
6. Rules for Distance and E-Learning from 01.09.2024 [Electronic resource] // Kontur.Tolk. − URL: kontur.ru/talk/spravka/48981-pravila_primeneniya_elektronnogo_obucheniya (accessed: 17.05.2026).
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 797 of 19.05.2023 'On Approving the Regulation on State Accreditation of Educational Activity' (as amended 12.11.2024) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. − URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202305310068 (accessed: 14.05.2026).
8. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 335 of 11.04.2025 'On the Working Hours of Teaching Staff Classified as Professorial-Teaching Personnel, and on the Procedure for Determining Their Teaching Load as Stipulated in the Employment Contract, the Grounds for Its Modification, and the Cases for Establishing an Upper Limit on Teaching Load' (entered into force 01.09.2025; valid until 01.09.2031) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202505070005 (accessed: 09.07.2026).
9. Labour Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ of 30.12.2001 (as amended 29.12.2025) [Electronic resource] // Kontur.Normativ. − URL: normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504709 (accessed: 15.05.2026).
10. Ruling of the Civil Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.10.2024 (recovery of the full cost of an online course due to inadequate quality of educational services) [Electronic resource] // Lawyer in Samara and Moscow. − URL: pravo163.ru/polnuyu-stoimost-onlajn-kursa-mozhno-vernut-esli-usluga-okazana-nekachestvenno-opredelenie-sudebnoj-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verxovnogo-suda-rossijskoj-federacii-ot-22-10-2024/ (accessed: 18.05.2026).
11. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 'On Personal Data' (as amended 24.06.2025) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. − URL: pravo.gov.ru (accessed: 15.05.2026).
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended

04.07.2026, with amendments effective from 07.07.2026) [Electronic resource] // ConsultantPlus. − URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 09.07.2026).
13. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law No. 230-FZ of 18.12.2006 (as amended 23.07.2025) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: pravo.gov.ru (accessed: 16.05.2026).

Андреев Артём Игоревич, магистрант, Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: artemandreev.2003@mail.ru

Artyom Andreev, Master's student, North Caucasus Institute − Branch of RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: artemandreev.2003@mail.ru

УДК 332.025

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Магомет-Амин Тлисов,
Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к оценке эффективности региональной структурной политики. Анализируются существующие методы оценки, их преимущества и ограничения. Предлагается комплексная методология, включающая как количественные показатели структурных сдвигов, так и качественные индикаторы результативности мер государственного воздействия. Обосновывается необходимость перехода от традиционных оценок на основе динамики валового регионального продукта к многомерной системе показателей, учитывающей экономические, социальные, экологические и институциональные аспекты развития.

Ключевые слова: региональная структурная политика, структурные сдвиги, эффективность, валовой региональный продукт, индекс Рябцева, методология оценки, структурная трансформация.

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL STRUCTURAL POLICY

Tlisov M.-A.

Abstract. This article examines theoretical and methodological approaches to evaluating the effectiveness of regional structural policy. It analyzes existing assessment methods, along with their respective advantages and limitations. A comprehensive methodology is proposed, incorporating both quantitative indicators of structural shifts and qualitative measures of the outcomes of state intervention. The study argues for a shift away from traditional evaluations – based solely on the dynamics of the gross regional product – toward a multidimensional system of indicators that accounts for the economic, social, environmental, and institutional aspects of development.

Keywords: regional structural policy, structural shifts, effectiveness, gross regional product, Ryabtsev index, assessment methodology, structural transformation.

Введение. Одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности территорий является формирование эффективной региональной структурной политики. Трансформация региональной экономической структуры определяет динамику производительности, занятости, инвестиционной и инновационной активности.

Актуальность оценки эффективности региональной структурной политики обусловлена необходимостью определения степени соответствия применяемых инструментов стратегическим целям развития территорий и последующей их корректировки. При этом сложность такой оценки связана с многоаспектным характером структурной политики, результаты которой проявляются одновременно в отраслевой, инвестиционной, социальной и пространственной сферах. Это требует применения комплексного подхода, учитывающего не только динамику отдельных экономических показателей, но и качественные изменения в структуре региональной экономики.

Несмотря на значительное внимание исследователей к проблемам структурных преобразований, вопросы формирования целостной системы критериев и показателей эффективности региональной структурной политики сохраняют научную и практическую значимость. Особую актуальность приобретает разработка методических подходов, позволяющих сопоставлять цели, используемые инструменты и фактические результаты структурных изменений с учетом специфики конкретного региона. Как справедливо отме-

чает Е. Нагаева, использование в качестве основного критерия эффективности роста валового регионального продукта (ВРП) на душу населения не вполне корректно: рост ВРП может носить кратковременный характер, не являться индикатором устойчивого развития, а также быть вызванным факторами, не связанными с проводимой структурной политикой [1]. Это означает, что нужна более тонкая система измерения, способная отделить эффект управляющего воздействия от внешней конъюнктуры.

Целью настоящей статьи является исследование теоретико-методологических основ и разработка подхода к оценке эффективности региональной структурной политики.

Методы. В научной литературе сформировались две группы методик оценки эффективности региональной политики. Первая группа фокусируется на оценке эффективности управления развитием территорий и основывается на применении интегральных показателей социально-экономического развития региона [2]. Вторая – предполагает оценку эффективности функционирования органов власти и включает оценку результативности в бюджетной, инвестиционной, налоговой, социальной и других сферах [3]. Среди достоинств, предлагаемых методик можно выделить следующие: определение целевых установок, группировку показателей по направлениям деятельности, возможность проведения территориальных сравнений, наличие интегральных индикаторов.

Среди конкретных методов оценки, применяемых в мировой и отечественной практике, можно выделить:

– статистические методы, среди которых можно отметить анализ динамики показателей, расчет индексов структурных сдвигов, коэффициентов специализации и локализации [4];

– многокритериальный анализ, включающий построение интегральных индексов с весовыми коэффициентами [5];

– эконометрические методы, в частности метод «разности в разностях» (difference-in-difference), позволяющий оценивать причинно-следственный эффект мер государственной поддержки на производительность предприятий;

– анализ издержек и выгод (cost-benefit analysis), расширенный за счёт учёта экологических и социальных факторов [6];

– экспертные оценки и социологические опросы, в том числе анкетирование глав муниципальных образований, оценка удовлетворённости населения;

– метаанализ, представляющий обобщение результатов серии оценочных исследований по регионам и инструментам [7];

– кейсовый подход, основанный на детальном анализе конкретных проектов с учётом институционального контекста.

Для количественной оценки структурных изменений в экономике региона традиционно применяются индексные методы.

Наиболее распространённым является расчет линейного коэффициента абсолютных структурных сдвигов [8]:

$$L = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} | d_{i,t} - d_{i,0} |, \text{ где}$$

L – коэффициент: он показывает среднюю величину изменения удельных весов отраслей (или других структурных элементов) за период (чем больше значение, тем сильнее структурные сдвиги); n – число структурных элементов (например, число отраслей экономики в регионе); $d_{i,t}$ – удельный вес i-й отрасли в отчётном (текущем) периоде; $d_{i,0}$ – удельный вес i-й отрасли в базисном (предыдущем/стартовом) периоде; $| d_{i,t} - d_{i,0} |$ – абсолютное изменение доли i-й отрасли (без учёта направления – только величина сдвига); $\sum_{i=1}^{n}$ – сумма таких изменений по всем отраслям.

Другим широко используемым показателем выступает квадратический коэффициент относительных структурных сдвигов (K):

$$K = \sqrt{\sum_{i=1}^{n}\left(\frac{d_{i,t} - d_{i,0}}{d_{i,0}}\right)^2}, \text{ где}$$

$d_{i,t}$ – удельный вес i-й отрасли (или компонента структуры) в отчётном периоде; $d_{i,0}$ – удельный вес той же отрасли в базисном периоде; n – число отраслей (групп, компонентов) в структуре.

Оценка структурных сдвигов также может быть произведена путем расчета индекса Рябцева (I_R) [9]:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n}(d_{i,1} - d_{i,2})^2}{\sum_{i=1}^{n}(d_{i,1} + d_{i,2})^2}}, \text{где}$$

$d_{i,1}$ – удельный вес i-й отрасли (или компонента структуры) в первом периоде (базисном); $d_{i,2}$ – удельный вес той же отрасли во втором периоде (отчётном); n – число отраслей (групп, элементов структуры). Числитель отражает «квадрат отклонений» структуры – чем сильнее изменились доли, тем выше значение. Знаменатель нормирует показатель на общий масштаб структуры, делая индекс сопоставимым между разными регионами и периодами. Индекс Рябцева обладает важным преимуществом: для него разработана шкала интерпретации, позволяющая охарактеризовать степень отличия фактической структуры от оптимальной – от «очень низкого» (0,000–0,030) до «значительного» (выше 0,900).

Для анализа не только итоговых, но и промежуточных изменений используется метод траекторий структурной трансформации. В исследовании Е.Л. Молоковой и Е.А. Лященко предложены три взаимодополняющих показателя: итоговый структурный сдвиг, накопленная длина структурной траектории и коэффициент закрепления, рассчитываемый как отношение итогового сдвига к накопленной длине [10]. Расчёты по 82 субъектам РФ за 2016–2024 гг. показали, что средний коэффициент закрепления составил лишь 0,301, что означает, что лишь около 30% структурных изменений сохранилось в конечной конфигурации экономики, а остальное пришлось на разнонаправленные колебания.

Результаты. На основе анализа существующих методов предлагается многомерная система оценки эффективности региональной структурной политики, включающая четыре блока.

Блок структурной результативности оценивает степень приближения фактической отраслевой структуры экономики региона к целевой (оптимальной), определяемой на основе анализа сравнительных преимуществ и стратегических приоритетов. Ключевыми показателями выступают: индекс Рябцева для оценки соответствия фактической и целевой структуры; линейный и квадратический коэффициенты структурных сдвигов в приоритетных отраслях; коэффициент закрепления структурных изменений; коэффициент локализации отраслей специализации.

Блок экономической эффективности включает показатели, характеризующие результативность структурных изменений с точки зрения экономического роста: темпы роста ВРП и производительности труда в приоритетных отраслях; количество высокопроизводительных рабочих мест; динамику инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности; ROI (возврат на инвестиции) инфраструктурных проектов.

Блок социально-экологической результативности **у**читывает, что структурные изменения должны не только обеспечивать экономический рост, но и улучшать качество жизни и состояние окружающей среды:

– индикаторы здоровья населения и качества жизни;

– доля городов с благоприятной городской средой;

– оценка экологических последствий (снижение выбросов, чистота воздуха и воды);

– уровень безработицы и доходов населения в контексте отраслевой реструктуризации.

Блок институциональной эффективности оценивает качество управления процессом структурной трансформации:

– эффективность системы мониторинга и оценки программ;

– гибкость и адаптивность управления;

– координация между региональными и муниципальными органами власти;

– оценка взаимодействия органов власти и бизнеса (через экспертные опросы).

Предлагаемый подход предполагает реализацию поэтапного алгоритма:

1. Диагностика исходной структуры – сбор количественных данных Росстата и качественной информации (социологические опросы, интервьюирование), определение сильных и слабых сторон экономики.

2. Определение целевой структуры – обос-

нование оптимальных отраслевых пропорций с учётом специфики региона, его сравнительных преимуществ и задач, поставленных Стратегией пространственного развития РФ.

3. Мониторинг структурных сдвигов – регулярный расчёт индексов и коэффициентов по всем четырём блокам с использованием геоинформационных систем и технологий анализа больших данных.

4. Оценка эффективности – сравнение фактической динамики с плановой, выявление факторов, оказавших наибольшее влияние на результаты, оценка мультипликативных эффектов инвестиционных проектов.

5. Корректировка – адаптация мер структурной политики на основе полученных оценок с учётом изменяющихся внешних условий.

В современных условиях важным направлением совершенствования оценки становится внедрение цифровых технологий. Использование технологий искусственного интеллекта и Big Data позволяет не только повысить качество принимаемых решений, но и обеспечить более объективную и оперативную оценку их последствий − от анализа логистических потоков до мониторинга миграционных процессов и туристической привлекательности региона.

Заключение. Среди основных ограничений предлагаемого подхода можно выделить: наличие элемента субъективности в определении «оптимальной» структуры экономики, зависимость результатов от выбранной методологии прогнозирования; сложность разграничения эффекта структурной политики и влияния внешних факторов (макроэкономическая конъюнктура, санкционное давление, климатические условия), асимметричность информации по регионам России.

Тем не менее, комплексная оценка, объединяющая индексные методы, эконометрический инструментарий, качественный анализ и цифровые технологии, позволяет получить более полную и обоснованную картину результативности региональной структурной политики, чем традиционные подходы, опирающиеся исключительно на динамику ВРП.

Оценка эффективности региональной структурной политики требует перехода от одномерных показателей к многомерной системе, учитывающей структурные, экономические, социально-экологические и институциональные аспекты. Предложенный четырёхблочный подход интегрирует традиционные индексы структурных сдвигов (в том числе индекс Рябцева и коэффициент закрепления) с современными методами оценки результативности государственных программ и инфраструктурных проектов.

Практическая значимость подхода состоит в том, что он обеспечивает обратную связь между мерами структурной политики и их результатами, позволяет идентифицировать факторы, способствующие и препятствующие структурной трансформации, и своевременно корректировать направления государственного воздействия. Дальнейшие исследования в этой области целесообразно направить на разработку методик определения целевой структуры экономики для различных типов регионов и на расширение применения цифровых инструментов анализа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нагаева, О.С. Структурные приоритеты модернизации экономики региона с целью повышения его конкурентоспособности // Структурная модернизация как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Красноярского края) / отв. ред. Н.Г. Шишацкий; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. – ISBN 978-5-89665-349-3. – Гл. 6. – С. 235–315.
2. Ворошилов, Н.В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке / Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территории. 2015. – № 3(77). – С. 143–159.
3. Ворошилов, Н.В. Методический подход к оценке эффективности внутрирегиональной политики / Н. В. Ворошилов // Журнал экономических исследований. 2019. – Т. 5, № 4. – С. 94–111.

4. Покровская А.В. Структурные сдвиги в экономике России в 2015–2024 гг.: количественная оценка и фазовая динамика на основе индекса Рябцева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2026. № 74. С. 76–91.
5. Юдина, М.А. Методические аспекты диагностики макрорегиональных структурных сдвигов / М. А. Юдина // Journal of New Economy. 2019. – Т. 20, № 4. – С. 22–46.
6. Мельников, Р.М. Оценка эффективности региональной инвестиционной политики методом анализа издержек и выгод / Р.М. Мельников // Регион: Экономика и Социология. 2007. – № 3. – С. 176–193.
7. Bac, T.C. Revisiting Rural Economic Structural Transformation from the Viewpoint of Regional Linkages / T.C. Bac // Economy of Regions. 2022. – Vol. 18, No. 2. – P. 312–323.
8. Громыко, Г.Л. К вопросу о так называемых показателях сводной оценки структурных изменений во времени и пространстве / Г.Л. Громыко // Вопросы статистики. 2013. – № 8. – С. 51–57.
9. Исмайылова, Ю.Н. Индекс Рябцева как инструмент для типологической группировки / Ю.Н. Исмайылова // Моделирование развития социально-экономического потенциала территории в условиях современных вызовов: материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 20–22 сентября 2018 года / Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2018. – С. 145–149.
10. Молокова, Е.Л. Интенсивность и направления структурных изменений в экономиках регионов России: место аграрного сектора / Е.Л. Молокова, Е.А. Ляшенко // Экономика, предпринимательство и право. 2026. – Т. 16, № 10.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Nagaeva, O.S. Structural Priorities for Regional Economic Modernization Aimed at Enhancing Competitiveness // Structural Modernization as a Factor in Increasing Regional Competitiveness (A Case Study of Krasnoyarsk Krai) / Ed. by N.G. Shishatsky; Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. – Novosibirsk: IEIE SB RAS Publishing House, 2020. – ISBN 978-5-89665-349-3. – Ch. 6. – P. 235–315. – URL: Electronic resource (PDF) (Accessed: July 16, 2026)
2. Voroshilov, N.V. Efficiency of Municipal Governance: Essence and Approaches to Assessment / N.V. Voroshilov // Problems of Territory's Development. 2015. – No. 3(77). – P. 143–159.
3. Voroshilov, N.V. A Methodological Approach to Assessing the Efficiency of Intra-regional Policy / N.V. Voroshilov // Journal of Economic Research. 2019. – Vol. 5, No. 4. – P. 94–111.
4. Pokrovskaya, A.V. Structural Shifts in the Russian Economy, 2015–2024: Quantitative Assessment and Phase Dynamics Based on the Ryabtsev Index // Tomsk State University Journal of Economics. 2026. No. 74. P. 76–91.
5. Yudina, M.A. Methodological Aspects of Diagnosing Macro-regional Structural Shifts / M.A. Yudina // Journal of New Economy. 2019. – Vol. 20, No. 4. – P. 22–46.
6. Melnikov, R.M. Evaluating the Effectiveness of Regional Investment Policy Using Cost-Benefit Analysis / R.M. Melnikov // Region: Economics and Sociology. 2007. – No. 3. – P. 176–193.
7. Bac, T.C. Revisiting Rural Economic Structural Transformation from the Viewpoint of Regional Linkages / T.C. Bac // Economy of Regions. 2022. – Vol. 18, No. 2. – P. 312–323.
8. Gromyko, G.L. On the Issue of So-Called Composite Indicators for Assessing Structural Changes Over Time and Space / G.L. Gromyko // Voprosy Statistiki (Issues in Statistics). 2013. – No. 8. – P. 51–57.
9. Ismayilova, Yu.N. The Ryabtsev Index as a Tool for Typological Grouping / Yu. N. Ismayilova // Modeling the Development of a Territory's Socio-Economic Potential Amidst Modern Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Ulan-Ude, September 20–22,

2018 / East Siberia State University of Technology and Management. – Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management, 2018. – P. 145–149.
10. Molokova, E.L. Intensity and Directions of Structural Changes in the Economies of Russian Regions: The Role of the Agricultural Sector / E.L. Molokova, E.A. Lyashenko // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2026. – Vol. 16, No. 10.

Тлисов Магомет-Амин Азаматович, аспирант Северо-Кавказского института − филиала РАНХиГС, г. Пятигорск, Российская Федерация, e-mail: tlisovamin@mail.ru

Magomet-Amin Tlisov, postgraduate student at the North Caucasus Institute-Branch of the RANEPA, Pyatigorsk, Russian Federation, e-mail: tlisovamin@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

СТРУКТУРА СТАТЬИ должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы.

К рассмотрению принимаются статьи со структурой, соответствующей международному стандарту IMRAD:

Введение. Раздел, который начинается с описания объекта и предмета исследования, затем формулируется актуальность исследования. Приводится обзор мировой литературы, подтверждающий отсутствие в литературных источниках решения данной задачи и указывающий предшественников, на исследованиях которых базируется работа. Формулируется постановка цели исследования, вытекающая из результатов обзора литературы и содержащая перечень намеченных к решению задач. Определяется новизна исследования.

Методы. В данном разделе подробно описывается выбранный метод (методы) исследования.

Результаты. Результаты исследования следует представлять в логической последовательности, используя фактическую или теоретическую аргументацию тезисов.

Обсуждение содержит выводы, кратко формулирующие основные научные результаты статьи как установленные авторами зависимости (связи) между параметрами объекта исследования.

Название статьи

Название статьи в научном журнале – это определение объекта исследования в форме «ближайший род + видовое отличие». В исключительных случаях к определению объекта исследования добавляется указание на метод исследования.

Просим Вас не включать в название:

слова, указывающие на процесс исследования (например, анализ, исследование, изучение, применение, поиск, определение, решение, расчёт);

слова, указывающие на актуальность (новый, современный, актуальный);

слова, указывающие на превосходство (наилучший, наиболее/наименее выгодный, оптимальный, самый);

общие вводные конструкции и слова (к вопросу о, с точки зрения, некоторые особенности, вопросы, проблемы).

Рекомендуемая длина названия – 7 слов (не считая предлоги и союзы).

ЦИТИРОВАНИЕ ИЛИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ТЕКСТА, СОЗДАННОГО С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ДАЛЕЕ ИИ).

Если вы использовали ИИ в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. В своем тексте предоставьте prompt – командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

Материал, представляемый к публикации, должен являться оригинальным, ранее не опубликованным в других научных изданиях, соответствовать профилю журнала.

Автор присылает статью в редакцию на электронную почту vestnik-ski@ranepa.ru в виде файла Microsoft Word 2003, озаглавленного по образцу: Статья_Фамилия автора. В теме письма также следует указать Статья_ Фамилия автора

Аспиранты и соискатели, магистранты в обязательном порядке предоставляют оригинал или скан-копию рецензии научного руководителя, справку с места учебы.

РУКОПИСЬ НАУЧНОЙ СТАТЬИ ОФОРМЛЯЕТСЯ АВТОРАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СЛЕДУЮЩИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ:

Объем статьи должен составлять 16–20 тыс. знаков (с пробелами) для аспирантов и магистрантов; 16–40 тыс. знаков (с пробелами) для других категорий авторов.

Расширение файлов	*.rtf., doc. (формат *.docx не допускается!)
Размер бумаги	А4 (210х297)
Поля	все по 2 см
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта (кегль)	14
Абзацный отступ	1,25 см
Междустрочный интервал	полуторный (1,5)
Межбуквенный интервал	обычный
Межсловный пробел	один знак

Автоматические ссылки и нумерация страниц не допускаются.

Выравнивание текста – по ширине.

Дефис (-) должен отличаться от тире (–).

Тире и кавычки должны быть одинакового начертания по всему тексту.

Использовать кавычки только одного вида – «Русский язык». / “Иностранный язык”

При наборе не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами («висячие строки»).

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.

Таблица располагается непосредственно после текста, в котором она упоминается впервые.

На все таблицы должны быть ссылки в тексте статьи.

Не допускается использование таблиц с альбомной ориентацией.

Размер шрифта табличного текста – 10, начертание – обычное.

Названия таблиц подписываются сверху (**жирный шрифт**, выравнивание по центру):

Таблица 1. Статистические сведения… .

Иллюстрации, графики, схемы, чертежи и т. п. подписываются снизу

Жирный шрифт, выравнивание по центру: **Рисунок 1. Распределение числа респондентов…**

Нумерация сквозная.

При предоставлении данных в виде таблиц и иллюстраций обязательна ссылка на источник.

Таблицы и иллюстрации выполняются ***в черном цвете на белом фоне.***

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ»). Для сложных формул используется редактор формул «MS-Equation 3.0» (или ниже) из пакета MS-Office (пункт меню «Вставка – Объект»).

Нумерацию следует ставить отдельно от формул обычным текстом.

NOTABENE: Не набирать заголовок в режиме Caps Lock!

Не использовать макросы.

Список литературы размещается в конце статьи и обусловливается наличием цитат или ссылок, оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников), нумеруется вручную (**не автоматически**).

Количество источников в библиографическом списке должно составлять не менее 10 позиций.

Библиография состоит из двух частей: обычного списка и его дубликата на английском языке.

Внутритекстовые ссылки на включенные в библиографический список работы оформляются в квадратных скобках по тексту статьи с указанием номера источника по библиографическому списку. Отсылки, используемые для связи текста с библиографическим списком, оформляются без указания страниц [1; 5]. Использование автоматических постраничных ссылок не допускается.

УДК определяется по классификатору: https://teacode.com/online/udc/

Все материалы проходят обязательную проверку в системе **АНТИПЛАГИАТ**. К публикации допускаются статьи, имеющие не менее 70% оригинального текста. Доля самоцитирования должна составлять не более 10%.

На первой странице в строгом порядке указывается следующая информация на русском и английском языках:

Индексы УДК	Только на русском языке
Сведения об авторе	Указываются в начале статьи. ***Имя и фамилия***, место работы, город, страна (под названием статьи через пробел, выравнивание по ширине) – и в конце статьи через пробел – ***Фамилия Имя Отчество*** (полностью, курсив, жирный шрифт), ученая степень без сокращений, ученое звание без сокращений, должность, место работы или учебы в именительном падеже, населенный пункт, страна, адрес электронной почты. Размер шрифта (кегль) – 14; выравнивание – по ширине.
Название статьи на русском языке	**ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ, ЖИРНЫЙ ШРИФТ**, выравнивание – по центру
Аннотация	Рекомендуемый средний объем аннотации – 600 печатных знаков с пробелами в соответствии с ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214 – 76) Реферат и аннотация. Общие требования. Аннотация в обязательном порядке должна содержать проблему (введение), методологию (или основной методологический фреймворк – например, в рамках какой теории производилось исследование), результаты исследования, какая польза от исследования / практическое применение.
Ключевые слова	Количество ключевых слов (словосочетаний) в статье не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний).
Name Surname	Фамилия первая буква имени на английском языке (***курсив, жирный шрифт***, выравнивание – по центру)
Название статьи на английском языке	**ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ, ЖИРНЫЙ ШРИФТ**, выравнивание – по центру
Abstract	Через интервал аннотация на английском языке
Keywords	Через интервал ключевые слова и словосочетания на английском языке
Текст статьи	Через интервал с рубриками без пробелов **Введение.** Текст **Методы.** Текст **Результаты.** Текст **Обсуждение.** Текст
Библиографический список	Библиография состоит из двух частей: обычного списка и его дубликата на английском языке

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Статьи рецензируются членами редакционной коллегии.

Редакционная коллегия вправе отклонить статью, которая не соответствует требованиям оформления.

Образец оформления статьи

УДК 000

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ

(----------пропуск строки----------)

Сергей Иванов, Московская гуманитарная академия, г. Москва, Российская Федерация

(----------пропуск строки----------)

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы…

Ключевые слова: регион, экономика, Северный Кавказ, интеграция.

(----------пропуск строки----------)

THE NORTH CAUCASUS: THE CHALLENGES OF INTEGRATION

(----------пропуск строки----------)

Ivanov S.

(----------пропуск строки----------)

Abstract. The paper / present study considers the main problems of...

Keywords: region, the economy, the North Caucasus, integration.

(----------пропуск строки----------)

На сегодняшний день ситуация в регионах [1] Северо-Кавказского федерального округа (Таблица 1)

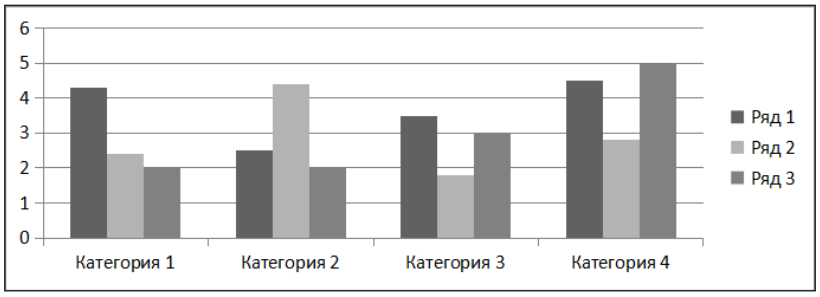
(----------пропуск строки----------)

Таблица 1. Ситуация в СКФО

Заголовок	Заголовок	Заголовок	Заголовок	Заголовок
Данные	Данные	Данные	Данные	Данные

(----------пропуск строки----------)

Рассматривая вопросы развития демографической ситуации (Рисунок 1)

(----------пропуск строки----------)

Рисунок 1. Распределение населения

(----------пропуск строки----------)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

(----------пропуск строки----------)

BIBLIOGRAPHIC LIST

(----------пропуск строки----------)

Образец оформления библиографического списка

Монография с ОДНИМ АВТОРОМ

1. Белкина Т.Д. Экономические и социальные функции городов. Методология анализа: монография / Т.Д. Белкина. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 206 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-013340-9. – Текст: непосредственный

Монография с ДВУМЯ АВТОРАМИ

1. Кожевников С.А. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения: монография / С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова; под ред. В.А. Ильина, Т.В. Усковой; ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». – Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. – 208 с. – ISBN 978-5-93299-402-3. – Текст: непосредственный.

Монография с ЧЕТЫРЬМЯ АВТОРАМИ

1. Управление рисками приоритетных инвестиционных проектов. Концепция и методология: монография / В.Г. Антонов, В.В. Масленников, Л.Г. Скамай, А.М. Вачегин. – Москва: Русайнс, 2018. – 188 с. – ISBN 978-5-4365-0147-5. – Текст: непосредственный

Законодательные материалы

1. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 131-ФЗ: [принят Государственной думой 16 сентября 2003 года: одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года]. – Москва: Проспект; Санкт-Петербург: Кодекс, 2017. – 158 с.; 20 см. – 1000 экз. – ISBN 978-5-392-26365-3. – Текст: непосредственный
2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва: Эксмо, 2017. – 350 с.; 20 см. – (Актуальное законодательство). – 3000 экз. – ISBN 978-5-04-004029-2. – Текст: непосредственный.

Материалы конференции

1. «Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения», международная научная конференция: сборник научных статей V Международной научной конференции «Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения», Москва, 15 ноября 2017 г. – Москва: ГУУ, 2017. – 382 с. – ISBN 978-5-215-03012-7. – Текст: непосредственный.
2. Проблемы развития предприятий: теория и практика: материалы 16-й Международной научно-практической конференции, Самара, 16-17 ноября 2017 г.: в 3 ч. Ч. 2. Региональное развитие в условиях глобализации. Развитие теории и практики менеджмента предприятий в условиях перехода к инновационной экономике / отв. ред. С.И. Ашмарина. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2017. – 276 с. – ISBN 978-5-94622-775-9. – Текст: непосредственный.

Статья из журнала с ОДНИМ АВТОРОМ

1. Чернышев А.С. Параметрическая теория малых групп и коллективов: исходные положения и тенденции развития / А.С. Чернышев. – Текст: непосредственный // Психологический журнал: Российская академия наук. – 2016. – Т. 37, № 6. – С. 15–25.

Статья из журнала с ДВУМЯ АВТОРАМИ

1. Когай Е.А. Об итогах круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» / Е.А. Когай, Г.Ф. Ромашкина. – Текст: непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 266–273.

Статья из журнала с ЧЕТЫРЬМЯ АВТОРАМИ

1. Начальное образование и подготовка учителя в поликультурном социуме / А.И. Савенков, А.С. Львова, Т.И. Зиновьева, А.Х. Аренова. – Текст: непосредственный // Начальная школа. – 2024. – № 1. – С. 3–6. – (Педагогическое образование). – Библиогр.: с. 6 (3 назв.)

Диссертации и авторефераты

1. Аврамова Е.В. Публичная библиотека в системе непрерывного библиотечно-информационного образования: специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Аврамова Елена Викторовна; Санкт-Петербургский государственный институт культуры. – Санкт-Петербург, 2017. – 361 с. – Библиогр.: с. 296–335. – Текст: непосредственный.

Статья из газеты

1. Яковлева, Е. Прав? Правь!: 800 лет Александру Невскому: битвы князя и за князя / Елена Яковлева. – Текст: непосредственный // Российская газета. – Москва. – 2021. – 10 сентября (№ 207). – С. 3.

Стандарты

1. ГОСТ Р 51303-2013. Торговля. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 582-ст: дата введения 2014-04-01. – Москва: Стандартинформ, 2014. – 22 с. – Текст: непосредственный.
2. ГОСТ Р 7.0.100-2018. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления: национальный стандарт Российской Федерации: изд. официальное: дата введения 1 июля 2019 / Федеральное агентство по техническому регулированию. – Москва: Стандартинформ, 2018. – 124 с. – Текст: непосредственный.

Словари

1. Варламова, Л.Н. Управление документацией: англо-русский аннотированный словарь / Л.Н. Варламова, Л.С. Баюн, К.А. Бастрикова. – Москва: Спутник+, 2017. – 398 с. – ISBN 978-5-9973-4489-4. – Текст: непосредственный.

Электронные ресурсы

Перед электронным адресом приводится аббревиатура URL. После адреса обязательно указывать дату обращения к ресурсу. Примечание «Режим доступа» осталось только для указания особенностей доступа к ресурсам (по подписке, для авторизованных пользователей и т. п.).

1. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающие развития экономики на основе инноваций: монография / под общ. ред. Г.А. Хмелевой. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2019. – 446 с. – ISBN 978-5– 94622-873-2. – URL: http://lib1.sseu.ru/MegaPro (дата обращения: 09.08.2019). – Режим доступа: Автоматизированная интегрированная библиотечная система «МегаПро»; для зарегистрир. пользователей СГЭУ. – Текст: электронный.

Сайты

1. eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека: сайт. – Москва, 2019. – URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 19.06.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
2. Правительство Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: http://govemment.ru (дата обращения: 19.06.20226). – Текст: электронный.
3. Порядок присвоения номера ISBN // Российская книжная палата: [сайт]. – 2026 – URL: http://bookchamber.ru/isbn.html (дата обращения: 22.05.2026). – Текст: электронный
4. Электронная библиотека: библиотека диссертаций: сайт / Российская государственная библиотека. – Москва: РГБ, 2003. – URL: http://diss.rsl.ru/?lang=ru (дата обращения: 20.07.2026). – Режим доступа: для зарегистрир. читателей РГБ. – Текст: электронный

(----------пропуск строки----------)

Иванов Сергей Петрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии, Московская гуманитарная академия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: (личный)

Sergey Ivanov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow Humanitarian Academy, Moscow, Russian Federation, e-mail: (личный)

Научное издание

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Главный редактор: Киселева Н.Н.
Компьютерный дизайн-верстка: Кочесокова М.К.

Материалы журнала отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Академии.
Статьи публикуются в авторской редакции.
При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 10 ноября 2026 г. Сдано в печать 15 ноября 2026 г.
Дата выхода в свет: 20 ноября 2026 г.
Формат 60×84/8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 14,41. Заказ № 1110
БЕСПЛАТНО

© «Северо-Кавказский институт-филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
357502, Ставропольский край, городской округ город-курорт Пятигорск, город Пятигорск, улица Дунаевского, 5а
тел.: 8(8793) 33-26-21
e-mail: vestnik-ski@ranepa.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ»
г. Пятигорск, ул. Козлова, 19
тел. 8 (8793) 39-09-03